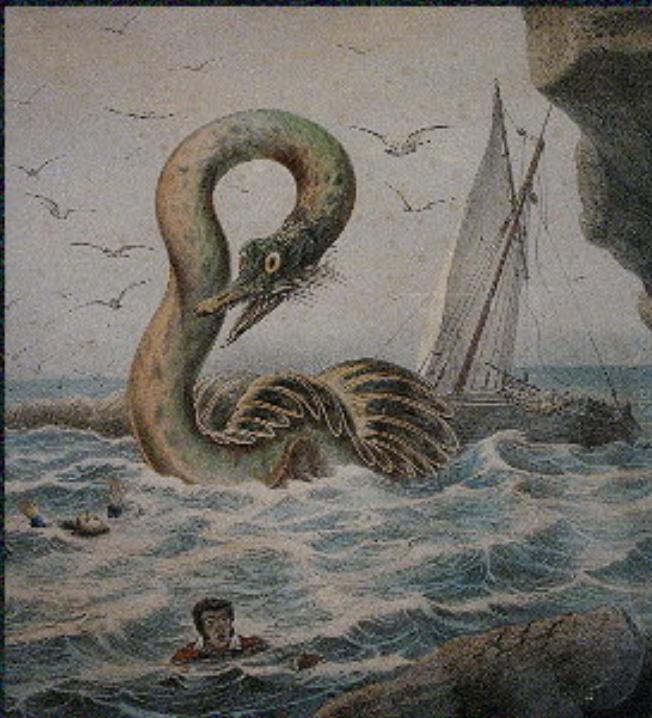

[Polaris]

ИЗ

ГЛУБИНЫ ГЛУБИН

Рассказы о морском змее

Том II

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCL

Salamandra P.V.V.

ИЗ ГЛУБИНЫ ГЛУБИН

Рассказы о морском змее

Том II

Изд. 2-е, дополненное

Составление и комментарии
А. Шермана

Salamandra P.V.V.

Из глубины глубин: Рассказы о морском змее. Том II. Изд. 2-е, доп. Сост. и комм. А. Шермана. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 310 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCL).

«В бинокли и подзорные трубы мы видели громадные раскрытые челюсти с дюжиной рядов острых клыков и огромные глаза по бокам. Голова его вздымалась над водой не менее чем на шестьдесят футов...»

Живое ископаемое, неведомый криптид, призрак воображения, герой мифов и легенд или древнейшее воплощение коллективного ужаса — морской змей не миновал фантастическую литературу новейшего времени. В уникальной антологии «Из глубины глубин» собраны произведения о морском змее, охватывающие период почти в 150 лет; многие из них впервые переведены на русский язык.

В книге также приводятся некоторые газетные и журнальные мистификации XIX-XX вв., которые можно смело отнести к художественной прозе. Издание снабжено подробными комментариями.

© Authors, estate, 2018

© Translators, переводы, 2018

© A. Sherman, состав, коммент., 2018

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

ARTHUR RACKHAM 1911

**ИЗ ГЛУБИНЫ
ГЛУБИН**

Между тем вечерело, и стадо морских змей
плыло по морю.

В. Хлебников

Аноним

МОРСКОЙ ЗМЕЙ СПАСАЕТ КОМАНДУ

(1910)

МОРСКОЙ ЗМЕЙ СПАСАЕТ КОМАНДУ

Корабль, защищавший у Саргассова моря, получает неожиданную помощь от ужасного чудовища

Старинный фрегат «Пенсакола» штилевал в лошадиных широтах. Ни единое дуновение ветра не шевелило его паруса, вяло и дрябло свисавшие с рей. Ничто не шевелилось — только мачты плавно наклонялись то вправо, то влево, когда корабль покачивался на океанской зыби. Блоки жалобно потрескивали и провисшие канаты изредка громко хлопали о паруса. Палуба была суха, как голая кость под солнцем. Сквозь доски настила пробивалась кипящая смола, будто корабль превратился в варочный котел.

У капитана началась обычная долгая послеобеденная сиеста: он лежал в ванне, впитывая всем телом свежую, охлажденную испарением воду — иначе можно было и свариться в такой-то жаре! Двери коридора и его каюты были открыты, стекла больших иллюминаторов сняты, и ничто не заслоняло капитану вид на сверкающее море.

Команда на палубе могла только мечтать о подобном комфорте. У матросов не было ванн, куда они могли бы погрузиться, да и запасы питьевой воды быстро истощались. На их исхудавших лицах был написан страх: что, если штиль затянется и им придется провести долгие недели в пустынном океане? Они стояли у фальшбортов, жадно выискивая глазами в небе любые признаки облаков.

— Ханс Хансен, говорят, ты родился в Хаммерфесте, — сказал первый помощник. — Это верно?

— Да, сэр, — слабым голосом ответил Ханс.

— Тогда полезай на нактоуз, смотри на зайд-вест и выиsistывай ветер. И гляди, чтобы это была лучшая мелодия в твоей тупой башке! Не будет ветра до второй собачьей вахты — отправишься в форпик к Скьярсену.

— Слушаюсь, слушаюсь, сэр, — ответил Ханс, забираясь на стойку нактоуза.

Его голос дрожал и звучал немного придушенно. Ханс очень боялся форпика. У Скьярсена ничего не вышло, и надежды было мало. Он стал настыривать веселую мелодию, призывая ветер, но в скрипе блоков и хлопанье провисших снастей она звучала погребальной песней.

Внезапно по нетерпеливым лицам на палубе разлилась смертельная бледность. Что-то громадное и зеленое вдруг поднялось из воды справа по носу и нырнуло обратно. Ханс слетел с нактоуза и громко плюхнулся на палубу. Корабль словно перестал покачиваться, блоки смолкли и все замерло в кладбищенской тишине.

Первый помощник уставился на волны, но ничего не сумел разглядеть. Стеклянная толща воды ровно уходила к горизонту.

— Все понятно! — сказал первый помощник, уныло поворачиваясь к остальным. — Мы на краю Саргассова моря. Ни один корабль отсюда никогда не выбирался. Старые шкиперы рассказывают, что в этих водах всегда водились такие чудовища. Они забираются в кубрики и уносят моряков на дно.

— Я слышал, сэр, что Саргассово море плавает с места на место. Самый лучший моряк ничего не подозревает, пока не окажется опутан водорослями, — в волнении произнес один из матросов.

Матросы тихо переговаривались и страшно боялись. Никто даже не заметил, что делалось на корме, как вдруг капитан пронзительно и истошно завопил, зовя на помощь.

Корма начала подпрыгивать на воде, как пробка, доски скрипели, будто готовы были в любую минуту разлететься в щепы. Матросы забегали: им грозила опасность очутиться в море.

Помощник бросился на корму, перегнулся через релинг и увидел в водовороте волн стоящее тело, покрытое зеленой чешуей. Волосы встали дыбом у него на голове, и он в ужасе отскочил. Несколько матросов бросились к каюту, где продолжал жутко кричать капитан — но встретили содрогающуюся массу зеленых чешуек и едва сумели вернуться на палубу. Все были в панике.

Шкипер кричал не зря. Огромный чешуйчатый монстр, заглянув в открытый кормовой иллюминатор, увидел над бортиком ванны голову и плечи капитана, просунул колоссальную морду в кабину и пытался дотянуться до капитана. Большой ороговевший плавник на спине чудовища уперся в деревянную раму иллюминатора и монстр не мог продвинуться дальше, как ни старался.

Не менее ста футов его тела оставались в воде за кормой корабля. Чудовище по-прежнему пыталось дотянуться до капитана. Гигантский хвост бил по воде и поднимал волны. При первом ударе хвоста капитан открыл глаза и увидел перед собой разинутую пасть, истекающую слизью и поросшую водорослями. Два дергающихся щупальца потянулись к капитану, но он отклонился назад. Его глаза чуть не вылезли из орбит, кровь заледенела, несмотря на жару, ужас выедал мозг. С диким криком он лишился сознания и упал в воду; прохладная влага привела его в себя, прежде чем он успел захлебнуться.

Змей шипел и плевал капитану в лицо соленой водой, отчаянно стараясь продвинуться на несколько футов. Очевидно, он не желал отказываться от изысканного завтрака. От мощных взмахов его хвоста в воде корабль сдвинулся и медленно поплыл вперед.

Первый помощник заметил это и крикнул Хансу Хансену:

— К штурвалу! Держи на норд-норд-вест!

Оценив положение, помощник велел матросам стать по местам, а старшему матросу приказал забросить лаг и установить скорость корабля. «Пенсакола», как выяснилось, делала десять узлов в час. Удостоверившись, что чудовище не в силах проплыть дальше в каюту, помощник подошел к вентиляционному отверстию и крикнул капитану:

— Эй, хватит вонять. Вы в безопасности. Змей до вас не доберется. Успокойтесь.

Нельзя сказать, что все пошло гладко. Змей начал по немногу терять энтузиазм или аппетит и уже не так быстро подталкивал корабль.

— Так не годится! — заметил помощник. — Нужно его расшевелить, не то капитану придется неделю валяться в ванне!

Он велел принести швабру и спустил ее в капитанскую каюту.

— Возьмите и пощекочите его под подбородком, — крикнул помощник. — Сделайте вид, что хотите вцепиться ему в глотку. Дайте ему пинка по носу, подергайте за усы. Лишь бы его хвост задергался быстрее, иначе никогда не выберетесь из вашей ванны!

Бедный капитан задрожал от ужаса, услышав эти указания. Но время шло, и капитан понял, что ничего другого не остается. Он собрался с духом и угостил змея приличным тумаком. Удар пришелся прямо по носу. Из змея при этом вылилось столько воды, что капитан чуть не утонул. Отвратительное тело содрогнулось от ярости и злобы, длинный хвост за кормой взбил воду и фрегат стал быстро набирать скорость.

— Так держать, капитан! Задайте ему! Скоро мы выберемся отсюда! — радостно крикнул первый помощник.

Старый шкипер заработал шваброй. Удары падали на глаза, нос и даже слизистое нёбо чудовища. Капитан почувствовал себя хозяином положения. Чем быстрее он орудовал шваброй, тем чаще чудовище взмахивало хвостом, гоняя корабль вперед, как паровой двигатель. Скорость возросла до 16 узлов, затем до 20, и все потому, что капитан, стараясь не оплошать, придумал один удачный маневр со шваброй. Море так и мелькало, нос корабля вспенивал и разрезал волны.

Они долго неслись с невероятной быстротой, пока далеко над горизонтом не показалось блеклое белое пятнышко. По палубе пронесся крик:

— Облако! Облако!

Капитан, лежа в ванне, услышал этот крик и облегченно вздохнул. Помощник подбежал к вентиляционному отверстию и крикнул, что швабра больше не нужна. Вниз спустили линь, и капитан выбрался на палубу.

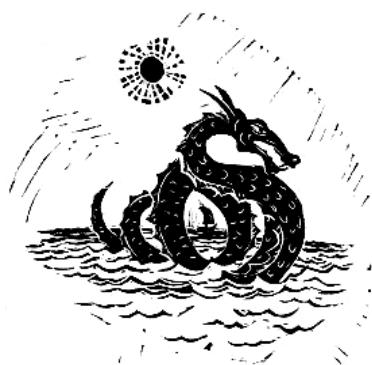
Все страхи были позади. Все были спасены. Капитан показал себя героем — он мастерски управился со шваброй и, надо добавить, привлек монстра своим аппетитным видом. Змей понял, что в каюте не осталось ничего съедобного, скользнул в воду и исчез.

Все это время Хансен стоял за штурвалом и широко улыбался, радуясь избавлению от форпика.

Первый помощник прошел мимо него и сдавленно пропищел:

— Смотри мне! Не дай тебе Бог снова засвистеть на этом корабле!

С тех пор Хансен никогда не свистел на борту.

Э. Веддер. Лежбище морского змея (1899)

Михаил Первухин

ЗЕЛЕНАЯ СМЕРТЬ

(1911)

Не говорите мне о Соломоновых островах! Вы лучше меня спросите, спросите меня, капитана Джонатана Смита, что такое Соломоновы острова?

Я вам скажу!

Вы, мальчишки!

Слышали ли вы, например, что такое «Зеленая смерть»?

Нет?

Ну, так и не раскрывайте рта, когда в вашей компании находится человек, который не только слышал, что такое «Зеленая смерть», но...

Но сам ее видел, своими собственными глазами!

Вы спрашиваете, кто это?

Я вам отвечу:

— Капитан с «Сузи Блиг», Джонатан Смит. То есть я.

Бравый моряк, председательствовавший на маленькой товарищеской пирушке в скромной таверне на окраине Алии, столицы Самоа, поставил на стол опустевшую кружку и крикнул хозяину кабачка, высокому курчавому негру Иезекиилю:

— Эй, африканский принц!

— Что, масса? — откликнулся молчаливый негр.

— Элю! Да покрепче, получше сортом!

Когда я рассказываю о «Зеленой смерти», у меня всегда глотка пересыхает, и ее необходимо аккуратно смачивать. А то доктора меня предупреждали, что от излишней сухости горла может черт знает что случиться. Не понял я хорошо, что именно: не то суставной ревматизм, не то воспаление слепой или глухой кишки. А при моем слабом здоровье это для меня похоже смерти! Только не «Зеленой Смерти», конечно! Так давай же, черный патриарх, кружку элю!

Общий хохот встретил заявление Смита, казавшегося выкованным из стали, о «слабости» его здоровья.

Смит славился своею исключительною любовью к элю. Он мог безнаказанно поглощать неимоверное количество этого напитка, не подвергаясь ни малейшим неприятным последствиям, но считал необходимым при требовании каждой новой кружки подробно мотивировать, почему именно он хочет выпить эту кружку.

То он прозяб, и ему надо согреться, а для этого самое лучшее средство именно эль.

То слишком жарко, можно задохнуться, и потому надо выпить кружечку элю, чтобы освежиться.

Если идет дождь, то воздух слишком сыр, и это вредно для слабого здоровья капитана Смита. Единственное спасение хлебнуть элю.

То ветер носит по улицам клубы пыли, а известно, как вредно действует пыль, оседая в горле, и нет ничего лучше эля для того, чтобы прополоскать горло.

Пил свой любимый напиток капитан Смит и от насморка, и от несварения желудка, и от головной боли, и от...

Да решительно от всяких недугов, будто бы его одолевавших или, по крайней мере, ему грозивших со всех сторон.

В изобретении причин, побуждающих прибегнуть к элю, он был положительно неутомим, и ничто не могло застать его врасплох, ничто не могло заставить его лазить за подходящим словечком в карман.

Эту слабость капитана Смита отлично знали все его приятели, и между ними установился своеобразный спорт: молодцы старались заранее отгадать, какие именно причи-

ны придумает Смит для того, чтобы выпить пару лишних кружек эля.

Впрочем, словечко «лишний эль» по существу мало соответствовало истине: капитан мог поглощать и поглощал совершенно безнаказанно положительно неимоверное количество любимого напитка, оставаясь, как говорится, «ни в одном глазе».

И, покидая какой-нибудь «Приют моряка» после изрядной попойки, оставляя огромное большинство товарищей уже в том состоянии, когда человек, по характерной пословице, лыка не вяжет, сам Смит мог идти хотя бы по одной доске, ничуть не уклоняясь от прямой линии, не шатаясь. Он только жаловался в таких случаях, что будто бы откуда-то черт туману наносит.

Но сейчас же добавлял:

— Эх, жалость такая! Надо было бы мне, очевидно, еще кружечку хлопнуть! Эль ведь чудесно зрение очищает! Какой-нибудь туман, а хлопнешь кружечку, и сразу все ясно делается!

К чести капитана Смита надо сказать, что, во-первых, он отдавал дань Бахусу или, проще сказать, элю только на берегу, то есть когда на нем не лежала уже ответственность за судьбу «Сузи Блинг», его маленького, но бойкого и делавшего отличные дела пароходика.

На море Смит становился форменным трезвенником и без труда мог бы выставить свою кандидатуру в почетные президенты любого общества борьбы со спиртными напитками.

А, во-вторых, он никогда никого не «подколдывал», как говорят матросы, то есть не соблазнял пить, а даже поговаривал в дружеской компании, обращаясь к молодежи:

— Ты, парень, на меня не смотри. С меня примера не бери, говорю я! Потому, я для примера не гожусь, ой, совсем-таки не гожусь!

Видишь, со мною нянька моя сыграла когда-то скверную, и даже очень поганую шутку.

Вскормливали меня на рожке. В рожок надо было один раз налить того, что туда наливать полагается, то есть теп-

лого молочка. А эта глупая баба, не то по ошибке, не то с пьяных глаз, да налила полный рожок элю!

Ну, с того и пошло...

А тебя, надеюсь, твоя мамаша элем не напаивала, когда ты еще «папа, мама» выговорить не мог? Ну, так и нечего тебе привыкать напиваться по-свински! Выпил немножко, и будет. Плати и уходи. А если хочешь в компании сидеть, то сиди и так, без выпивки.

От выпивки на душе много лучше не сделается, а для матросского кармана обидно.

А уж если у тебя много лишних долларов завелось, так ты, милый друг, лучше вспомни, что у тебя, поди, старухамать есть?

— Нету! Сирота я!

— Ну? Скверно, брат! Но если матери нету, то жена есть?

— Холост еще!

— Еще того хуже! Но если и жены нету, так уж наверное есть какая-нибудь девушка с ясными глазками, которую ты когда-нибудь на буксир возьмешь и в церковь поведешь, чтобы вас там окрутили, рабов Божиих...

— Оно, положим, есть-таки такая... — конфузливо сознавался, улыбаясь и краснея, матрос.

— Ну, вот видишь? А раз есть о ком подумать, так ты, дружище, лучше денег не проживай. Пивоваренные заводы и всякие фабрики ликеров или подвалы производителей рому и без твоих долларов не обанкротятся.

А ты сбереги пару-другую долларов, отложи да купи своей невесте какую-нибудь шаль. Нацепит она твой подарочек на плечики, красоваться будет, тебя добрым словом вспомянет.

Так-то!

А я, с твоего позволения, утомился, тебя, болвана, уговаривая! Надо подсушиться!

Эй, хозяин! Тащи-ка еще кружечку! Одну, одну! Я не пьяница, чтобы сразу по две кружки требовать!

В тот вечер, когда капитан Джонатан Смит заговорил о Соломоновых островах и о «Зеленой смерти», в матросском клубе или попросту в кабачке «Адмирал Нельсон» в Алии

за большим грубой работы столом заседало не меньше десятка моряков разных национальностей — все старые приятели Джонатана, с большим вниманием выслушивавшие обыкновенно все его рассказы о виденном и пережитом за многие годы скитаний по морскому простору.

Заявление о «Зеленой смерти» произвело большое впечатление.

— «Зеленая смерть»? — проворчал, вынимая трубку изо рта, капитан Валингфорд. — Что-то такое слышал! Да. Что-то подобное говорили мне? Кто? Не припомню!

Но...

Но при чем же тут Соломоновы острова? Сколько я помню, «Зеленая смерть» это в Саргассах!

— Попал пальцем в небо! — насмешливо отозвался Смит.

— Нет, право же! Ну, тут много болтовни всякой. Говорят, будто иное судно попадет в Саргассы, и уже не может выбраться оттуда. Морские растения оплетают корпус судна, покрывают его, как зеленым саваном. Это, будто бы, и есть «Зеленая смерть».

— Слышал звон, да не знаешь, где он! — опять отозвался Смит. — Саргассы это само по себе, и то, что там бывает с судами, по-моему, вовсе не сказка, а чистейшая правда. Но к моим приключениям это вовсе не относится, хотя я побывал не раз около Саргассов и не раз подвергался серьезной опасности.

Но об этом расскажу когда-нибудь, при подходящем случае.

А «Зеленая смерть» Соломоновых островов сама по себе. И ничего общего с Саргассами не имеет. Потому что настоящая «Зеленая смерть» — это совсем, я вам доложу, особая штука...

— Да ты бы лучше рассказал, Джонатан!

— Ладно! Отчего не рассказать? Только... Только покуда Иезекииль, проклятая африканская гиена, не притащит мне кружки элю, я слова не вымолвлю: язык, должно быть, распух. Надо промочить горло!

— Гэй, Иезекииль! — послышались голоса заинтересовавшихся рассказом Смита моряков. — Неси эль поскорее!

— Да несу, несу! — отозвался негр, ставя перед Смитом на стол солидную кружку с пенистым элем.

— Ну-с, слушайте! — начал капитан Смит свое повествование, промочив глотку добрым глотком. — Слушайте да мотайте на ус. А поверите ли вы мне или нет, мне на это в высокой степени начхать. Я говорю то, что говорю, и ни слова больше!

— Правильно!

— Не перебивать, мальчишки!

Итак, попал я тогда на Безымянный остров, один из северных островков, принадлежащих к группе Соломоновых.

Отправился я туда совсем по особому случаю: купил я у капитана Гинца «Джессику».

— Которая потом потонула? — переспросил кто-то из слушателей.

— Не *потом*, — ответил Смит, — а *до этого*. Именно потому я ее и купил, что она потонула.

Шла она сюда, в Апию, с мелким грузом, главным образом, с перламутровыми раковинами. Ну, попала в ураган к берегам Безымянного острова, налетела на какой-то риф, получила пробоину и сделалась подводным судном. Из всей команды «Джессики» спасся тогда только сам капитан Гинц да пара его матросов, и тех чуть не съели туземцы. Благо

еще, вмешались какие-то миссионеры. Принялись эти миссионеры спорить с туземцами на весьма, знаете ли, по моему мнению, щекотливую тему. Уверяют они дикарей, будто бы от человеческого мяса у того, кто его ест, разные болезни заводятся. Волосы выпадают, ноги пухнут, проказа привязывается. Словом, кто человечину ест, тот, будто бы, сам пропащий человек.

А туземцы твердят:

— Кто рыбу ест, часто отравляется ее мясом. Кто свинину ест, тот часто в страшных мучениях помирает...

Тогда миссионеры пустили в ход другой аргумент:

— Да человеческое мясо, дескать, совсем не вкусно!

Ну, а дикари в ответ:

— А вы пробовали? Нет, вы сначала, почтенные отцы, попробуйте, а потом и разглагольствуйте...

Словом, спор затянулся. И чем взяли миссионеры, так чисто практическим доводом:

— Во-первых, спасенные моряки так худы, что на убой не годятся.

— Подкормим, тогда съедим!

— А, во-вторых, если вы их отпустите, то мы вам финтифлюшек подарим на целых десять долларов!

Так и пошли капитан Гинц и его матросы, всего три штуки, за десять долларов и никелевую табакерку, которую пожертвовал один из миссионеров.

Не удивляйтесь, что за Гинца так недорого дали: дикари Соломоновых островов, по крайней мере, в те дни, совсем младенцами были в практических делах, и сколько-нибудь хитрому человеку совсем легко надуть их. Можно было бы выкупить всю тройку по доллару за голову. Но миссионеры-то были новичками, практики не имели и потому оценили Гинца совсем не по заслугам: пять долларов и разломанная табакерка, которую какой-то туземец сейчас же себе в носовую перегородку засунул соплеменникам на утешение, врагам на устрашение, потомству же своему на радость.

А оба матроса пошли за пять долларов. По два с полтиною от башки.

Общий хохот встретил этот рассказ об оценке Гинца.

Когда хохот несколько смолк, Смит продолжал:

— Ну, когда Гинц появился здесь, в Алии, да разнеслись слухи о постигшей его «Джессику» участи, я сообразил, что при случае на этом можно заработать что-нибудь большее того, что заработали от миссионеров туземцы.

«Джессику»-то я знал отлично: суденышко, надо по совести сказать, никудышное. Ему давно бы надо было и честь знать, и самому добровольно на дно пойти, а не дожидаться удобного случая и помочи урагана.

Но, с другой стороны, груз. То есть эти самые раковины. А надо вам заметить, что в те дни, не знаю уж я и сам, почему именно, но спрос на раковины держался крепко. Мода, должно быть, на перламутр была, что ли.

И был у меня готовый покупатель на любую партию перламутра. Хоть две-три сотни тонн привези, все заберет и слова не скажет.

Слово за слово с Гинцем:

— Продай мне «Джессику» со всем грузом! Все равно ведь вытаскивать пароход не будешь: застрахован он был и то выше клотиков, и ты получишь страховую сумму полностью. А за грузом ведь в воду немедленно не полезешь: судно зафрахтовывать придется, людей набирать. Мне же с руки: буду идти мимо, загляну и на Безымянный остров, к твоим приятелям...

— Каким это? — насторожился Гинц.

— А к людоедам Соломоновых островов. Спрошу их, очень ли они жалеют, что вместо тебя пришлось простую свинью сесть...

Ну, выругался Гинц. Очень не любил он вспоминать о том, как дикари его чесноком нафаршировать хотели и на вертеле зажарить собирались.

Но Гинц вспыльчив да отходчив, и мы с ним поладили: я за сто фунтов стерлингов официально вступил в обладание всем грузом потонувшей у Безымянного острова «Джессики».

Но одно дело официально, а совсем другое на деле: ведь груз-то лежал не в каком-нибудь каменном амбаре, даже не

под навесом на бережку, а на морском дне, в трюмах затонувшего судна. Да еще где затонувшего?

У каменистых и малоисследованных берегов островка Соломонова архипелага!

Положим, по описанию капитана Гинца я мог бы довольно легко отыскать ту бухту, где разбилась и затонула злополучная «Джессика». Но ни на кого опираться при работах по поднятию груза я уже не мог: покуда Гинц со спасенными матросами добирались до цивилизованных мест, обитатели Соломоновых островов, видите ли, вздумали произвести интересный опыт с миссионерами.

— Какой?

— А они вспомнили, как миссионеры их уверяли, будто от употребления в пищу человеческого мяса развивается проказа. Ну, у них там шла какая-то междуусобица. Два племени воевали. Вот побежденное племя и придумало такой фортель: изловили дикари двух миссионеров и отправили торжественно посольство к победителям:

— Посылаем вам в дар двух белых. Они достаточно откормлены. Скушайте их за наше здоровье, и не сердитесь больше на нас!

А у самих-то была затаенная мыслишка:

— А вдруг победители, покушав миссионеров, в самом деле, все проказой заболеют?

Не знаю, чем эта история закончилась. Но знаю, что миссионеров-то съели!

Словом, отправляясь к Безымянному острову, я даже не мог рассчитывать на то, что кто-нибудь возьмет на себя труд отговаривать людоедов предпочтеть свиное или баранье мясо моему собственному.

Однако, перспектива вытащить и перепродать агенту несколько тонн раковин, купленных мною буквально за гроши, была так соблазнительна, что вслед за получением от Гинца документов на право производства работ по поднятию со дна моря груза «Джессики» я развел пары и отплыл к Соломоновым островам. Мне удалось довольно легко и скоро отыскать ту бухту, в водах которой затонула «Джессика».

Берег был еще усеян обломками погибшего судна: здесь и там валялись балки, доски, разбитые бочонки и ящики, словом, все то, что или было снесено с палубы «Джессики» волнами до крушения, или, наоборот, уже после крушения всплыло наружу и было прибито волнами к берегу.

На песчаной полоске берега у скал виднелись многочисленные следы людей: это были своего рода визитные карточки тех самых приятелей капитана Гинца, о которых он теперь, не знаю почему, собственно, не мог равнодушно слышать. То ли был недоволен, чудак, довольно низкой оценкой его личности, то ли сердился, что бедные дикари так упорно добирались до его шкуры.

Но в данный момент берег был абсолютно свободен.

В чем дело? Почему они сбежали? Тут могли иметься разнообразные предположения.

Дело в том, что на Соломоновых островах несколько раз подряд перед тем побывали американцы, которые ведь не очень справляются с существующими в мире законами и не стесняются пускать в ход пушки при всяком удобном случае.

Очень возможно, визиты моряков так напугали дикарей, что едва завидев приближающееся к островку «Сузи», самое мирное судно в мире, хотя, правда, и снабженное на всякий случай парочкой палубных орудий, дикари поторопились удрать в дебри и трущобы в центре острова, куда за ними пришлось бы посыпать целую экспедицию.

Но я не был в особенно большой претензии на отсутствие хозяев: иногда они выказывают, как мы видели на примере Гинца, слишком горячие симпатии и чересчур усердное гостеприимство, доходящее до предложения гостям занять местечко на вертеле или в «священном котле»...

А я, знаете, человек грубый, китайские церемонии для меня нож вострый. Предпочитаю, чтобы меня оставили в покое и только бы не мешали мне делать мое дело.

Ну вот я и принял сей час же за работы.

Прежде всего, я поставил мою «Сузи» на якорь, чтобы она, — довольно-таки шаловливая персона, — не вздумала без моего ведома свести ближайшее знакомство с прибреж-

ными камнями или не пожелала бы заглянуть на дно морское, чтобы там узнать, как поживает ее старая знакомая, «Джессика».

Ну, потом я отправил партию вооруженных матросов на берег устроить там маленький лагерь.

Но, впрочем, раньше я отправил штучек пять или шесть послов к туземцам, — тем самым, помните, которые отправили на убой миссионеров.

Моих «послов» людоеды съесть не могли бы, потому что это были особые чугунные послы и начинены они были не чесноком, а порохом.

Проще говоря, я повернулся в сторону берега обеими пушками и шарахнулся по скалам и по близкому перелеску гранатами. Гранаты поползли там, на камнях, среди стволов деревьев, нашумев порядочно, во всяком случае, совершенно достаточно для того, чтобы у дикарей отпала охота скоро показываться на берег и заглядывать в дула моих пушек. А больше мне ничего и не требовалось.

Как только лагерь был готов, то есть окружены импровизированными окопами и снабжен парочкой деревянных бараков, я сейчас же занялся за настоящую работу, то есть за добывание всего, что могло пригодиться мне из добра, затонувшего вместе с «Джессикой».

Тут, понятно, прежде всего понадобились водолазные работы.

Я свято сдержал слово, данное мною на прощанье капитану Гинцу, и, лично спустившись на дно, осмотрел подробно корпус «Джессики», чтобы выяснить, можно ли поднять судно и стоит ли, вообще говоря, возиться с этим.

Осмотр дал малоутешительные для Гинца или, правильнее, для Ллойда результаты: судно было обращено в растоптанную галошу. Весь корпус расколочен. Киль на огромном протяжении измят, руль выворочен, палуба обратилась в нечто невероятное: словно внутри судна в момент гибели произошел взрыв, изломавший доски палубы и полуразрушивший трубу.

Да и в корпусе судна имелось столько пробоин, что если бы кто вздумал чинить его, то пришлось бы латку на сажи-

вать на латку.

Может быть, годились бы на что-нибудь машины, если бы...

Если бы я от самого Гинца не знал, что цилиндры-то еще до крушения выскочили из гнезд и что весь механизм, говоря попросту, обратился в подобие яичницы всмятку...

Словом, поглядев на «Джессику», я должен был сказать ей:

— Покойся, милый друг, до радостного утра!

Много судов ведь лежит на дне морском. Есть такие места, которые у нас, моряков, носят характерное название «морских кладбищ», потому что там погибшие суда буквально завалили морское дно. И смею вас уверить, среди этих «морских покойников» можно найти немало таких пароходов, которые находятся в неизмеримо лучшем состоянии, чем «Джессика». А никому и в голову не придет мысль о том, чтобы возиться с ними, вытаскивать, чинить и снова пускать в ход.

В наши дни ведь судостроение сделало такие большие успехи, что вам выстроят пароход любой величины чуть ли не скорее, чем сапожник добрых старых времен шил на заказ рантовые сапоги. И такой новый пароход сплошь и рядом обходится дешевле, чем обошлись бы работы по вытаскиванию со дна моря какого-нибудь затонувшего «Альбатроса» или разбившейся «Джессики», особенно если для этих работ надо посыпать чуть ли не целую экспедицию в дальние края.

Впрочем, я знаю случай, когда один владелец парового судна аккуратно выуживал его из воды пять раз.

Судно это было, надо признаться, прекрасное.

Должно быть, инженер, который создал его чертежи, все время думал о сооружении именно подводной лодки...

Но это история долгая, я о ней лучше расскажу в другой раз, а теперь вернусь к изложению моих собственных приключений.

Ну-с, осмотрев «Джессику» и убедившись, что извлечение перламутровых раковин не представит особых затруднений, ибо бока судна разворочены и даже часть раковин

высыпалась из трюмов на дно моря, я дал обычный сигнал матросам, поджидавшим меня на лодке с аппаратом, при помощи которого они накачивали воздух в мой водолазный костюм.

— Подымай!
И меня подняли.

Едва с меня сняли медный шлем, обращавший меня в какое-то чудовище, как мой старый испытанный боцман Перазич, далматинец родом и лихой моряк, заявил мне:

— А у нас новости есть, капитан!
— Какие?
— Да я должен об этом вам подробно доложить!
— Выкладывай!

Вижу, Перазич как-то жмется. Явно не хочет говорить матросах. Секрет какой-то...

Я знал старого далматинца за человека серьезного и никогда попросту не болтающего, и понял его.

— Впрочем, нет! — сказал я. — Пойдем-ка ко мне в каюту. Да вели коку захватить бутылочку винца и принести кусок ветчины. Прогулка по дну морскому, должно быть, очень

полезна для тех, кто страдает отсутствием аппетита. Я проголодался. Покуда будем закусывать, ты, старая акула, расскажешь мне все твои новости.

Едва мы разместились за столом в моей каюте, как Перезич мне заявил:

— Приходил один туземец.

— Спрашивал, нет ли у нас на продажу парочки миссионеров? — засмеялся я.

— Нет, командир! Про миссионеров-то он говорил, это верно, но совсем в другом роде!

— Может, хочет нас снабдить ими? Покорно благодарю!
Я другим товаром торгую!

— Да нет же, капитан! Ну, вы лучше слушайте!

— Слушаю и то! Повесил уши на гвоздь внимания!

— Этот дикарь болтает с грехом пополам по-немецки.

— Вот как? Лингвист, значит!

— Да. Говорит, научился именно у тех самых миссионеров, которых потом...

— Которых потом его сородичи съели, как мы с тобою эту принесенную коком ветчину? Дальше!

— Ну, дальше-то я не мог хорошо разобрать, в чем дело. По-немецки я давно разучился болтать. Мы, триестинцы, сами знаете, терпеть не можем тедесков! Ну, а дикарь-то, кстати, еле-еле лапти плетет по-немецки, я думаю, и природному немцу говориться с ним было бы трудно.

— Но ты-то сговорился?

— Да кое-как. То есть я понял кое-что, но, разумеется, далеко не все, из того, что он мне сообщал.

— А что же он сообщал?

— А вы послушайте!

Показал он на море, потом ткнул пальцем вниз, значит, указывает, что речь идет о морском дне.

— Может быть, да, может быть, нет! Но продолжай.

— Ну, потом машет рукою, твердит:

— Не надо. Не надо.

Я его спрашиваю:

— А почему?

А он отвечает:

- «Зеленая смерть»!
— Какая «Зеленая смерть»? В первый раз в жизни слышу!

Ну, он начинает руками разводить. Показывает что-то совсем несуразное: как будто такое большое, что будет, пожалуй, побольше нашей «Сузи» от носа до кормы. Потом говорит:

— Ам-ам. Кушал. Рыба кушал. Акула кушал. Человека кушал.

— Ты бы спросил его, этого дикаря: а твоя «Зеленая смерть» миссионеров не кушал?

— Постойте, капитан! А то я собыюсь. Ну, так вот... Значит, насчет того, что эта самая «Зеленая смерть» и рыбу кушала, и акулу кушала, и человека... Словом, всякую дрянь...

— Чудак же ты, братец! А еще боцман! Не знаю, какого именно цвета вообще-то матушка смерть, зеленая она, фиолетовая или красная с крапинками и разводами, а что она всех «кушает», так это, дружище, старая истина!

— Да постойте, командир! Я так понял туземца, что он говорит не вообще о смерти, а о какой-то особенной смерти. Словом, о чем-то таком, что в самом деле в прямом смысле слова может всякого слопать!

— Глупости! Не так понял!

— Нет, так, капитан! Больше вам скажу! Понял я еще, что стреляли-то мы гранатами по лесу совсем напрасно!

— Это почему?

— А потому что дикарь сюда, на берег, не заманишь никакие коврижки! Удрали они!

— Куда?

— Да в горы, подальше от берега! А почему?

— Да, почему?

— А потому, что кого-то из их компаний эта самая «Зеленая смерть», вышедшая из моря, тут же, на берегу, изловила и съела!

— Фу, какие ужасы! Держите меня, люди добрые, а то я в обморок упаду! Руки дрожат, ноги трясутся, сердце бьется, печень распухает! Эх, ты, а еще старая морская косточка!

— Да я, капитан...

— Молчи, молчи! Какой-то чернокожий наболтал тут с три короба, а ты и того... Всерьез принял рассказы этой соломонской обезьяны!

— Да он, капитан, у миссионеров в выучке был!

Ну, тут я уже не выдержал, знаете. Расхохотался, как сумасшедший.

Совсем сконфузился мой боцман.

Ну, я его похлопал по плечу, чтобы бодрости придать человеку.

— Но ты, надеюсь, — говорю, — хоть так устроил, что когда этот правнук Соломона тут сказки рассказывал, матросы ничего не слышали?

— Нет, командир! Слышать-то они слышали, да...

— Да что же?

— Да ничего не поняли. Хохотали только! Потому, парень гrimасничал уж очень...

— Хохотали? Ну и отлично! И тебе бы надо было делать то же самое, а не вешать нос на квинту! Во всяком случае, я не желал бы, чтобы матросы наслушивались всякой ерунды. Туземцы вообще неисправимые лгуны, прирожденные сочинители, а те, которые побывают у миссионеров, не лучше делаются, а вконец портятся и так изощряются в деле лганья, что с ними никакого сладу нету.

Помнишь Кифи?

А Кифи, ребята, был один самоанец. Надо заметить, преспособная бестия. Талант в своем роде.

Я уверен, если бы Кифи носил не темную самоанского изделия шкуру, а белую, да был бы пограмотнее, да пристроился бы он к какой-нибудь любящей «бум» делать нашей американской газете, этот Кифи сделал бы, думаю, блестящую карьеру!

Если бы, впрочем, не линчевали бы его подписчики.

Ну-с, так этот Кифи здесь же, в Апии, столько раз наводил на население настоящую панику своими рассказами самого фантастического свойства, что прямо-таки прославился:

— Кифи, делатель страхов.

Должно быть, на Безымянном острове моему боцману и попался двоюродный брат, а то и единоутробный братец нашего Кифи, делателя страхов...

Перазич был заметно сконфужен, но все же пытался оправдаться.

— Да, видите ли, капитан! — твердил он. — Уж больно искренним показался мне этот парень! Уж так он просил нас...

— Просил подарить ему рубашку?

— Да нет!

— Бутылку рому?

— Да нет же, капитан!

— Перочинный ножик? Старый цилиндр? Шитый мишурой мундир итальянского тамбур-мажора?

— О, капитан! — взмолился боцман. — Вы мне слова вымолвить не даете!

— Я? Тебе? Слова вымолвить не даю? Опомнись, боцман! Да говори, сколько твоей душеньке угодно! О чем тебя просил этот лгун?

— То есть не то что просил, но умоляет!

— Тебя?

— Да нет же! Нас всех! Ну, вас, капитан! Потому что он меня за капитана принял, не в обиду вам будь сказано!

— Ну? Так о чем он меня умолял?

— Чтобы мы, значит, подбирали якоря и уходили без оглядки отсюда!

— Кто-нибудь из вас двух, Перазич, с ума сошел! Или ты, или этот соломонец!

— Не знаю, капитан!

— И я не знаю. Я знаю только одно: я заплатил Гинцу за груз «Джессики» сто фунтов стерлингов, как одну копеечку, да затратился на покупку скафандров, на наем в Апии четырех водолазов, на путешествие сюда. Как ты думаешь, деньги у меня бешеные или нет?

— Разумеется, не бешеные!

— Ну, то-то же! Швырять деньги я и смолоду не любил, а под старость и тем более. Гроша медного даром истратить не намерен!

И будь тут не одна «Зеленая смерть», а будь в компании с нею «Смерть голубая», «Смерть розовая», «Смерть цвета дыма Абукирского сражения», «Смерть полосатая», «Смерть крапинками», сто тысяч разноцветных смертей, мне на всю эту ассамблею в высокой степени начхать. Я пришел сюда добыть со дна моря несколько тонн раковин, и я их добуду. Прочее же меня не касается, особенно пьяная болтовня какого-то изолгавшегося вконец дикаря.

А вот что.

Акулы здесь, надо полагать-таки, водятся в большем количестве, чем золотые рыбки в аквариуме какого-нибудь любителя, и водолазам надо держать ухо востро. Позабочься-ка ты, Перазич, о том, чтобы каждый водолаз, спускаясь на дно, непременно был как следует вооружен. Снабжай ты их малайскими «криссами». Великолепное оружие для борьбы с «морской гиеной»! Одним ударом «криssa» любой акуле можно распороть туловище от челюсти до хвоста, не только кишку выпустить, но и всю остальную требуху акульего тела. Впрочем, я ведь и сам буду с водолазами от времени до времени спускаться: свой глаз — алмаз. Пусти водолазов работать без присмотра, они там усядутся, калякать будут, трубочки покуривать...

Ну, тут Перазич не выдержал:

— Побойтесь Бога, командир! — сказал он. — Под водой-то калякать?

— А ты не видел ни разу неаполитанцев? Те, брат, рта не раскрывая, отлично объясняться умеют! Что хочешь друг другу сообщат!

— Это как же так?

— А руками! Получше действуют, чем иной матрос языком!

— Положим, что так. Но уж курить-то в воде водолазы не сумеют, командир?

— А ты к словам не привязывайся! Мало ли что сболтнешь?! Ну, курить не будут, так все равно, будут баклуши бить. А кто будет за это платить?

Эти господа и так с меня шкуру сняли: по два доллара в день, когда они не спускаются, плачу я им, да по пяти за день

работы под водою. Вот ты и посчитай...

Мой верный боцман только покрутил головой.

Так этот разговор и закончился.

Утром следующего дня, убедившись, что все в порядке, я распорядился начинать работы.

Хотелось мне самому понаблюдать, как будут управляться мои водолазы, и вместе с первой парой спустился на дно и сам я.

Ну, поглядел я на то, как они начали ломами и зубилами выламывать бока у злополучной «Джессики», чтобы образовать широкое входное отверстие прямо со дна в трюм: так было бы легче пробираться туда, где лежали раковины. Палуба-то уж больно изуродована: исковерканные железные штанги, снасти, обломки досок палубы, какие-то переборки, все это громоздилось на палубе, образуя своего рода паутину.

Правда, расчистить всю эту рухлядь не мудрая штука. В крайнем случае подложил парочку динамитных патронов, и дело в шляпе.

Но зачем рвать судно динамитом, когда, повторяю, в трюм гораздо легче проникнуть сбоку? А в боку у «Джессики» было столько дыр, что казалось, будто кто-то из парохода хотел настоящее решето соорудить!

Поработали под моим наблюдением водолазы целый час.

Никто работе не мешал, и шла она отлично.

Воздушные насосы работали преисправно, недостатка в воздухе мы не испытывали. Давление пластов воды, правда, давало себя знать: хоть и лежала «Джессика» на сравнительно мелком месте, так, что если бы уцелели ее мачты, то, пожалуй, торчали бы они из воды, но все же, когда работаешь и на глубине всего десяти-двенадцати сажен, давление воды чувствительно. И будь я трижды, даже три с тремя четвертями раз проклят, если я когда-нибудь выберу для себя ремесло водолаза, хотя хороший водолаз умудряется зарабатывать лучше иного капитана!

После часовой работы мы все трое поднялись на палубу тут же стоявшей «Сузи», чтобы отдохнуть. А тем временем

на дно отправилась вторая смена, то есть свежая пара уже заранее приготовившихся водолазов.

Я, признаться, несколько устал, и потому, только сняв с себя скафандр, выпил глоток грому для подкрепления и освежения, и лег в своей каюте вздремнуть часок, доверив надзор за судном боцману.

Не могу сказать, долго ли я продремал. Должно быть, не так уж долго: с полчаса, не больше.

Как вдруг неистовый стук в двери моей каюты разбудил меня.

- Отворите, капитан! — слышу я крик.
- Это ты, Перазич? Что нужно? Случилось что?
- Да с водолазами, капитан, неладно.

Я моментально выскоцил на палубу, чтобы узнать, в чем дело. Вижу, оба водолаза из второй смены, тут же вытащили их, значит. Один лежит пластом, и матросы поливают его голову водой. А другой сидит на скамейке. Шлем с него снят: отвинтили матросы и поставили тут же, на скамье. А он, водолаз, сидит, лицо у него бледное, глаза круглые, нижняя челюсть отвисла. И все вздрагивает.

- Что случилось? — спрашиваю его я.
- М-м-м-м...

Только и заговорил он, когда я закатал ему порядочную порцию виски. Да и то сначала виски попросту изо рта вылилось, словно у него не рот был, а дырявое решето.

И только при второй порции сообразил парень, что не морскую воду ему льют в глотку, а прости, Господи, виски по полтора доллара бутылка!

Ну, оправился он, а тем временем и тот, первый водолаз, которого матросы водой поливали, словно он горел, а они пожар тушили, тоже очнулся. Накатали и его чем-то подкрепляющим и освежающим.

Разогнал я матросов, чтобы не толклись около водолазов. Спрашиваю:

— Ну? Что случилось? Акулы, что ли? Или наткнулись на трупы внутри судна?

Надо вам заметить, подая это штука, трупы утопленников. Сам я знаю одного водолаза, который как-то вошел в каюту затонувшего судна, где было штук двадцать утопленников.

Так когда водолаза вытащили, у него из черных волосы в белые превратились, и сам он сразу лет на двадцать постарел. Такую красивую, знаете, картинку увидел в каюте, полной мертвецов.

— Нет, какой?! — отвечает мне один из водолазов. — Ни акул, ни трупов я не видел!

— Тогда чего перетрусили? Или, может, не перетрусили вовсе, а просто-напросто воздушный насос стал плохо действовать, воздуху не хватало? Говорите же!

Переглядываются мои водолазы смущенно. Словно спрашивают друг друга, что говорить.

Дал я им еще по глотку виски, чтобы развязать языки, понукаю:

— Выкладывайте, что случилось? Уж не на спрута ли наткнулись?

Всякий знает, что любой водолаз боится спрута или осьминога больше, чем любой, даже самой гигантской, акулы.

Попробуйте уверять людей, что гигантские спруты существуют только в фантазии писателей да в рассказнях ушедших от моря на берег, в чистую отставку моряков, любящих

поморочить голову ближним!

Я не отрицаю, упаси меня Бог, что существуют спруты, или кальмары, или осьминоги, назовите, как хотите, весьма солидных размеров. Но...

Существуют лотереи, в которых имеется выигрыш в миллион? Существуют!

Выигрывает кто-нибудь и первый приз?

Выигрывает!

Но бывает ли это часто, джентльмены?

На три миллиона билетов один с первым призом! Таковы, приблизительно, и шансы наткнуться на спрута больших размеров, на спрута, опасного для человека.

На мой вопрос, не наткнулись ли водолазы на такое чудовище, я получил тот же отрицательный ответ. Или, правильнее сказать, какое-то отрицательное мычание да постукивание зубами.

— Так в чем же дело, наконец? Чего вы, дьяволы, тревогу подняли? Почему дали сигнал, чтобы вас вытаскивали наружу? И почему вы перетрусили, как... Как щенки?

Добиться ответа удалось далеко не так легко и скоро. И самый ответ отличался крайней неопределенностью.

Оба водолаза, работая, увидели что-то.

Это было ясно установлено.

Но что именно они увидели, это, хоть убей, не выяснялось!

По словам одного, ему показалось, словно из недр моря в нескольких десятках сажен от остова затонувшей «Джесики» начала вырастать странной формы гора.

Этого было достаточно, чтобы у него мозги перевернулись, и он дал сигнал:

— Поднимай!

Другой замешкался. «Гору» видел и он, но, по его уверениям, эта гора *плыла* над морским дном, приближаясь к пароходу, и у горы была шея, длинная, цилиндрическая, и была голова, напоминавшая голову верблюда, что ли.

— Пьяны вы были оба! — крикнул я раздраженно на водолазов.

— Да нет же! — отозвался один из них. — Ни капли во

рту не было!

— Врешь, как... как коммивояжер! Ну-ка дыхни на меня!

Парень дыхнул, и все присутствующие расхохотались: спиртом от него разило на полверсты.

И самого его удивило это обстоятельство.

— Побожусь, — говорит, — что вовсе не пил я! Сам не понимаю, почему теперь от меня спиртом несет! — твердит он, забывая, что мы только что накачивали его виски, приводя в сознание.

— Верно, около камбуза долго шлялся, принюхивался, да и нанюхался! — пошутил я. — Однако, ребята, так дело не попрет! Я вас нанял вовсе не для того, чтобы бабы сказки тут выдумывать, да в обморок падать! Водолазы вы или нет?

— Известно, водолазы. Только...

— Взялись ли вы за работу?

— Взялись, только...

— Стоп! Отговорок никаких. Или да, или нет. Середки нету!

— Да мы...

Ну, тут отозвались те, первые водолазы. Ребята были из зубастых, посмеяться любили.

— Гоните, — говорят, — капитан Смит, этих младенцев в шею. Мы и сами со всею работой справимся!

Поднялся крик, спор. Кто уж рукава засучивает, кулаками махать собирается. Матросы мои поодаль стоят, потешаются.

Не знаю, кому в голову остроумная идея пришла.

— Навинтите им шлемы, — кричит, — да и пусть дерутся тут, на палубе! Только чтобы без обману, и ножи поотбирать, а то они водолазные костюмы попортят: дырок понаделают!

Признаться, самому мне смешно сделалось.

Знаете, что такое водолаз в полном снаряжении на сушке или на палубе? Черепаха!

На ногах у него свинцовые подошвы, так что ходить он может, как черепаха, еле-еле ноги перставляя. На голове

медная коробка или шлем. Тоже, доложу я вам, штука легонькая: если малосильному человеку этот шлем надеть, так он и присядет, согнувшись под тяжестью.

Так вот, если водолаз стоит на земле, находясь в полном снаряжении, он, по существу, скован. Двигаться с большим трудом может.

Ну, и представьте себе вы такую кадриль: четыре чудовища с медными башками, с ногами, которые словно прилипают к доскам палубы. И эти четыре чудовища гоняются друг за другом и неуклюже машут кулаками...

Потеха, да и только!

Но, однако, тут-то не до шуток!

— Смирно! — закричал я. — Замолчать! Нам о работе думать надо, а не о фокусах разных!

— Первая пара водолазов! Готовы вы, что ли? Отдохнули?

— Так точно!

— Лезете сейчас в воду?

— А почему нет?

Ну, и под моим собственным присмотром снарядили их, спустили в воду. Проработали они положенное времяя благополучно. Успели за это времяя нагрузить раковинами не один спущенный с палубы «Сузи» на цепях ковш. Потом поднялись, а на их место отправились водолазы второй пары, те, которые раньше видели будто бы какую-то «плавающую гору» или нечто в этом роде. Так работа шла до вечерних сумерек, и все обошлось благополучно.

В сумерках, понятно, работу пришлось прекратить: во-первых, и люди-таки приутомились, а, во-вторых, у меня на «Сузи» не имелось приспособлений для электрического освещения, при помощи которых можно было бы вести ночные работы.

Вечером, вскоре после того, как, поужинав, мои матросы расположились на очлег, вахтенный берегового лагеря поднял тревогу: кто-то приближался к лагерю, а часовой, недолго думая, хватил его выстрелом.

Ей-Богу, тут в первый раз в жизни видел я, до чего люди могут терять голову!

Во мгновенье ока весь гарнизон моего лагеря, там было, как-никак, девять человек, и все здоровые молодцы, и все вооружены от пяток до зубов, — кажись, самого черта бояться нечего, — был на ногах.

Оказалось, достаточно одного шальнойного выстрела, чтобы вся ватага с криками кинулась бежать врассыпную по берегу, взывая о помощи.

На палубе тоже была вахта. Один матрос дежурил, как всегда в этих опасных водах, у заряженной картечью и обращенной к берегу пушки. Недолго думая, он дернул затравку, и выстрел грянул, туча картечии полетела на берег.

Тут и на пароходе поднялась суматоха невероятная. Покуда мне удалось унять весь этот нелепый шум, покуда спущенные боты приняли бежавший из окопов гарнизон, прошло довольно много времени.

На берегу все было тихо и спокойно. Только где-то далеко-далеко в горах зажглись огни и оттуда слышались заунывные звуки большого тамтама.

Оставалось предположить, что и там, в горах, куда спрятались туземцы, отразилась эхом начавшаяся у нас тревога.

Разумеется, до рассвета мы уже не могли заснуть. А как только рассвело, я с Перазичем и дюжиной наиболее хладнокровных людей отправился на берег на разведки.

И что вы думаете?

Мы довольно скоро отыскали причину всей сумятицы: в десяти саженях от наших окопов, где еще валялись фуражки и сапоги моих храбрых матросов, мы увидели огромную тушу какого-то животного, валявшегося на земле.

Пуля из ружья часового не пролетела мимо, а угодила прямо в лоб ночному скитальцу и уложила его тут же.

Это был крупных размеров бык со спиленными рогами и ярмом на шее.

Чего искало невинно пострадавшее животное на берегу, не берусь сказать. Оставалось предположить, что оно по-просту бродило по берегу, инстинктивно ища человеческой близости.

Ведь туземцы-то, напуганные не то нашим приходом, не то сказками о «Зеленой смерти», бежали в горы и туда же

угнали, конечно, свои стада. Но в горах растительность скудная, и скотине там должно было приходиться не очень весело. Вот какой-то бык, на свое горе, и удрал с гор поближе к берегу, не подозревая, что его приход к нашему лагерю может наделать столько шума...

Пожурил и постыдил я матросов, как говорится, раздевав их на обе корки.

В самом деле, да что же это такое!

Словно ребята, которые, наговорившись вечером о разбойниках и привидениях, потом ночью истерики закатывают!?

Но, между прочим, не преминул сообразить, что есть и одна положительная сторона в ночном приключении: благодаря отсутствию у берегов туземцев, мы были совершенно лишены возможности войти в соглашение с ними и приобрести хоть парочку баранов для освежения нашего стола. А тут целый бык, и довольно хорошо упитанный, был к нашим услугам.

Разумеется, мы распластали тушу. Требуху выкинули в море, пусть и рыбам что-нибудь достанется. А мясо забрали на судно и сдали нашему коку с поручением устроить пир горою для поднятия храбрости у тех самых бравых матросов, которые-таки победили... быка прошлой ночью!

Утренние работы этого дня, понятно, шли очень и очень вяло: бессонная ночь со всеми ее тревогами истощила наши силы, и мне поневоле приходилось сквозь пальцы смотреть на то, что мои матросы шлялись, словно сонные осенние мухи, еле перебирая лапками, прилипая к месту, особенно в тени, где можно прикорнуть и задремать.

Но к вечеру команда оправилась. Всюду смеялись над симими собою и без пощады травили особенно отличившихся в часы паники.

Наиболее молодые из матросов даже устроили какуюто «церемонию» с поднесением поднявшему всю суматоху часовому, Джимми Стоктону, специального знака отличия:

— Ордена бычачьего хвоста первой степени на муаровой ленте.

Джимми отбивался от «награды» и руками и ногами, визжал, как недорезанный поросенок, но они его загнали в какой-то угол, и таки повесили ему на грудь свой орден, довольно искусно, надо признаться, сооруженный из кончика бычачьего хвоста, каких-то обрезков жести от ящиков с консервами и петушиных перьев.

Потом все поздравляли Джимми «с орденом и чином», и выливали ему на голову по ковшу холодной воды, покуда бедняга не вымок насеквоздь и не взмолился о пощаде.

Досталось и моим водолазам: к тем явилась депутация из пяти посланцев от самой ее величества «Зеленой смерти» требовать отчета, как они, водолазы, осмеливаются спускаться на дно морское и тревожить косточки Ее Величества?

«Зеленую смерть» изображал нарядившийся в балахон наш повар, датчанин Гансен.

И черт их знает, этих больших младенцев, до какой степени они изобретательны в подобных случаях?!

Так, Гансен сидел на троне, сооруженном из пустой бочки и пары досок. Его балахон был ярко-зеленого цвета. А его голова...

Признаться, я и сам попытился, увидев его голову!

Каналы ухитрились препарировать череп убитого ножью быка, выкрасили тоже в зеленый цвет вплоть до рогов и нацепили на башку Гансена или, правильнее, подняли над его головою эту устрашающую штукку на каком-то шесте.

В общем, «Зеленая смерть» оказалась и внушительной и пренелепой...

А кругом трона выплясывали «подданные Ее Величества»: гигантский краб, акула, меч-рыба, морской паук, он же Марк Матис на ходульках, и так далее.

Все это визжало, кувыркалось, дудело, свистело и орало на всевозможных языках.

Вы, может быть, подумаете:

— На кой же черт капитан Смит позволял своим матросам, так сказать, дурака валить?..

А я вам на это отвечу просто:

— Я видел, что все рассказы о «Зеленой смерти» таки навели на моих людей некоторое уныние, что ли, развили нервность.

И надо было во что бы то ни стало поднять дух команды. А то, чего доброго, ведь команда могла и отказаться от исполнения своих обязанностей.

Знаете вы, что такое бунт на корабле, да еще в таких водах?

То-то и оно!

Нет, уж лучше пусть мои ребята побеснются, отведут душу. Беды в этом нету.

Празднество «закончилось появлением» посольства «Зеленой смерти» в моей каюте.

Посольство поздравляло меня, как командира судна, с прибытием в воды, подвластные «Зеленой смерти».

Я учтиво поблагодарил за поздравление и осведомился, какой именно напиток предпочитает за своим столом Ее Величество?

— Кроме шампанского, ничего не пьет. Но ради первого знакомства согласна и на бутылку рому!

— Выкатить маленький бочонок! — распорядился я.

И «посольство», заявив от имени своей владычицы полное уважение и готовность оказывать услуги во всех случаях и при всяких обстоятельствах, удалилось на палубу, где сейчас же и началось распитие подаренного мною бочоночка рому.

Словом, весь этот день у нас прошел, как говорится, без толку для работы, но зато и без всяких приключений, а к вечеру мои матросы так разогрелись, что если бы, в самом деле, сама мифическая «Зеленая смерть» показалась, то они приняли бы ее за замаскированного повара и наложили бы крепкими кулаками по загривку...

Утром следующего дня, едва только рассвело, я поднял на ноги всю команду.

— Ну, ребята! Побаловались, пошутили, пора и честь знать! Не стоять же тут нам вечно? — сказал я. — День простоя, сами знаете, обходится мне не меньше, как фунтов двадцать. А за все это время вытащили мы на борт «Сузи» раковин всего на все фунтов на десять. Пора и честь знать.

— Да разве за нами остановка? Да разве мы что? — сконфуженно оправдывались мои молодцы.

— Так за работу! Гэй, водолазы! Готовься к спуску!
Водолазный бот на воду!

Перазич! Ты будешь на боте. Я сам спущусь с первой партией!

И работа закипела.

До полудня мы, во-первых, здорово-таки расчистили про-лом в боку «Джессики», разворотили дыру настолько, что теперь пара водолазов могла беспрепятственно входить в трюм судна одновременно и вытаскивать оттуда груз, и при этом я лично позаботился о том, чтобы были сбиты и завернуты в сторону острые осколки железной обшивки борта: ведь сами знаете, долго ли до греха? При неосторожном движении водолаз может порвать свой прорезиненный костюм о какой-нибудь гвоздь или какой-нибудь шпиль, и вода проникнет внутрь, задушит человека.

Хорошо еще, если он вовремя даст сигнал, и люди, сидящие в боте, успеют вытащить его наружу! А то пропал человек ни за понюшку табаку!

Во-вторых, при моей помощи, водолазы успели вытащить из трюма на морское дно несколько центнеров раковин, а я нагрузил штук десять ковшей.

В общем, по моему мнению, если бы работа шла так же успешно, как в этот день, «Сузи» не пришлось бы особенно долго стоять у этих опасных берегов: в неделю, самое большее, работу можно было покончить, вытащить наружу, опростав трюмы «Джессики», все, что заслуживало быть вытащенным, а там поднять якорь, развести пары, и гайда по домам...

Но кто на море работает, тот не должен очень полагаться на удачу.

Сегодня море в одном настроении духа, завтра — в другом.

Сегодня оно милостиво к моряку, завтра, Бог один знает, почему, оно разозлится, рассвирепеет и пойдет качать.

Так вышло и с нами. К вечеру Перазич доложил мне, что барометр угрожающе падает.

Посмотрел я на небо, ох, не нравится оно мне!

До заката еще далеко, а все небо словно выцвело, побледнело, и словно какие-то нити тянутся по нему с юга на север, будто призраки легионами мчатся в недосягаемой выси...

Поглядел я на море, и того меньше нравится оно мне: вдали черная полоса. Там, значит, уже идет волнение.

Поглядел я на берега, нет, скверная штука!

Бухта, в которой стояла моя «Сузи», была бы ничего на тот случай, если бы волна шла с северо-запада. Но если ударит с юго-востока или юга, тут вода будет кипеть, как в котле, и на якорях не удержишься. Может и на берег выкинуть, а то, попросту, о прибрежные рифы расколотить, как расколотило «Джессику».

Моментально развел я пары, поднял якоря и принялся улепетывать.

Полных двое суток боролись мы с жестокой бурей.

С одной стороны, уж очень не хотелось мне уходить далеко от Безымянного острова, подняв только пятую долю приобретенного груза. Не хотелось забиваться далеко отсюда.

А с другой стороны, боялся я, как бы и «Сузи» не потерять. Настоящих, благоустроенных гаваней в этих местах где же искать? Лет пять-десять, а то и сто пройдет раньше, чем цивилизованное человечество справится с работой и заселит берега, выстроит маяки, устроит гавани.

Теперь в случае чего приходится отстаиваться на рейде или уходить в открытое море, чтобы не быть разбитым о скалы. Но всему бывает конец. Пришел он и для налетевшей на нас столь не вовремя бури.

Посветлело небо, улеглись гонявшиеся на просторе моря друг за дружкой горы-волны. Стих дувший свирепыми порывами ветер, и «Сузи», оправившись, могла опять повернуть бушприт по направлению к Безымянному острову.

Еще сутки пропали, покуда мы добрались до места и стали в бухте на якоре.

Боже ты мой, Господи, чего не наделала пронесшаяся над этим островком буря за время нашего отсутствия?! Оч-

видно, вовремя мы удрали!

Весь бережок был покрыт грудами морских растений, нанесенных откуда-то свирепыми волнами. От устроенного нами лагеря с бараками и окопами оставался только след: ветер разметал бараки по щепкам, волны размыли окопы.

И насколько хватал глаз, повсюду на берегу валялись какие-то обломки досок и балок.

Я сразу заподозрил, что с «Джессикой» не все обстоит благополучно, и мои опасения подтвердились.

Как только волнение улеглось настолько, что явились возможным снова приняться за водолазные работы, я лично спустился на дно и убедился, что волнением предшествующих дней затонувшее судно сдвинуло с места, подволокло ближе к берегу, разорвало буквально пополам.

Впрочем, это последнее обстоятельство было нам только на руку: теперь добывание груза «Джессики» уже не представляло ни малейших затруднений, потому что три четверти остававшихся в трюмах раковин высыпались попросту на дно и лежали горами между подводных камней. Знай только подбирай, да складывай в ковши.

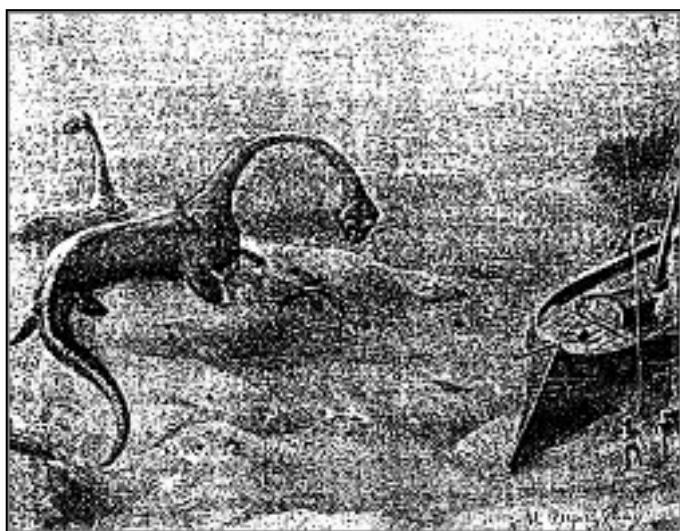
Я заканчивал осмотр положения судна и уже дал сигнал о поднятии, как вдруг, случайно повернувшись, в изумлении остановился, не веря своим глазам: в самом деле, буря, должно быть, наделала делов и на морском дне. А еще говорят, что на очень сравнительно небольшом расстоянии от уровня моря вода остается абсолютно спокойна даже и в моменты наиболее жестокого волнения снаружи?!

Положим, что бухта, в которой лежала «Джессика», особой глубиной не отличалась, но все же...

Единственное рациональное объяснение, которое я находил, это было такое: течением откуда-то нанесло на знакомые мне подводные скалы не то груды песку, не то горы морских растений. И все это, улегшись на скалах, имело теперь самые фантастические очертания.

Ну да, конечно же! Вон как будто длинный хвост стелется по пологой части дна, свесившись с большой плоской скалы вниз. А вон гигантский хребет с чуть просвечивающими позвонками и ребрами. А вон и голова...

Все это смутно, чуть заметно, словно в глубоком тумане, потому что вовсе не так близко от места, где я находился, а ведь как ни прозрачна морская вода, все же это не воздух. Ну, видишь на двадцать, тридцать сажен отлично. А дальше мгла сгущается и сгущается...

Стоп, машина!

Не эту ли самую штуку *тогда* видели и мои водолазы?
Так и есть!

Вот и готовое объяснение всем нашим страхам!

Один просто увидел фантастические очертания скал, песчаных бугров, покрытых пучками водорослей, и испугался. Другому показалось, что эта штука шевелится, и он перепугался еще больше.

А я, третий вот, смотрю, и хладнокровно рассуждаю, и мне ничуть не страшно, потому что я только отношусь спокойнее к делу и не теряю головы.

Мне сделалось до того смешно, что я расхохотался.

И вместо того, чтобы подниматься, я дал на бот сигнал: спускать обоих водолазов первой пары.

Минуту спустя с качавшегося надо мной бота пошла медленно опускаться, странно, нелепо раскачиваясь, человеческая фигура. Это был первый из водолазов.

Пренелепое это зрелище спускающийся к вам, на дно, сверху водолаз!

Но в данный момент я думал не об этом: мне доставляло удовольствие думать, как посмеюсь я над нелепым страхом водолазов.

Пусть они спустятся, займутся работой, ничего не подозревая. А когда они углубятся в работу, я покажу им фантастические очертания в стороне и мимикой, конечно, спрошу, что теперь они, в моем присутствии, думают о подводном чудовище?

Взрослые люди, а могут дойти до того, что груды песку и водорослей принимают за какое-то чудище, падают в обмороки, стучат зубами! Стыд и срам!

Но первый водолаз уже стоял возле меня. У него в руках была кирка, а за поясом малайский крисс, необходимое оружие на случай нападения акулы.

Спускался и второй.

Едва дождавшись того, что его ноги коснулись дна, я сразу тронул их обоих за плечи и потом показал в ту сторону, где была странная гора.

Но можете себе представить мое удивление и даже, если хотите, испуг?

Теперь этой странной горы, этих бугров песку и водорослей не было!

Все исчезло, как сновиденье!

Я не верил своим глазам!

Да что это?

Дьявольское наваждение, что ли?

Или...

Или и я способен, раз только опущусь на дно морское, приняться галлюцинировать, как ребенок?

Мои водолазы явно недоумевали, не понимая, на что же именно я хотел обратить их внимание.

Они приближали к моему шлему свои шлемы, глядели на меня сквозь толстые стекла в медной блестящей оправе

недоумевающе, пожимали плечами, словно пытаясь спросить:

— Чего же ты от нас хочешь?

А я стоял, не зная, что сделать.

Собственно говоря, инстинкт подсказывал мне, что делать: бросить все, немедленно подняться на поверхность. Ну его к черту, этот груз раковин!

Правда, я потерял убыток в две-три сотни фунтов стерлингов, потому что только часть моих издержек окупится уже добытыми со дна раковинами.

Но я не так уж беден, чтобы бояться такой потери! Не разорит она меня, во всяком случае!

Но тут заговорило проклятое самолюбие. Знаете вы, господа, что это за самолюбие моряка?

Я подумал, каким насмешкам неизбежно подвергнусь я, если вот так, ни с того ни с сего, потому только, что мне что-то попретчилось, что-то померещилось, отда姆 приказ прекратить успешно идущие работы и, подняв якоря, улепетну из этого места?!

Слава Богу, до сих пор о Джонатане Смите никто не говорил, что он трус или лунатик!

Нет, все вздор! Будем работать! И больше ничего! Два или три ковша было благополучно нагружено раковинами и поднято на борт стоявшей почти над самыми нашими головами «Сузи» благополучно.

Я чувствовал, что мною овладевает уже утомление: пора подниматься.

И вот в это-то мгновенье произошло все...

Мои водолазы копошились почти у борта «Джессики», я же стоял несколько в стороне, впереди бушприта.

Они работали, согнувшись, таская раковины и накладывая их в спущенный ковш, и потому покуда ничего не видели. Я же стоял выпрямившись, оглядывая окрестность. И я первый увидел. Я увидел, как что-то странное, нелепое сначала поднялось из-за корпуса «Джессики», словно гигантская труба, суживающаяся кверху и заканчивающаяся каким-то колпаком. Потом эта труба перегнулась, опустилась над бортом. Это была шея и голова фантастического

морского чудовища. Это была «Зеленая смерть», о которой нас предупреждал воспитанник миссионеров, — «Зеленая смерть», над которой мы столько потешались трое суток тому назад...

Какой величины была голова?

Ей-Богу, я затрудняюсь сказать!

По-моему, во всяком случае, она была, по крайней мере, величиной с самую большую бочку, какую я только видел в жизни. Так, ведер на сто, если не на полтораста.

Вытянутые челюсти, крутой маленький лоб, два глаза, светившиеся зеленым огнем, подобие ноздрей или дыхал.

Я отчаянно задергал сигнальную веревку, давая сигнал:

— Смертельная опасность! Тащите во всю мочь!

Словно вихрем подхватило меня, оторвало от дна и повлекло наружу к плясавшему у борта «Сузи» боту с насосом.

Помню, почему-то мне стало жарко, нестерпимо жарко, настолько, что я буквально с ног до головы облился потом. И одновременно мне не хватало воздуху: я задыхался.

И в то же время я кричал, кричал диким, нечеловеческим голосом.

Я отлично сознавал, что этот крик, этот зов о помощи абсолютно не нужен, бесполезен: он рождается и умирает тут же, внутри шлема. Наверху, у того, кто сидит у насоса, держит слуховую трубку, слышен только мой рев, бессвязный, безумный, нечленораздельный рев обезумевшего от ужаса человека, и ничего больше. Но те, кого мой крик мог бы предупредить о грозящей им опасности, быть может, о гибели, пришедшей в образе какого-то фантастического подводного чудовища — те не могут услышать ни единого звука, даже самого слабого...

Однако то, что меня стали поднимать, не могло оставаться незамеченным моими спутниками.

Да, они видели каждое мое движение.

Я махал руками, показывая им на борт «Джессики», на свесившееся над их головами змеинообразное «нечто», шею и голову «Зеленой смерти».

Все это разыгралось гораздо быстрее, а может быть, и гораздо медленнее, чем я сейчас рассказываю: я ничего не знаю, ничего не могу определить. Потому что при таких обстоятельствах мгновенья кажутся вечностями, но и вечность может пролететь, как мгновенье...

Помню только, что я видел, как фигура одного из водолазов тоже отделилась от морского дна.

Должно быть, он дал сигнал к поднятию.

И его поднимали. Но поднимался он как раз по линии, проходившей мимо головы чудовища.

И я смутно видел, как эта проклятая змеиная шея вытягивалась вслед за поднимающимся водолазом, словно изумленная тем, что он, червяк, осмеливается приближаться...

Потом...

Потом я ничего связно не помню.

Помню только, что меня втащили на борт шлюпки. Втащили и одного водолаза: я видел его шлем рядом с моим шлемом.

Но в это мгновенье что-то со страшной, неудержимой силой дернуло канат, которым был привязан еще остававшийся на дне наш третий товарищ.

Толчок был так силен, что бот перевернулся, словно скорлупка, и все люди, бывшие в нем, посыпались в воду.

Но на борту «Сузи» уже, должно быть, заметили, что у нас что-то не ладится, и моментально спущенные боты подобрали всех нас и вытащили на палубу парохода.

Когда я пришел в себя, полное смятенья царило на палубе моего судна.

Матросы толпились около распостертого на палубе водолаза. Боцман Перазич тщетно пытался привести бедняка в сознание: водолаз был мертв.

Он не мог задохнуться, потому что в шлеме был постоянный приток воздуха. У него были здоровые легкие, как у быка, и он не изошел кровью от слишком быстрого изменения давления окружающей среды.

И, однако, он был мертв...

Единственное предположение — он умер от разрыва сердца.

Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, было достаточно взглянуть на его лицо, искаженное самой ужасной гримасой, какую я только видел в жизни.

И достаточно было видеть его выпущенные и налившиеся кровью, остееклевшие глаза, в которых ясно читалось выражение смертельного ужаса...

Он умер, потому что на него в упор взглянули глаза «Зеленои смерти», и я понимал это, и я думал, что если бы и со мною было то же, то есть, если бы меня не подняли раньше, а проклятому подводному чудищу вздумалось бы вытягивать за мною шею и глядеть на меня зеленым огнем светящимися глазами, мои матросы увидели бы на палубе «Сузи» не меня, а только мое бездыханное тело, облитое липким потом...

Но второго водолаза не было. И оборванная, словно ножом перерезанная или зубами перегрызенная трубка для провода воздуха в шлем, оборванный канат, конец которого нам удалось выловить, ясно рассказывали о драме, разыгравшейся там, на дне: «Зеленая смерть» схватила своей гнусной отвратительной пастью нашего товарища.

Едва опомнившись, я вскочил на ноги и закричал неистовым голосом:

— Поднимай, поднимай пары! Скорее, скорее!

— Что случилось, командир? — испуганно допытывался боцман, передав мое распоряжение о поднятии паров в машинное отделение.

Но я не мог говорить.

— Пары, ради всего святого на свете, поскорее поднимайте пары! — кричал я. — Уйдем, поскорее уйдем из этого проклятого места!

— Машинист говорит, что пары подняты, но покуда ещеничтожно. Если сможем пойти, то только самим тихим ходом!

— Хоть по-черепашьи, лишь бы выбраться из этой бухты!

— Ладно! — отозвался бледный как полотно Перазич.

И потом, видя, что от меня толку не добьешься, принялся самостоятельно командовать судном:

— Поднимай якорь!

Я стоял на палубе, машинально и совершенно безучастно глядя на все, совершившееся вокруг меня.

Все мои мысли, все мои думы были прикованы к морскому дну. Я думал о том, что только что разыгралось там. Я думал о каком-то совершенно неведомом миру колоссальном ящероподобном подводном животном, пожравшем на моих глазах одного из моих товарищ и убившем одним своим взглядом другого.

— Скорее, скорее! — торопил я боцмана, еле шевеля пересохшими губами.

— Сейчас, сейчас, командир! — отвечал он.

И все матросы понимали, что случилось нечто ужасное, нечто такое, чему имени нет. Они все были смущены, бледны, растерянны, как-то жались, сбивались в кучки, робко перешептывались друг с другом, опасливо поглядывая на тихо катившиеся к пустынному берегу волны.

— Скорее, скорее! Ради Бога, поскорее! — кричал я.

И вот паровая лебедка подтянула к шлюзам на носу оба якоря. Машина пошла. Завертелся за кормою винт. Пароход стал тихо, медленно выбираться от берега в открытое море.

Я облегченно вздохнул, снял фуражку и отер проступивший на лбу пот.

Но в то же мгновенье фуражка выпала у меня из рук. Да, я ясно видел то же самое, что видел там, на дне морском: саженях в пятидесяти или шестидесяти от нас из вдруг яростно забурлившей воды вдруг высунулось огромное туловище.

Я не умею, опять-таки, сказать, какой величины было оно: мне была видна только длинная шея да часть спины. Но, во всяком случае, сама шея от основания до конца головы была не менее трех или скорее даже четырех сажен, а та часть туловища с передними конечностями, напоминавшими ласты тюленя, была вдвое или втрое длиннее шеи. И, кроме того, оставался еще бесконечно длинный хвост, конец которого мелькал далеко позади туловища...

В общем, я едва ли особенно ошибусь, если скажу, что все тело «Зеленои смерти», взятое вместе, вытянутое, так сказать, могло равняться саженям двадцати.

Но в данный момент было не до того, чтобы соображать, сколько будет от головы до хвоста, и сколько от хвоста до головы...

Крик ужаса огласил палубу.

Большая часть матросов в паническом страхе бросилась турьбой бежать, прятаться, куда глаза глядят.

Люди, словно ослепнув, натыкались на мачты, на бухты канатов, на стоявшие на палубе бочки и ящики. Иные, не добравшись до люков, падали и, подобно змеям, ползли куда-то. Другие, добежав до люков, буквально скатывались вниз, и, конечно, жестоко разбивались.

— Пушку! Пушку! — кричал я вне себя.

Этот крик заставил опомниться нескольких из матросов.

Во мгновенье ока около обеих наших пушек поднялась волна. За одно орудие взялся Перазич, за другое я лично.

Мне удалось очень скоро повернуть дуло моей пушки в ту сторону, где еще виднелось огромное и безобразное туловище «Зеленои смерти», и где вода яростно колыхалась, словно кипела.

Но в то мгновенье, когда я собирался выстрелить, новый крик ужаса отвлек мое внимание.

— Змея! Морская змея! — кричал кто-то из матросов, забравшихся на ванты.

Но это не была пресловутая сказочная морская змея. Да, действительно, нечто чудовищное плыло с моря, отрезая нам выход из бухты. И оно, если хотите, походило на морскую змею или вообще на змею, потому что над водой было видно добрых три сажени скользкого, зеленою отсвечивающего гибкого тела с бочкообразной громадной головой, имевшей висячие усы.

Но я-то понимал, что значит все это!

У чудовища, погубившего одного, — нет, двух моих водолазов, — был компаньон. Это он теперь плыл к бухте...

И еще вопрос, был ли он один?

Может быть, мне мерещилось?

Может быть, у меня мелькало и рябило в глазах?

Но нет, я видел, я видел! Здесь и там из волн моря высовывались, поднимаясь на большую или меньшую высоту,

такие же безобразные бочкообразные головы. И воды всей довольно обширной бухты вскипали, бешено крутились, потому что их приводили в движение колоссальные двадцатисаженные зеленые тела с могучими хвостами, бешено хлеставшими волны...

Тем временем машинистам удалось значительно поднять пары и пароход шел уже довольно быстро.

Рулевой направил его несколько в сторону, будто стараясь поставить под защиту береговых скал. Маневр, как

кажется, удался: по крайней мере, добрых десять минут «Сузи» бежала по берегу, и ни одно из чудовищ, переполнявших бухту, кувыркавшихся в ней, гулко шлепавшихся о воду, не обращал внимания на бегство судна.

Но это длилось, повторяю, не больше десяти минут.

И вот в то время, когда мы были уже близки к открытому морю, словно по кем-то данному сигналу пять или шесть чудовищ с невероятной быстротой ринулись в погоню за нами.

Они плыли, держась друг около друга. Над водой были видны только лоснящиеся зеленоватого цвета круглые спины да тонкие длинные змеинообразные шеи, поддерживавшие бочкообразные головы.

Я видел, что головы эти были двух категорий: у одних, должно быть, у самок, как-то помягче, покруглее и без висюлек-усов.

У других, по моему предположению — самцов, головы значительно большего размера, с более резко определенными чертами и с длинными, пожалуй, до сажени величиной, гибкими, словно резиновыми, усами.

Положительно почти не сознавая, что я делаю, я снова навел пушку на наиболее близко подплывшее к «Сузи» чудовище.

Миг — и пушка рявкнула своим медным горлом. Клубы порохового дыма окутали всю палубу.

Картечь, свистя и визжа, тучей понеслась навстречу гнавшемуся за нами «чудищу».

«Чугунная смерть» шла встретить «Зеленую смерть».

Сквозь дым я видел неясно результаты выстрела: часть картечи пролетела мимо змеиной шеи и пошла прыгать по волнам. Но часть, быть может, десять-двенадцать картечин, ударили в рыло «Зеленой смерти» и пониже, под головой, в гибкую шею. Голова обратилась в кровавую лепешку. Шея была изорвана в клочья, перешлибена, почти перерезана, словно ножом.

Колоссальное темно-зеленое тело чудовища на мгновенье все, во всю свою огромную величину, выскоцило из воды, изогнувшись, словно пружина, потом упало, перевернулось вверх беловатым брюхом и поплыло куда-то в сторону.

Плывшая за усатым самцом, быть может, главарем этого фантастического стада, самка с оглушительным и жалобным ревом или, скорее, стоном крутилась около обезглавленного тела. Она выла, да, положительно выла, изгибая тонкую, гибкую шею и поднимая круглые глаза к небу. Она ласкалась, она обвивала тело чудовища убитого друга шеей, словно рукой, и обнимала его своими огромными ластами.

В это мгновенье выстрелил Перазич.

Его пушка была заряжена не картечью, а гранатой. Граната перелетела группу из двух передовых чудовищ и с оглушительным треском взорвалась над несколькими плывшими поодаль ящерами, осыпая их осколками.

Не могу сказать, попали ли эти осколки, поранили ли они кого-нибудь. Но факт тот, что после взрыва гранаты чудовища моментально ушли под воду, попрятались. Миг —

и воды бухты уже не кипели, не бурлили.

Правда, волны еще бежали к берегу и с тихим рокотом умирали у скал. Но темно-зеленых толовищ, но змеинообразных шей видно нигде не было.

Исчезло даже обезглавленное толовище «Зеленои смерти», убитой мною.

Я прямо не верил своим глазам!

И если бы не смертельно бледные лица моих матросов, да не крики о помощи, доносиившиеся изнутри судна, куда свалилось человек пять-шесть моих «храбрецов», все прошедшее казалось бы мне отвратительным кошмарным сновидением.

По совести скажу, понадобились целые сутки пути, добрых четыреста километров расстояния от Безымянного острова, чтобы на судне у меня восстановился хоть кое-какой порядок.

Один из матросов, и вовсе не из робких малых, форменно спятил с ума.

Он запрятался на самом дне трюма, и на все наши уговоры выйти только щелкал зубами да кричал:

— Зеленая смерть! Зеленая смерть!

Другой лежал с остеклевшими глазами в моей каюте и что-то тихо бормотал. Голова его пылала, как в огне, от всего его тела так и несло жаром. Он умер, не приходя в себя, и мы похоронили его по морскому обычаю тут же, в море.

Два или три матросика ходили, словно пьяные, и не понимали самых обыкновенных вопросов, а при малейшем шуме или крике вздрагивали, озирались вокруг дикими глазами и куда-то бежали. Словом, передряга эта совершиенно деморализовала мою команду, и не помогло даже прописанное Перазичем «океанское лечение», состоявшее в изрядных порциях рому.

Особенно тяжело было ночью: никто, ну буквально никто из матросов не хотел показываться на палубу.

Боялись!

И, знаете, у меня не хватает духу винить этих людей.

Я, Перазич и один старый матрос, Кит Китсон, мы втроем вели судно. Но и то Китсон предварительно накачался ро-

мом до такой степени, что, должно быть, не видел ровным счетом ничего. Только, как старый рулевой, он совершенно машинально вертел рулевое колесо, когда я командовал ему «право руля» или «лево руля». А к полуночи разыгралась буря, и волны иной раз перекатывались через палубу, грозя смыть рулевого.

Перазич, вооружившись парой револьверов и каким-то старинным карабином, расхаживал по палубе и, наклоняясь над перилами, всматривался во мглу.

Он все прислушивался к рокоту волн. Он ждал, не появятся ли из воды чудовищная бочкообразная голова «Зеленой смерти»...

Но ночь прошла благополучно, и к утру буря стихла, судно оправилось, из трюмов мы выкачивали набравшуюся туда воду.

Вскоре после рассвета вахтенный крикнул:

— Пароход по гакаборту!

С помощью зрительной трубы я разглядел, что это было средней величины военное судно, так, надо полагать, крейсер третьего ранга, посланный в эти воды для борьбы с пиратами-туземцами. На судне развевался немецкий флаг.

Я сейчас же стал стрелять холостыми зарядами из обеих пушек и поднял сигнал:

— Имею важнейшие сообщения.

Крейсер изменил курс и пошел навстречу мне.

Час спустя я был на борту крейсера «Коршун», у капитана Грибница.

Я взял с собою Перазича и одного из водолазов, чтобы они могли подтвердить мои показания о пережитом нами у берегов острова Безымянного.

Но можете себе представить, что из этого вышло?

Капитан Грибниц, накрахмаленный немец, стал хохотать, как безумный!

Да, как безумный!

Он позвал в свою каюту лейтенанта, судового врача, еще кого-то из офицеров, заставил меня повторить мой рассказ, и потом опять принялся хохотать.

— Признайтесь, мистер Смит! — хлопал он меня по плечу. — Ну, признайтесь, что все вы, все, сплошь до последнего человека, были попросту... Ну, как бы это выразиться? Ну, были навеселе, что ли? Гэ? Под влиянием паров Бахуса? Ха-ха-ха...

Напрасно я клялся и божился. Напрасно предлагал опросить весь мой экипаж.

Слава Богу, на ногах держалось еще двадцать человек, кроме меня! Могли бы, кажется, поверить им, если не мне.

Но немцы потешались.

— Какой вы шутник, какой вы гениальный шутник, капитан Смит, — твердили они.

— Но это не знаменитый морской змей? — улыбаясь, спрашивал меня судовой врач. — Знаете, тот самый морской змей, который всегда появляется... на страницах газет и журналов, когда наступает мертвый сезон!

— Но ведь я не газетчик! — негодовал я. — Мне решительно незачем сочинять! Я ведь построчной платы не получаю! Кой черт?

Эта злополучная экспедиция таки дорого стоила мне: я извлек со дна моря только часть купленного от капитана Гинца груза, не больше, как на сто фунтов стерлингов. То есть вернул только то, что заплатил Гинцу.

А ведь поездка-то мне чего-нибудь да стоила? А наем водолазов? А простой судна?

В общем, хорошо, если мои потери в тот рейс определятся так в сто-сто двадцать фунтов стерлингов.

Конечно, я не жалуюсь.

Но, судите сами, если человек столько потеряет, до шуток ли ему?

До выдумывания ли ему каких-то сказок?!

Разозлившись, я сделал предложение командиру крейсера:

— Вот что, капитан! Уж если на то пошло, так идемте вместе!

— Куда это? — спрашивает он.

— Ну, туда! К Безымянному острову из группы Соломоновых островов!

— Зачем это?

— Посмотрим! Произведем расследование. Может быть, мы отыщем туловище убитого мною зарядом картечи чудовища. Ведь оно должно бы всплыть! Ну, и мы опросим туземцев. Там есть этот... ну, миссионерский ученик...

Но капитан сухо ответил мне:

— У меня есть более серьезные занятия, чем идти ловить пресловутую морскую змею!

— Да не змею, ради Бога! Это чудовище с массивным туловищем...

— Знаю! Знаю! Голова, как стоведерный бак с водой, имеет висячие усы... Нет, покорно благодарю!

На том наши переговоры и закончились.

Словно побитая собака, вернулся я на мое судно.

И никогда не забуду, какими насмешливыми улыбками и косыми взглядами провожали меня проклятые немцы, покуда я шел к трапу по палубе.

А из капитанской каюты раздавался все время гомерический хохот...

Когда я уже садился в мой вельбот, кто-то с палубы крейсера крикнул мне:

— Кланяйтесь «Зеленою смерти».

— Смотрите, чтобы вам самим не пришлось поклониться ей! — ответил я.

На этом все и покончилось, джентльмены.

Вернувшись в Алию, я строго-настрого приказал моим матросам не болтать о пережитом нами, потому что не желал подвергаться насмешкам.

Но это, разумеется, не помогло: кто-то из матросов преболтался и мне всюду жужжали в уши:

— А как поживает «Зеленая смерть»?

Все это было лет пятнадцать назад.

Теперь, слава Богу, эта история позабылась, надо мною не зубоскалят, и я могу без опаски подвергнуться насмешкам заходить в гавань Алии.

Ну, и вот я рассказываю вам о пережитом. И мне совершенно безразлично, поверите ли вы или нет, будете ли скалить зубы или нет. Но знаю одно: к Безымянному острову с тех пор я не подходил на сто километров, и во всю мою жизнь не пойду.

А теперь...

Эй, Иезекииль! У меня от такого долгого рассказа горло окончательно пересохло! Ну-ка, тащи кружку элю!

Марсель Ролан

ПРИЗРАЧНЫЙ ЗМЕЙ

Галлюцинации океана

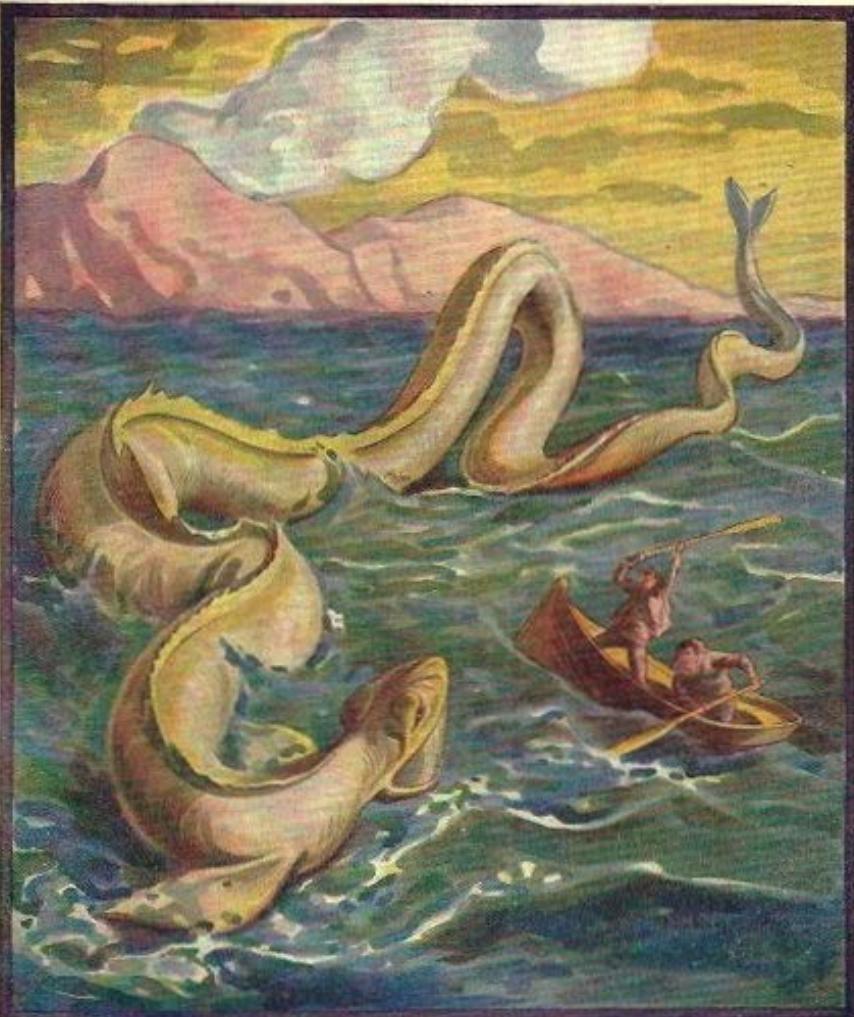
(1914)

Journal des Voyages

JOURNAL HEbDOMADAIRE
15, Rue Montmartre, PARIS (1e arr.)

et des Aventures de Terre et de Mer

LE SERPENT FANTÔME, par MARCEL ROLAND

Contrôlé au moyen des meilleurs instruments, l'étrange être plongeait au milieu d'un bouillonnement d'écume. Sa tête fantastique, éclairée de deux yeux pâles, évoquait tout à coup et tout soudain, médiéval, à ce spectacle digne des temps préhistoriques.

Эту странную историю поведал мне капитан Девилло на борту пакетбота «Флорида» компании «Chargeurs Réunis». Однажды вечером, после того, как мы вместе отобедали, он пригласил меня к себе в каюту на чашечку кофе.

За обедом завязался разговор о знаменитом морском змее, чудовищном и легендарном животном, которое, если только это не миф, всегда благополучно избегало поимки. Одни в него верят, другие (их намного больше) верить не желают. Как обычно, некоторые пассажиры были убеждены в существовании морского змея, а остальные дружно посмеивались над ними и подшучивали над их наивностью. Короче говоря, до конца обеда соседи по столу так и не пришли к согласию по поводу этого загадочного и смущающего умы вопроса. Тогда-то капитан и пригласил меня к себе.

Предложив мне превосходную сигару, он с волнением сказал:

— Вы ведь заметили, не правда ли, что за обедом я не произнес ни слова, пока все обсуждали морского змея? У меня были на это свои причины, и серьезные причины, как вы скоро узнаете...

Он помолчал, налил мне шампанского и продолжал:

— Морской змей существует! Я сам, лично я видел его собственными глазами, и очень близко! Но я не хотел, не мог рассказывать об этом... Позже вы все поймете...

О, это давняя история! Я служил тогда первым помощником на пароходе «Нептун», курсировавшем между Кейптауном и английскими портами. Во время плавания я сошелся с одним из пассажиров, нашим соотечественником. Фамилия его была Лефебюр. Этот молодой человек побывал в Африке с научной миссией и вез теперь в Англию коллекцию камней и птиц, собранную на черном континенте. Он так и стоит у меня перед глазами... Светловолосый юноша, умный, но слишком безрассудный, немногого, так сказать, сорвиголова!

После бури, продолжавшейся сорок восемь часов, наш корабль принужден был остановиться — произошла какая-то авария. Кажется, что-то случилось с рулем. На починку отвели не меньше суток. Все старались не принимать близко

к сердцу эту досадную неприятность, а Лефебюр отозвал меня в уголок и предложил невероятную экспедицию. Он хотел воспользоваться вынужденной стоянкой «Нептуна», чтобы набрать образцов водорослей — в километре от нас виднелись громадные поля морской травы — и поохотиться на морских рыб с помощью изобретенного им аппарата.

Сперва я решительно отказался. Я не имел права брать шлюпку ради экскурсии, и мне было строжайше запрещено покидать судно. Но мой друг настаивал, умолял и наконец я позволил ему переубедить себя. Если бы кто-то заметил мою отлучку, меня ждало бы неотвратимое наказание, и я решил, что наша странная рыболовная экспедиция состоится ночью, когда все на «Нептуне», кроме вахтенных, будут крепко спать.

Вскоре все приготовления были закончены. Примерно в половине первого я ждал Левебюра на корме. Маленькая шлюпка была готова; я бесшумно спустил ее и прыгнул на скамью. На море царил чудесный покой. Вокруг нас, как ожерелья из ртути, вспыхивали фосфоресцирующие извивы. Я взялся за весла и направил лодку к поросшей морской травой банке. Мой товарищ сидел у руля. Темный силуэт «Нептуна» быстро отдался, выделяясь на фоне бледного неба. Облака время от времени скрывали почти полную луну.

Спустя четверть часа стали попадаться первые водоросли. Стояла полная, совершенная тишина... Лишь свечение волн и бледные лучи редких звезд в разрывах облаков указывали нам путь. Я положил весла в шлюпку. Мы покачивались на легкой зыби. Лефебюр уже подготовил свой зонд — и в эту минуту мы на что-то натолкнулись.

Мне показалось, что это была подводная скала. Наклонившись вперед, я попытался рассмотреть преграду.

— Что там? — спросил Лефебюр, занятый своими инструментами.

— Полагаю, какой-то камень.

Оттолкнувшись веслом, я заставил лодку отойти в сторону. Несколько минут мы плыли спокойно. Нас, однако, заметно сносило течением и, проплыв немного, лодка снова за что-то задела.

Я был очень заинтригован и, когда луна вышла из-за облаков и осветила море, стал внимательноглядеться. Я решил, что перед нами, вероятно, полоса рифов... Лефебюр также искал объяснения. Он оперся коленом о борт и указал на темный контур, выдававшийся из воды рядом с нашей лодкой.

— Смотрите, Девилло... Любопытно... Эта гряда, похоже, тянется на большое расстояние!

И действительно, справа и слева мы теперь могли отчетливо различить, на более светлом фоне волн, узкую темную возвышенность, полукруглыми изгибами уходившую вдаль.

Я протянул руку над бортом и ощупал странное препятствие... Ах! представьте себе, что я почувствовал... Это было неописуемо... Под моей рукой был не камень, а грубая шкура, поросшая жесткой и плотной шерстью; шерсть эта обрашивала нечто вроде гривы.

Я так резко отдернул руку, что Лефебюр заметил.

— Что с вами? Вы поранились?

Я не сразу ответил, рассматривая лежавшее перед нами поразительное существо. В памяти всплыли истории, которыми делились друг с другом по вечерам моряки. Вспомнились рассказы о морском змее — призрачном создании, что время от времени попадалось на глаза, но никогда и никого не подпускало к себе. Мне говорили, что его видели заслуживающие доверия мореплаватели, и не только в старину, но и в наши дни: капитан «Дедала» Ма-Куа в 1848 году, затем офицеры с «Осборна» и капитан Туитс, утверждавший, что встретил морского змея у Лонг-Айленда в 1890 году. Все они представили зарисовки странного животного, чьи размеры колебались, по их словам, от 20 до 80 метров (83 метра, согласно М. Ш. Ренару).

Не отрицая полностью существование чудовища, я всегда испытывал определенные сомнения, так как инстинктивно относился с подозрением к всевозможным «тайкам». Но, прикоснувшись к этому короткому меху, напоминавшему тюлений, увидев бесконечные изгибы этого длинного, наполовину погруженного в воду тела, я застыл. Никаких сомнений не было: это он! Чей-то повелительный голос слов-

но бы со всей уверенностью шепнул мне это на ухо.

— Морской змей! — пробормотал я, обращаясь к своему товарищу и невольно дрожа.

Лефебюра поднялся на ноги и рассмеялся.

— Что? Морской змей?.. Это, по-вашему — морской змей?.. Можно подумать, что эта bestия существует! Погодите — увидите, что я сделаю с вашей змеей! Это просто смешно: разве вы не понимаете, что нам преграждают путь сбившиеся в пучок саргассовые водоросли!

Не успел я остановить его, как он обеими руками взялся за одно из весел. Он поднял весло над головой, как дубину, и стал наносить удары по чуть покачивавшемуся на волнах черному телу.

То, что случилось дальше... я никогда не забуду! Никогда не забуду, как по неподвижному телу внезапно пробежала судорога. Казалось, дрожь сотрясла его по всей длине, и зверь — ибо это был он, это был змей, я не ошибся! — внезапно сжал свои бесчисленные позвонки и нырнул под нашу лодку в водовороте пузырящейся пены.

Я отнял у Лефебюра весло, схватил второе и приготовился грести, но... ужасное видение встало на пути! Исполинская, плоская и удлиненная голова, освещенная двумя бесцветными глазами, горевшими с ровной яркостью электрических ламп... Эта фантастическая голова покачивалась на конце гибкой шеи, медленно, медленно встававшей из воды. Ошеломленные, едва ли не остолбеневшие, мы смотрели на это зрелище, достойное первобытных времен, не находя в себе сил оторваться от ужасного созерцания. Наконец, собрав всю свою волю, я опустился на скамью и начал грести. Исполинская голова нависала над нами, накрыв всю лодку своей тенью. В одну секунду она просвистела мимо, меня ослепил огонь светящихся зрачков, и я услышал, как мой спутник издал жуткий крик: зверь быстрым движением, как перышко, поднял своего обидчика и унес его прочь! Лефебюр, казавшийся маленьким и потерянным на фоне громадного тела, бился в пасти зверя, дергая руками и ногами...

Резкий удар сбил меня на дно лодки.

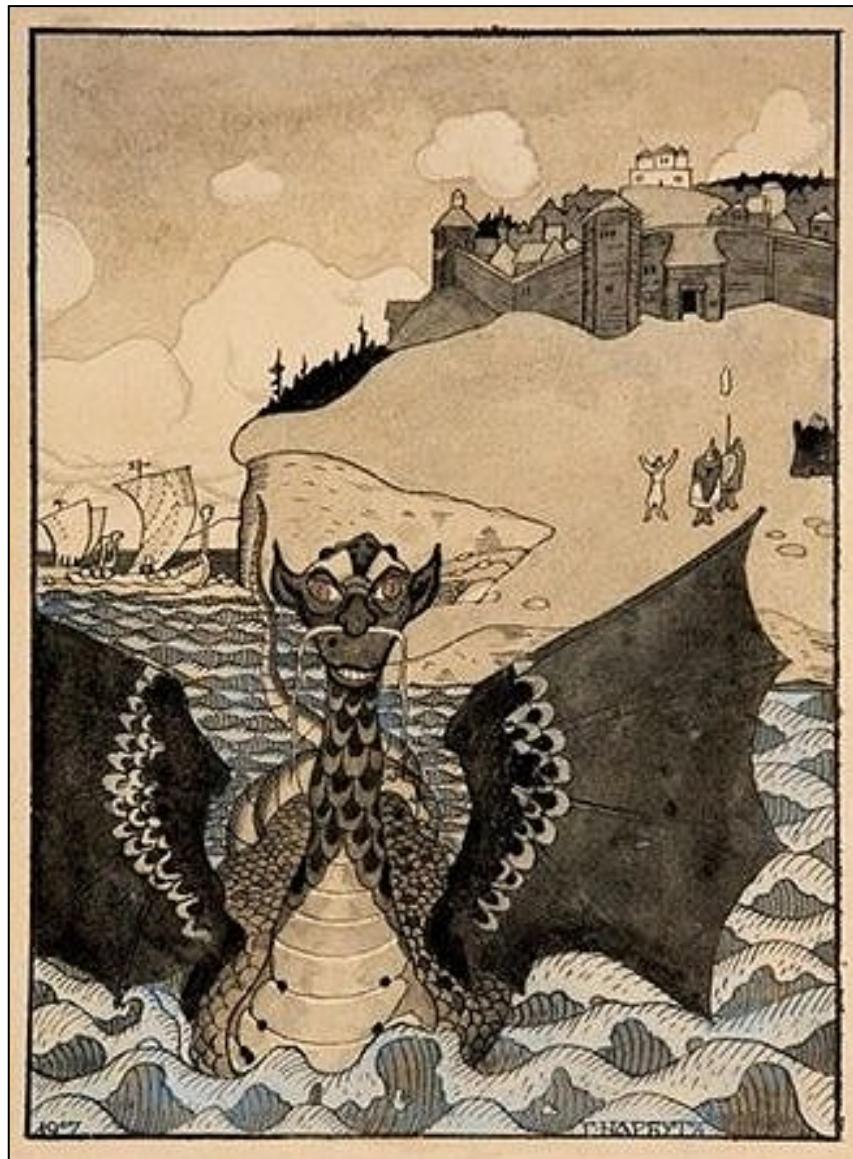
Когда я кое-как поднялся и сел на скамью, Лефебюра уже не было... Я различил в клубящемся под луной тумане силуэт сорокаметровой рептилии. Она удалялась с головокружительной быстротой, то ныряя, то плывя на поверхности. Затем чудовище исчезло на горизонте. Некоторое время я оставался там в надежде найти своего несчастного товарища: но все было тщетно!

Я вернулся на «Нептун» незамеченным. На корабле все сочли, что Лефебюр случайно упал в море. Никто не узнал тайну его смерти — вы первый, кому я ее доверяю!

Капитан Девилло замолчал. Он провел рукой по лбу, словно пытаясь стереть неотвязное видение, и одним глотком осушил бокал с коньяком.

— Вы можете теперь рассказать об этом трагическом приключении, — добавил он. — В конце концов, это случилось так давно, что у меня вряд ли остались причины хранить секрет!... Но, если вдуматься, я не могу сказать, доказывает ли пережитое мною существование морского змея.

Возможно, я стал жертвой кошмара, одной из тех ужасных галлюцинаций, что так часто навевает на нас Океан!.. И кто знает, не было ли существо, которое я увидел, лишь призраком!

Г. Нарбут. Крылатый морской змей (1907)

Генри де Вер Стэкли

ИЗ ГЛУБИНЫ ГЛУБИН

(1917)

I.

Выход в Японское море

Произошло повреждение на линии Владивосток — Нагасаки.

Кабель Владивостока-Нагасаки пролегает в шести тысячах футах от бухты Петра Великого и на глубине десяти тысяч футов проходит около 42-ой параллели северной широты, южнее ее.

Японское море, к югу от 42° северной широты, имеет форму громадного блюда в триста миль ширины и четыреста миль длины, простираясь от северной части Матсусима до той широты, на которой находится самая южная бухта всей сибирской территории — залив Поссюета.

И вот, пароход франко-датской телеграфной компании «Президент Гирлинг», зайдя для ремонта в Гонконг, получил там известие об этом повреждении и, одновременно, приказ произвести починку кабеля.

«Президент Гирлинг» имел турбинный двигатель и был последним словом техники, начиная с заслонок и переборок и кончая грапнелем*, — бреймовским патентованным грапнелем с клеммами из цельной стали, изобретатель ко-

---

* Своеобразная «кошка» для нашупывания и захвата извлекаемого подводного кабеля (Здесь и далее редакц. примеч. из оригинальной журн. публ.).

торого был главным кабельным инженером на том же самом «Президенте Гирлинге».

Известие пришло на борт судна в 11 часов утра, и капитан Грондааль получил его в тот момент, когда выходил на палубу из рубки кают-компании. Он сейчас же отправился отыскивать главного корабельного инженера Брейма, занятого в это время работой на носу.

Перед капитанским мостиком помещалась электрическая станция, а за нею подъемный аппарат, состоявший из громадного барабана, вокруг которого вился намотанный на него канат. Рядом стояла машина, вращавшая этот барабан. Окрашенные в красный цвет буи так и горели под ярким солнцем, заливавшим палубу, устланную канатами от них; их разбирали, чтобы обнаружить перетертые места, и огромный плечистый Брейм стоял тут же, наблюдая за работой. Капитан Грондааль подошел к нему, держа в руках только что полученную от главной конторы компании каблограмму.

— К вечеру надо будет выйти в море, — сказал он. — Хорошо еще, что все нужное снабжение у нас на борту.

Брейм взял у него каблограмму и медленно прочитал ее. Там указывалось, что место повреждения не было выяснено электриками-специалистами в Нагасаки, иначе сказать, повреждение надо было искать... на протяжении всей длины кабеля! Но все же были и кое-какие указания, позволявшие начать поиски не с самого берега.

— Это, вероятно, немножко севернее места наибольшей глубины, — сказал Брейм. — Скверное, покрытое кораллами дно.

— Да, там или около того места, — согласился с ним Грондааль. — У вас все готово?

— Да, да, — ответил Брейм. — У меня все готово.

Оба они были люди, не тратившие лишних слов. Грондааль через минуту уже отправился в помещение электрической станции, чтобы предупредить электриков, а Брейм пошел говорить со старшим по кабельной команде — Стеффансоном.

Беловолосый гигант-ирландец Стеффансон был опытным моряком, с пятидесятилетним стажем по ловле трески и по кабельной службе, и до своего поступления в франко-датскую компанию он работал в копенгагенской компании Ларссен. Некогда он плавал шкипером в ирландской рыболовной флотилии и провел сезон на консервных заводах на Аляске. О нем даже можно было сказать, что он, собственно, всегда был рыболовом, потому что работа по исправлению повреждений в кабелях по существу на три четверти является специальной работой кабельного мастера, а на девять десятых это то же, что и работа рыболова.

Как Стеффансон был правой рукой Брейма, так и у него самого была правая рука — датчанин Андерсен, на котором лежал главный надзор по управлению подъемным аппаратом.

Эти трое людей составляли как бы одно собирательное целое, и каждый из них представлял собой, так сказать, часть единого трехсильного механизма. Когда приходилось поднимать поврежденный кабель и начинали работать барабан и подъемный аппарат, то Брейм становился у бимсов*, Стеффансон у барабана, а Андерсен, положив руку на верхнюю часть машины, следил за общим ходом работы аппарата, исполняя ту же роль, что играют клеточки нервных узлов, контролирующие наши сложнейшие мускульные движения. И достаточно бывало одного знака, одного слова Брейма, а порою даже одного помысла его — как это уже мгновенно воспринималось его помощниками, и перевоплощалось в ту или иную тонну энергии.

В их власти были не только румпель и подъемный аппарат, но и турбинные двигатели главной машины: стоит Стеффансону сказать только слово стоящему на мостице Грондаалю, и судно сейчас же будет сдвинуто назад или puщено вперед, повернуто влево или вправо; а стоит только Андерсену кивнуть головой, как тотчас же придет в движение

---

* Бимсы — деревянные или железные балки, соединяющие борты корабля.

ние барабан и станет разматывать или наматывать накрученный на нем канат. А как поймают кабель, так заведут с ним целую игру, ни дать, ни взять — рыболовов с попавшим на крючок лососем.

Брызжущий здоровьем Брейм носил в крови наклонность к спорту, унаследовав ее от своих предков-англичан. Не раз он мысленно сравнивал барабан подъемного аппарата с катушкой спиннинга (рыболовного удилища). Да, в сущности, это было одно и то же, потому что в основу как того, так и другого был заложен один и тот же принцип. Как леску удочки вы можете распустить или закрутить, сматывая и наматывая ее на катушку, так и машина, управляемая Андерсоном, производила ту же самую работу, но была только лучшим патентованным усилителем ее. Ведь вся разница состояла только в размерах: с одной стороны — крюк, представляющий огромную тяжесть, а с другой стороны — крючок в несколько гранов весом; с одной стороны — сплетенный из проволоки канат, выдерживающий сопротивление в двадцать тонн, с другой стороны — веревочка в двадцать ниток.

По правде говоря, рыболовный спорт отрывал Брейма от его настоящей работы по кабельной специальности и, конечно, тянула его на эту работу только его страсть к спорту. Однажды он выловил акулу на рыболовную удочку, а еще как-то раз в течение целого часа и пятнадцати минут он забавлялся со скумбрией в семь с половиной пудов*, прежде чем посадить ее на острогу. Но попросите его сказать вам откровенно, какой спорт ему больше нравится, ловить акул или ловить кабели, и он вам ответит, что — ловить кабели.

Около пяти часов пополудни все до одного матросы были уже на судне, и, когда заходившее солнце стало опускаться над китайским берегом, раскинув вокруг себя точно наб-

---

* Мы знаем черноморскую скумбрию — небольшую рыбку из семейства макрелевых. В Тихом океане водится рыба тунец, из этого же семейства, достигающая 7-8 пудов веса.

ранную из цветных стекол панораму, «Президент Гирлинг» начал поднимать якорные канаты.

Обратившись кормой к золотисто-розовому сиянию запада, он снялся с якоря.

II.

Ловля подводного кабеля

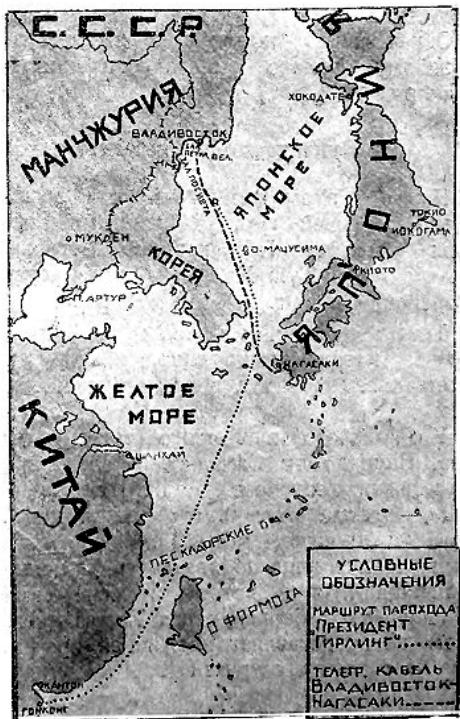
Плыя в этом жемчужном и розовом свете вечерней зары, «Президент Гирлинг» прошел Пескадорские острова, потом достиг Тунг-Хай-Си и вошел через Корейский пролив в Японское море.

Теперь перед ним лежал прямой путь вперед, навстречу противному ветру, и предстояла борьба с неприветливым морем.

У Японского моря много своих фокусов. Начиная от Сахалина и до самых Курильских островов, от него добра не жди, — отсюда идет почти всякая непогода на Японском море. Громадная равнина Манчжурии посыпает сюда целые полчища бурь и ветров, и даже сама Япония, этот барьер перед Тихим океаном, не представляет настоящей преграды на пути этих ураганов.

Грондааль хорошо знал это море, знал, чего можно ждать от него, и потому непогода не могла застать его здесь врасплох. В бурной воде работа над кабелем невозможна, и «Президенту Гирлингу» не раз случалось задерживаться здесь на целые недели, не приступая к работе из-за ненастяя на море. Капитан не падал духом и теперь, предрекая, что вся эта непогода не более, как последние остатки уже заканчивающегося периода бурь.

И Грондааль оказался прав. На рассвете, когда они достигли цели своего плавания, Японское море лежало гладкое, словно поверхность огромного сапфира, и такое спокойное, каким бывает только в мертвый штиль.

Рейс «Президента Гирлинга». Кружком пока-
зано место повреждения кабеля, несколько
севернее района наибольшей глубины его за-
легания.

Перед самым восходом солнца судно остановилось. Брейм стоял у решетчатых люков и следил за работой кельвиновского аппарата для измерения глубины моря: с катушки трехмильного провода спускали лот. Тут же находился Стеффансон, готовясь сделать отметки о глубине.

Раздался шум машины, пущенной в ход, чтобы выбросить лот. Лот показал глубину в одну милю с четвертью и явные признаки того, что дно было каменистым.

Тут взялся за дело Брейм и начал установку первой отмечки буем. Буй был закинут при помощи грибовидного якоря с канатом, длиною свыше миля с четвертью. Потом судно отошло в сторону и, пройдя милю к востоку, выкинуло второй буй. Оба буя были снабжены лампочками на случай, если бы работу не удалось окончить до наступле-

ния темноты. Кабель должен был находиться на дне морском, где-нибудь между этими двумя буями.

Стоя на носу, у бимсов, Брейм отдавал оттуда нужные распоряжения, пока с якорного каната спускали в море грапнель — весь сплошь из стали, бреймовский, патентованный, никогда не отпускающий пойманный кабель грапнель. Канат, выдерживавший напряжение в двадцать тонн, разматываясь с барабана, проходил через динамометр, так что можно было в любой момент видеть степень его напряжения. С корабля он свешивался через особое колесо на бимсах, между брашпиль-бимсами*, установленное в том же месте, где обыкновенно приходится бугшприт.

Когда грапнель достигла глубины, громыхающий барабан, наконец, прекратил свое вращение. Брейм поднял руку, в машинном отделении зазвенел сигнал, и «Президент Ги-рлинг» медленно, совсем неслышным ходом стал продвигаться назад, по направлению к первому отметному буй.

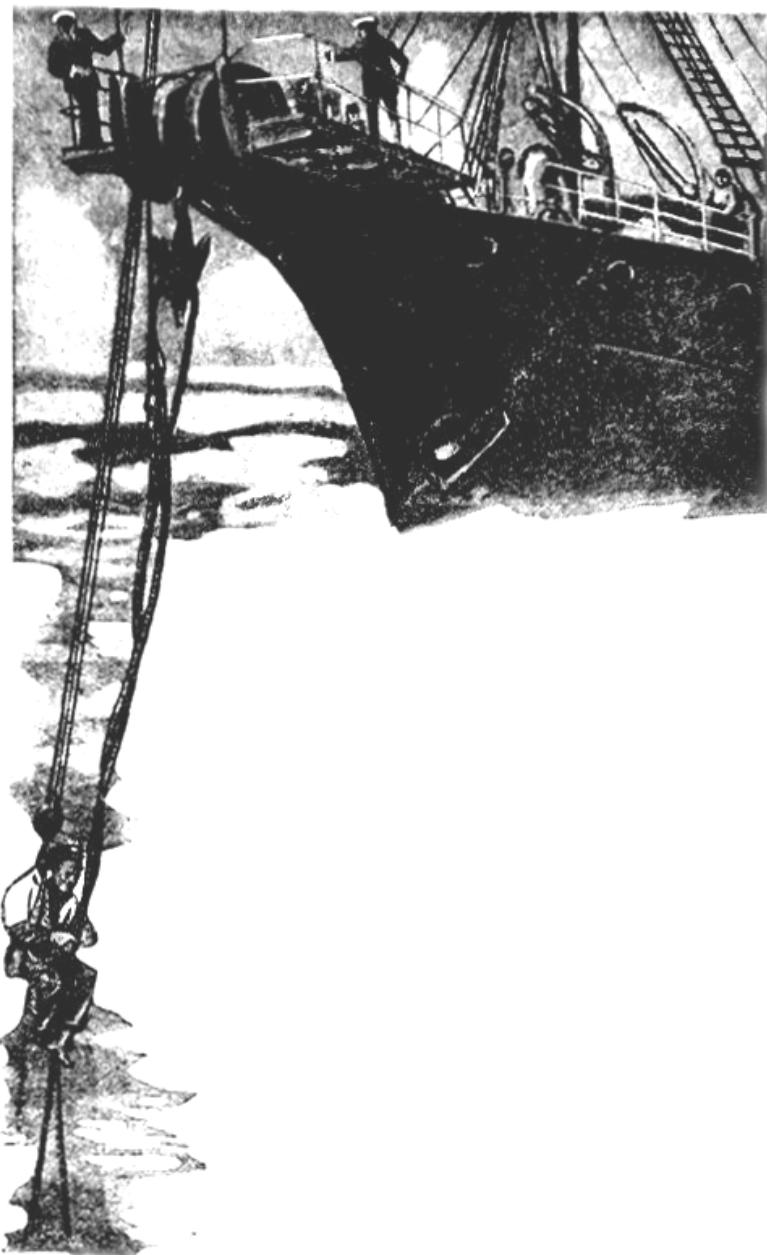
Грапнель, тащась по морскому дну в поисках за кабелем, задевал на своем пути решительно за все, — и за скалы, и за коралловые рифы, — и все одолеваемые им на ходу препятствия отмечались на громадном циферблате динамометра подпрыгиванием стрелки. В спокойном состоянии стрелка имела постоянное указание на двух тоннах напряжения: это была тяжесть каната, взвешенного в морской воде.

Было восемь часов утра. Грондааль вместе с электриками и со старшим офицером судна спустился завтракать, оставил Брейма одного на его посту около бимсов, на носу, и поручив третьему офицеру вахту на мостике.

Кают-компания была уютная, просторная, красиво обставлена комната с длинным, человек на двадцать, столом посредине. В это утро, вся купаясь в ярких лучах солнца, она казалась особенно красивой, а Грондааль был осо-

---

* Брашпиль-бимсы поддерживают брашпиль, горизонтальный ворот на носу судна, приводимый в действие обычно паром. Брашпиль служит для вытаскивания якоря, грапнеля и т. п.

бенно хорошо настроен. Ведь это же он напророчил хорошую погоду, и сияющий день доставлял ему необычайное удовольствие.

За едой разговаривали о море.

— Я вот уже двадцать лет, как работаю в этом деле, — говорил старший офицер Джонсон, — а еще никогда не видал, чтобы за граниль зацепился хоть какой-нибудь из затонувших обломков кораблекрушений. Возьмите количество кораблекрушений за один год, помножьте это число на двадцать, и вы получите представление о том, что полегло на дне моря за последние двадцать лет. Ведь это дно, можно сказать, вымощено обломками кораблей. Так уж, казалось бы, должны же они нацепляться на граниль. А на самом деле, что получается? А? Что вы скажете?

Хардмут, второй специалист-электрик, человек с круглым, наивным лицом, с аккуратной белокурой бородкой, с открытыми, чистыми, как у ребенка, глазами, все время очень внимательно слушавший, вмешался, наконец, сам в разговор.

— Насчет обломков кораблекрушений я ничего не могу сказать, — заговорил он, — но вот несколько лет тому назад я сам видел, как граниль вытянул нечто гораздо более странное, чем обломок кораблекрушения: он вытащил колесо.

— Рулевое? — спросил Грондааль.

— Нет, колесо от экипажа, бронзовое колесо...

— А позвольте полюбопытствовать, где это оно было вытащено?

— На Красном море.

Хардмут был не только вторым электриком на судне, но и корабельным враlem. А в этот день, несколько позднее, ему представился случай поистине убедиться, что действительность порою бывает куда фантастичнее, чем какая угодно выдумка.

III.

Таинственная добыча

Нагасакский конец кабеля к двум часам пополудни был уже пойман и поднят. А ровно без десяти три начали охотиться за владивостокским концом.

Погода, действительно, переменилась. Барометр держался устойчиво, температура поднялась, а от равнин Манчжурии шла влажная, жаркая полоса и легкой дымкой расстилалась по всему Японскому морю. Линия горизонта совсем потерялась вдали за дымкой влажной полосы, а солнце, слегка умерив свое сияние, смягчило и остроту своей знойности; ветер же совсем затих, точно его никогда и не бывало.

Брейм, скинув пальто, смотрел за работой, стоя на своем обычном посту. И, хотя дело шло великолепно, он все-таки все время был не в духе из-за жары и, кроме того, он испытывал напряженное состояние человека, гоняющегося за призом большого кубка. Если только ему удастся поймать и выловить на борт владивостокский конец кабеля, положим, хоть к пяти часам, то, значит, вся работа закончится в один день, а это уж будет поистине неслыханно славным делом.

Грапнель был спущен в море, и наполовину уже было закончено первое испытание дна, когда указатель на динамометре, определявший до того напряжение в две тонны с четвертью, вдруг одним махом перескочил на восемь тонн, продержался так с секунду и опять, сразу же, упал до шести...

Затем стрелка прыгнула на десять тонн, через пять секунд взвилась до пятнадцати, потом упала до семи, снова поднялась, показала двенадцать и снизилась до пяти.

Стоявший у барабана Стеффансон, человек вообще малоразговорчивый, как только увидал все эти скачки динамометра, сейчас же окликнул Брейма и спросил его, что это могло бы значить.

Если бы был пойман кабель, то на динамометре это отразилось бы медленным, но устойчивым подъемом показателя напряжения. Если бы грапнель попал на скалу или на подводные растения, то стрелка могла бы, действительно, сделать скачок, но, как только грапнель освободился бы, она сейчас же упала бы до своей нормальной высоты.

Могло бы, конечно, случиться и так, что грапнель, тащась по морскому дну, встретил бы последовательно на своем пути несколько препятствий и одно за другим преодолел бы их, но тогда стрелка, в конце концов, все-таки водворилась бы на линии нормального напряжения, а не скакала бы подряд то на шесть тонн, то на семь, то на пять.

— В чем тут дело? — спрашивал Стеффансон.

Брейм ничего не ответил ему. Он сначала остановил двигатель, потом на несколько оборотов снова пустил его в ход.

Он наклонился и приложил ухо к канату. По звуку в канате он всегда мог распознать, на что наткнулся грапнель, — на скалу или на кабель. Но то, что он услышал сейчас, было для него совершенно новым: заглушенные, отрывистые звуки, словно биение какого-то гигантского сердца, слышное издалека.

Этот канат был точно стетоскоп*, передающий смутный намек на биение сердца самого мира.

Брейм выпрямился.

— Рыба! — крикнул он Стеффансону. — Мы напали на рыбу. Вот увидите...

— Рыба? — переспросил Стеффансон. — Что же это за рыба длиною больше мили?

Но Брейм, по-видимому, не расслышал вопроса.

— Сколько еще каната у нас на барабане? — крикнул он.

— Не больше полутора мили, — был ответ.

— Скажите Джонсону, — чтобы он подкатил еще две мили каната и чтобы скрепил его с этим! — крикнул Брейм. — Андерсен, станьте-ка у машины. Стеффансон, следите хорошоенько, чтобы барабан вертелся ровно. Чтобы никаких зацепок не было.

Едва успел он это договорить, как закинутый в море канат вдруг подался вперед и, став под острым углом к воде, взбурлил вокруг себя кольцо расходящихся волн. Гигантская ли рыба или что-то другое, словом, то, что было там, винзу, теперь ринулось куда-то вперед.

— Разматывайте понемногу! — крикнул Андерсену Брейм, и, едва только заслышались звуки громыхающего пустого барабана, как он буквально в два прыжка очутился уже на палубе, перебежал ее и взвился по лесенке на капитанский мостик.

Отсюда он мог следить сразу и за динамометром и за канатом впереди него. Здесь у него под рукой было управление главной машиной, и с этого места он легко мог давать Андерсену распоряжения о подъемном аппарате. На этом месте он был полным хозяином всего механизма, а в то же время у него, как у рыболова, были в руках и удлинище и катушка лески. И, как ни сильны были в нем инстинкты спортсмена, однако, двигала им в это время вовсе не его охотничья страсть. Сейчас ему просто хотелось прежде всего спасти канат, так как он хорошо видел, что внизу со-

---

* Стетоскоп — докторская трубка для выслушивания больных.

вершается что-то далеко не шуточное и что канат может лопнуть, а ведь он знал, что полторы мили свитого из стальной проволоки каната стоят хороших денег.

Канат с барабана разматывался медленно, напряжение его измерялось всего пятнадцатью тоннами, а между тем, нагнувшись над бортом, можно было заметить, что с канатом делалось что-то странное. Ясно было, что кто-то вел судно на буксире, совершенно так же, как попадает иной раз на буксир баркас рыболовов, охотящихся за семгой, когда семга начинает вырываться, натягивает со всех сил леску и пригибает удилище. Только порывы чудовищной добычи, которая зацепилась на грапнеле, были, пропорционально ее величине, гораздо медленнее.

И чем бы ни было это существо, пойманное грапнелем, во всяком случае, два факта были уже налицо: несомненно, что это было нечто очень громадное и нечто очень неповоротливое. И, как только Брейм уяснил себе оба эти факта, он почувствовал (как он описывал впоследствии), что у него «сердце повернулось на месте».

IV.

Борьба с неведомым врагом

Как раз в это время на капитанский мостик поднялся Грондааль. Происшествие еще не успело наделать шуму на пароходе. Никто еще ни о чем не знал, кроме самих участников кабельной работы. Ничего не подозревал и Грондааль, когда взбирался на мостик, и потому был очень удивлен, застав там Брейма. Он сразу же увидел, как страшно натянулся канат, закинутый в море, и некоторое время ему казалось, что они идут, но вслед за тем он понял, что это неверно: пароходный винт не работал, а барабан разматывал канат...

— Что такое? В чем дело? — спросил изумленный Грондааль.

— Мы идем на буксире, — ответил Брейм.

— Как на буксире? Что там такое на грапнеле?

— Там что-то живое, — отозвался Брейм. — Какой-то пра-прадед всех китов, насколько я могу понять... Эй, Стеффансон! Призадержите-ка барабан! Дайте-ка посильнее напряжение!

Стеффансон повиновался, замедлил ход барабана, и указатель на динамометре спокойно поднялся сначала до восемнадцати тонн, потом до девятнадцати и до девятнадцати с половиной.

— Убавьте напряжение! — крикнул Брейм.

Барабан стал понемногу вращаться быстрее, и указатель опустился до семнадцати тонн.

— Так держать! — скомандовал Брейм.

— Ничего себе, черт возьми! — пробормотал Грондааль. Брейм рукавом сорочки вытер себе потный лоб.

— Ну, а что же остается делать? — спросил он. — Надо либо тащиться, либо рубить канат. А мыслимо ли обрубать, раз мы весь канат выпустили?

— А, может быть, еще удастся и высвободить его, — заметил Грондааль. — Ведь если это был кит и если бы грапнель попал ему за челюсть, так ведь он начал бы кататься, как бревно, и весь запутался бы в канате. Эти его повадки я отлично знаю.

— Нет, это не кит, — сказал Брейм. — И чего я больше всего боюсь, так это какого-нибудь внезапного толчка. Вы же знаете эти проволочные канаты: стоит ему только удариться обо что-нибудь, он сейчас же отскочит и тут же весь в куски разлетится... Да вот, смотрите, пожалуйста. Видите, как он там зацепился за бимсы. Отойдите! Отойдите подальше от каната! Вы совсем здесь не у места! Встаньте вот сюда, за барабан!

Грондааль взглянул на компас.

— Мы теперь на Владивосток идем, — сказал он. — И таким ходом мы, пожалуй, к Рождеству доберемся туда. Холодное это место в такое время года. У вас меховое пальто есть?

Брейм рассердился.

— Ну что же? Прикажете топоры в ход пустить? Ну, рубите, — заворчал он. — Ведь вы же хозяин на судне.

— Нет, не я, — ответил ему Грондааль. — Пока идет кабельная работа, хозяином на судне является главный кабельный инженер. А потому делайте, как сами знаете.

— Ну, так я не брошу возиться с этой штукой. Вот видите: один конец каната там внизу, где мой грапнель захватил эту самую штуку, а другой конец его здесь, наверху, где стою я, сам Брейм. И я уже сумею проучить эту паршивую бестию... А то — рубить! Да я скорее руку себе дам отрубить...

Он весь так и горел, охваченный пылом работы. Но медленность, с которой шло дело, отношение Грондааля, жаркий день и, наконец, сознание, что хозяином положения сделалось то «нечто», что зацепилось там, внизу, — все это вместе выводило его из себя, и он то решал бросить все, разрубив канат, то заставлял себя так или иначе выдержать характер и работать дальше. И вот снова уже раздавалась его громкая команда, и снова он звонко хлопал ладонью по поручням капитанского мостика... И вдруг динамометр внезапным скакком упал до двух тонн.

— Сорвалось! — воскликнул Грондааль.

Брейм крикнул Андерсену, чтобы сматывали канат. Машина дрогнула, барабан начал вращаться в обратную сторону. Напряжение каната сейчас же ослабло, и он стал сматываться. Однако, все это было лишь какой-нибудь момент, а затем стрелка динамометра снова прыгнула и остановилась на четырнадцати тоннах. А в это же время нос корабля медленно изменил свое направление, и игла компаса дала колебание.

— «Он», видите ли, переменил курс... Только и всего, — вставил свое замечание Грондааль. — Насколько кажется, «он» теперь идет на залив Поссьюета... А, послушайте, не можете ли вы как-нибудь поторопить «его»?

Брейм не ответил. Он весь ушел в свои размышления. Высшей степенью сопротивления каната считалось двадцать тонн, но он знал, что на самом деле канат может выдержать и большее напряжение. Самое же скверное, что

могло случиться, это — разрыв каната. И Брейм задумал прибегнуть к решительным мерам.

Перегнувшись через перила капитанского мостика, он отдал распоряжение всем отодвинуться назад и встать так, чтобы оставить между собой свободный проход. Само собой разумеется, что это распоряжение не относилось ни к Стеффансону, ни к Андерсену. Стеффансону он дал особый приказ употребить все силы, чтобы удержать на месте тыльную часть барабана.

Затем он велел прекратить разматывание каната. Напряжение сразу поднялось до девятнадцати тонн. Тогда он приказал Андерсену дать барабану два оборота назад. Стрелка динамометра подскочила на двадцать тонн. Какова была действительная сила напряжения, узнать было невозможно. Брейм полагал, двадцать пять. Он приказал дать барабану еще один оборот.

Вместо ожидавшегося звука выстрела от разрыва каната получилось следующее: на динамометре произошел новый скачок, стрелка сначала упала до нормального положения, а потом поднялась на две тонны.

Очевидно, произошло одно из двух — либо, натягивая канат, грапнель сорвали с того, за что он зацепился, либо добыча сама поднялась в воде настолько высоко, что напряжение каната упало до двух тонн.

— Таштите вверх! — заорал Брейм.

Барабан загромыхал, и ослабнувший канат метр за метром с шумом полез наверх.

— А ведь у вас сорвалось, — сказал Грондааль.

— Кажется, что так, — сказал Брейм упавшим голосом.

Он был прямо в отчаянии. Охотничьи инстинкты рыболова так и клокотали в нем. Из всех рыболовов мира судьба выбрала его, и ему одному отпустила этих инстинктов столько, что он мог бы поймать хоть самого левиафана*. И, кроме того, в его распоряжении вместо удилища было целое судно в полторы тысячи тонн, а вместо катушки с леской

---

* Легендарное морское чудовище.

— барабан с длиннейшим проволочным канатом, и вот все-таки его рыбка ушла.

Вдруг сердце у него екнуло.

Ослабнувший было канат внезапно с треском натянулся, и поверхность моря под ним вздыбилась целым каскадом радужных брызг. Андерсен, не дожидаясь команды, быстро выключил машину, а Стеффансон, тоже по собственной инициативе, отпустил тормоз барабана. И канат, вместо того, чтобы лопнуть, ринулся вперед.

Брейм знал, что случилось там, внизу, под водой. Туда ушло около четырехсот метров каната. Это означало, что добыча там, внизу, сначала прыгнула на четыреста метров вверх, а теперь опять бросилась вглубь.

Несколько минут он предоставил канату опускаться, а затем, совершенно точно зажимающий леску рыболовов, налег на ручку барабана. Канат не лопнул, он только вытянулся под острым углом к поверхности моря и вскружил волны вокруг себя. Ясно было, что добыча не сорвалась, а стремилась уйти и сделала уже около четырех узлов. Такое же расстояние прошло и судно, за вычетом лишь той доли его, что приходилась на длину очень медленно распускавшегося каната. По приказанию Брейма, барабан теперь вращался без контроля тормоза. Брейм работал, уже совершенно не сверяясь с динамометром. Он всецело полагался на свое чутье рыболова. И это было сплошь — вдохновение художника и азарт охотника.

Он затеял теперь настоящую игру с тем, что было поймано там, внизу, то подымая, то отпуская напряжение каната. А через час он уже решил про себя, что добыча должна быть не глубже полукилометра под поверхностью моря.

Но что, с одной стороны, положительно приводило его в недоумение и, с другой стороны, окрыляло его надеждой, — так это медленность в движениях, проявлявшаяся добычей, совершенно непропорциональная ее размерам. А об этих размерах ее не могло быть двух мнений. Если бы скорость ее движений была пропорциональна ее величине, то канат должен был непременно лопнуть.

Теперь уже все судно жадно следило за происходящим. Офицеры и электрики взобрались на капитанский мостик, а команда толпилась в проходах на палубе. Хардмут сбежал даже вниз за своей камерой, чтобы сфотографировать первый момент извлечения добычи.

Что касается самого Брейма, то он не обращал ровно никакого внимания на публику кругом себя. Ему было решительно безразлично, был ли на капитанском мостике кто-нибудь из тех, кого он знал и ценил, или никого не было, он всей душой и всеми помыслами ушел в эту борьбу с добычей и жил только этим.

Однако, по виду это, в сущности, мало походило на борьбу, не было ни возбуждения, ни суматохи, все ограничивалось только тем, что напряжение каната или медленно увеличивали, усиливая работу барабана, или же ослабляли, прекращая на время движение машины.

А с динамометром случилось что-то неладное. От не-привычки ли к сильному напряжению или к такому неровному обхождению с ним, или от чего другого, но только он окончательно сдал, и стрелка его показывала на максимум даже тогда, когда канат был совсем ослаблен.

V.

Чудовище из глубины глубин

До заката оставалось всего каких-нибудь полчаса, когда Брейму удалось, наконец, выгнать свою добычу на расстояние четверти мили от поверхности воды. По крайней мере, он сам так думал.

Опущено было каната на одну милю длиной, а добыча, по его предположениям, находилась в трех четвертях мили от судна, считая это расстояние по поверхности моря.

При этом в своих вычислениях он принимал во внимание и глубину моря в данном месте, и весь тот канат, что не был натянут, и угол выпущенного каната с поверхностью

воды, или, другими словами, направление между точкой отхождения каната от носа судна и тем пунктом, где он входил в воду. Но если добыча и была, действительно, все-го на четверть мили под уровнем моря, то и до заката ведь оставалось всего полчаса. Восхода же луны раньше наступления полной темноты ждать было нечего. А разве не будет жалеть весь мир, если великое «Невиданное» извергнется из моря под покровом тьмы! Да, кроме всего прочего, это могло быть даже и не совсем безопасным.

Хардмута это, волновало еще больше, чем самого Брейма. Он ждал со своей мерой наготове. Хардмут — страстный фотограф, а не только корабельный враль и насмешник, а это, всякий понимает, кое-что да значит.

Нижний край солнечного диска уже коснулся линии моря, когда великое событие свершилось. Прямо на востоке от судна и в одной миle расстояния от носовой части штирбorta вода вдруг всколыхнулась.

— Смотрите! — вскрикнул Брейм.

Над морем поднялся какой-то рог, какая-то темная колонна, заостренная вверху, живая, но, словно червь, безглазая. Он поднялся, упорно вздымаемый какой-то силой, поднялся и стоял, подобно рогу Иблиса*, возвышаясь колонной в тридцать метров высотой, с выпуклостью у основания, темный, точно весь из черного дерева, и с отливом солнца вокруг своих очертаний.

И, казалось, будто от самых глубин своих вззволновалось море. И ярким светом сияли лучи солнца на этом чудовище, освещая того, для которого еще никогда они не светили.

Впечатление еще усиливалось благодаря необычайной, полной тишине, внезапно водворившейся на всем судне.

---

* Иблис — падший ангел магометанской мифологии.

Впоследствии, когда среди судовой команды начался обмен впечатлениями от этого момента, то оказалось, что у всех в тот миг была одна и та же леденящая сердце мысль: не столько дивили размеры чудища, не столько поражало и самое появление его, сколько то, что оно было ж и в ы м.

Некоторым оно показалось в полумилю высотой, другим оно представлялось в более правдоподобную величину, но не было ни одного, кто бы не был положительно сражен тем, что оно ж и в о е. И сознание этого становилось особенно острым при воспоминании о его неповоротливости, о том, с какой спокойной неподвижностью оно появилось и как оно поднялось над водою.

Таковы были впечатления команды, а у самого Брейма прямо голова пошла кругом от хлынувших на ум соображений.

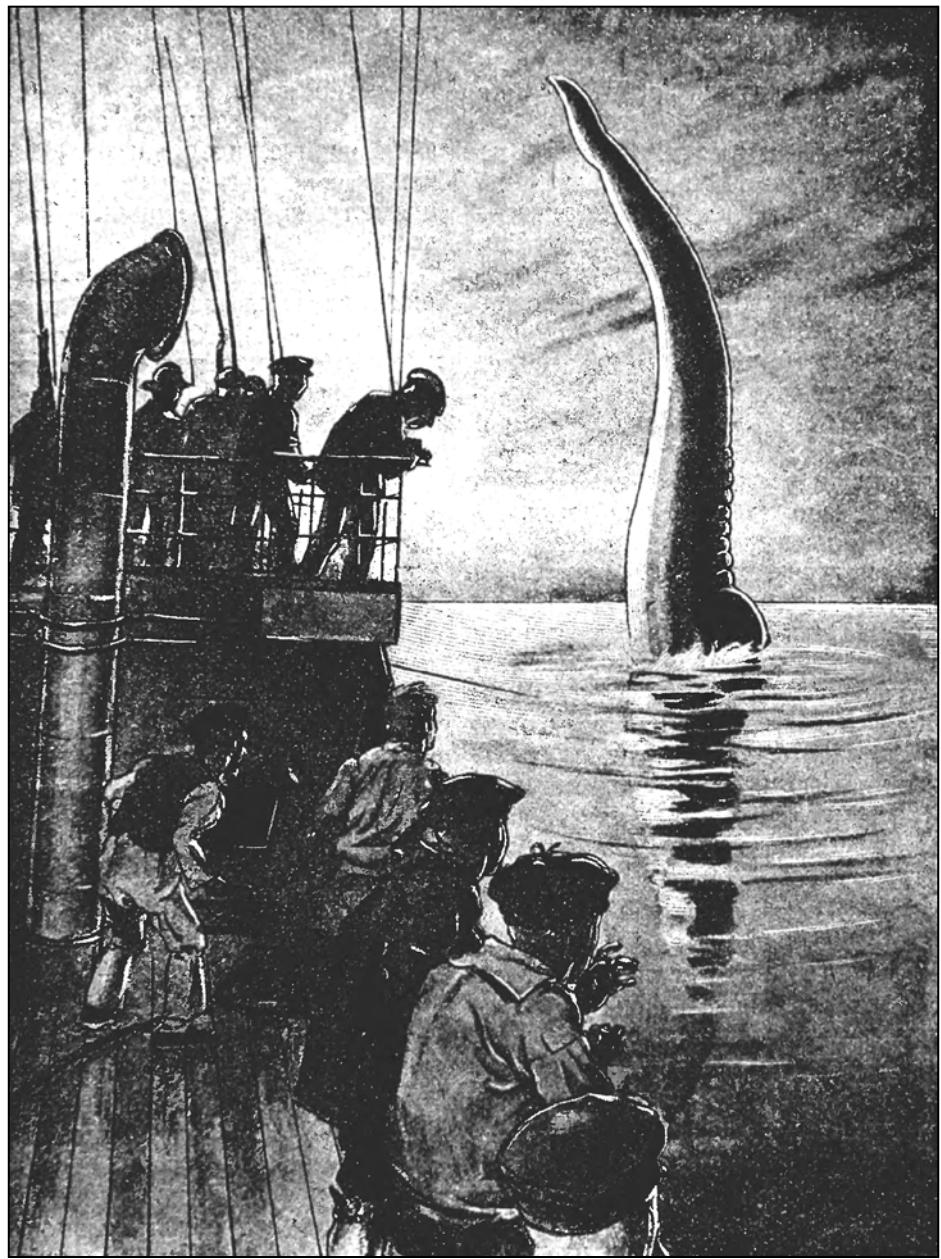
Ведь он же извлек из глубины глубин это чудовище; он знал, что оно принадлежало к миру, давно уже исчезнувшему с лица земли, и, если оно в тот момент, с биологической точки зрения, и было живо, то, с точки зрения исторической, оно все-таки не существовало теперь. А все эти неповоротливые, медленные движения, — разве они не были проявлением борьбы, и борьбы на жизнь и смерть!.. Давление, под которым это чудовище жило и приняло вид рога, было, как бы то ни было, одним из условий его существования, а вот теперь, когда это условие нарушено, оно должно умереть.

Да, верно, уж и умирает...

Тишину, царившую на капитанском мостице, прорезал какой-то слабый звук... Это Хардмут щелкнул затвором своей камеры. Фотограф первый из всех пришел в себя от оцепенения.

И при звуке этом, точно он был сигналом, живая колонна медленно нагнулась и затонула, как тихо погружаемый в воду меч.

Закат блеснул последними лучами на волнах неспокойного моря, и жаркий день угас. Окружающее чуть вырисовывалось в сменявших дневной свет туманных сумерках. И

какие-то звуки пронеслись над морем: будто где-то, о какой-то далекий берег, ударила волна... А потом несколько раз подряд слышалось что-то, похожее на бульканье гигантской бутыли, опускаемой в воду...

Но людям на борту «Президента Гирлинга» некогда было прислушиваться.

Брейм, стоя на мостице, орал во всю глотку. Канат совсем ослаб. Явно было, что добыча высвободилась с крюка даже еще до момента своего появления над водой. Барабан, сматывавший канат, заработал вовсю и своим громыханьем заглушал все другие звуки. Но чего он не мог заглушить, — это запахов, а они наполнили, собою весь стоячий безветренный воздух. Пахло илом и тиной, с примесью еще чего-то, напоминавшего запах грязи тропического берега.

Понадобилось больше получаса, чтобы смотать канат. Когда грапнель вытащили на борт, его подставили под свет дуговой лампы и подвергли тщательному обследованию. Но обнаружить на нем не удалось ничего, за исключением зацепившегося у основания одного из грапнельных крюков какого-то крошечного кусочка, похожего на лоскуток черной кожи... Да еще на конце самого каната оказались какие-то царапины.

И как раз в то время, когда Брейм производил этот осмотр, воздух потряс какой-то звук, похожий на раскат грома, а вдали, над морем, в полутиме блеснуло что-то белое, как будто полоса упавшей вниз белой пены.

Грондааль крикнул с мостика Брейму:

— Нам пора убираться отсюда!

Он дал звонок в машинное отделение, и судно закружилось на месте, словно испуганный зверь, а потом дрогнули винты, и оно, взяв новый курс, пошло полным ходом. Оно

прошло уже милю расстояния, когда раскат повторился снова, но на этот раз был уже слабее.

Они прошли мимо фонарика, горевшего на буе, которым отметили местонахождение нагасакского конца кабеля, предоставив ему одиноко светить над водой.

А потом, когда они уже умерили ход, они снова слышали звук того же грома вдали, — звук был совсем уж слабый, и раздался он в последний раз...

Поднялась луна, и под ее светом люди на палубе всю ночь напролет все прислушивались и все сторожили, но море расстипалось кругом, как ни в чем не бывало. И когда они на следующее утро подошли вплотную к месту происшествия, то не было заметно ничего особенного, только поверхность воды слегка подернулась зыбию под мягкой дымкой тумана, предвещавшего, что нарождающийся день будет тоже жарким.

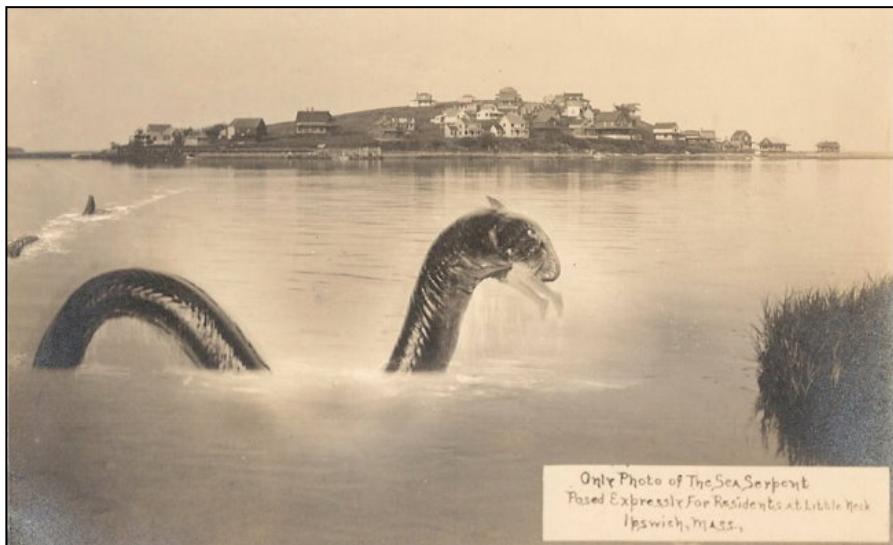
В одиннадцать часов из темной комнаты, где происходило проявление необычайной пластинки, наконец, вышел Хардмут.

И, словно та пена, что вздымают за собой винты корабля, было бело лицо его.

Он присел на ящик спасательного буя, точно хотел перевести дыхание. Бывший невдалеке от него Брейм подбежал к нему, выхватил у него из рук пластинку и стал разглядывать ее на свет.

На ней был снимок уголка одного из копенгагенских садов. Бедный Хардмут, относясь с презрением ко всяkim кодакам, употреблял только сверх-великолепную односнимочную камеру и второпях всадил в нее кассетку с уже использованной пластинкой.

Говорят, что с той поры Хардмут никогда не лгал, никогда не насмешничал, — по крайней мере, на борту «Президента Гирлинга».

«Единственная фотография морского змея, замеченного близ
Литтл-Рок жителями Ипсвича, штат Массачусетс».
Мистификация фотографа Д. Декстера (1910)

Д. Р. Р. Толкин

Из повести

«РОВЕРАНДОМ»

(1925)

Ну что еще сказать о собаках? Нет, они не забыли о каменных обломках и дурном характере. Несмотря на все самые разнообразные достопримечательности и на все свои поразительные путешествия, в самой глубине памяти Роверандом неизменно хранил свою обиду. И каждый раз, когда он возвращался домой, она вылезала наружу.

Первой же его мыслью бывало: «Ну, и где теперь этот чертов волшебник? Что пользы быть с ним вежливым? Да я опять при первой же, хоть крохотной возможности раздеру ему все брюки сверху донизу!..»

В таком состоянии духа был он и в тот раз, когда, после очередной безуспешной попытки поговорить с Артаксерком наедине, увидел мага, отбывающего по одной из ведущих из дворца царских дорог. Тот, конечно, был слишком гордым, чтобы, в его-то годы, отращивать хвост или плавники и учиться плавать как следует. Единственное, что он делал так же хорошо, как рыба, так это пил (даже в море! какова же должна была быть его жажда!). Массу времени, которое в ином случае он мог бы использовать для официальных дел, он проводил, наколдовывая в большие бочонки, стоявшие в его личных апартаментах, сидр. Если же он хотел передвигаться побыстрее, то на чем-нибудь ехал.

Когда Роверандом увидел его, он ехал в своем «экспрессе» — гигантской, закрученной винтом раковине, влекомой семью акулами. Народ освобождал дорогу моментально: акулы ведь очень сильно кусаются...

— Давай за ним! — крикнул Роверандом морскому псу, и они припустили вслед по обрыву. И эти две противные собаки швыряли в карету здоровенные камни всюду, где она приближалась к обрыву. Как я уже говорил, они могли передвигаться изумительно быстро, и вот они мчались вперед, прячась в водорослевых кустах и спихивая вниз все, что лежало на самом краю. Это чрезвычайно досаждало волшебнику, но они тщательно следили за тем, чтобы он их не заметил.

Артаксеркс и выехал-то в ужасном расположении духа, а не успев проехать и мили, был просто в бешенстве — к которому, впрочем, примешивалась значительная доля трево-

ги. Ибо ему предстояло расследовать ущерб, причиненный весьма необычным водоворотом, появившимся внезапно и в такой части моря, которая ему ну совсем не нравилась. Он полагал — и был совершенно прав, — что к происходящим в том районе препенприятнейшим вещам лучше бы не иметь никакого отношения.

Беру на себя смелость предположить, что вы уже смогли догадаться, в чем там было дело. Артаксеркс — мог.

Древний Морской Змей просыпался.

Или полудумал сделать это.

Долгие годы пребывал он в глубоком сне, но теперь начал поворачиваться. Когда он не был свернут в кольца, то достигал сотен миль в длину (некоторые говорят даже, что он мог бы протянуться от края до края мира, но это преувеличение); когда же он был свернут, то лишь одна пещера, помимо Клубящегося Котла — где он обычно и жил и где многие желали бы ему оставаться, — да, одна только пещера во всех океанах могла вместить его. И находилась она, к превеликому несчастью, вовсе не за сотни миль от дворца морского царя.

Когда Морской Змей во сне разворачивал одно-два из своих колец, воды взбаламучивались, и сокрушали человеческие дома, и нарушали покой людей на сотни и сотни миль вокруг. И было, конечно же, очень глупо посыпать ПАМа посмотреть, что там такое, потому что Морской Змей слишком огромен, и силен, и стар, и туп, чтобы кто бы то ни было вообще мог его контролировать. Примордиальный, предысторический, Сама Морская Стихия, легендарный, мифический и придурак — таковы были другие эпитеты, прилагаемые к нему, и Артаксеркс это слишком хорошо знал.

Даже если бы Человек-на-Луне работал без устали пятьдесят лет, он не состряпал бы заклинания столь развернутого и могущественного, чтобы оно оказалось способным сковать Морского Змея. Единственный раз он только попытался — когда в этом была уж совсем большая нужда, — и в результате по меньшей мере один континент ушел под воду.

Бедняга Артаксеркс рулил прямо ко входу в пещеру. Но еще не успев выйти из экипажа, он увидел высывающий-

ся из устья пещеры кончик змеиного хвоста.

Был он больше, чем целый состав гигантских цистерн для воды, и был он зеленый и склизкий...

Этого Артаксеркс вынести уже не мог. Он хотел домой, и немедленно, прежде чем этот Червяк начнет поворачиваться снова, — как все червяки, в самый случайный и неожиданный момент.

И тут все испортил маленький Роверандом. Он знать ничего не знал о Морском Змее и его чудовищной мощи. Он думал лишь о том, как бы досадить этому идиотскому волшебнику с его кошмарным характером. И когда подвернулся момент — а Артаксеркс стоял, как дурак, замерев и уставившись на видимый конец Змея, тогда как его скакуны ни на что особо внимания не обращали, — пес подполз поближе и укусил одну из акул за хвост, просто для смеха.

Для смеха! Но какого смеха!

Акула подпрыгнула и устремилась прямо вперед, и повозка подпрыгнула и также устремилась вперед; и Артаксеркс, который только-только повернулся, чтобы влезть в нее, свалился на спину. Затем акула укусила единственное, до чего могла в тот момент дотянуться, а это был хвост впереди стоящей акулы. И та акула укусила следующую, и так далее, пока передняя из семи, не видя перед собой больше ничего, что можно было бы укусить...

О боже! Идиотка!!!

...Если б только она не бросилась вперед и не укусила за хвост Морского Змея!!!

Морской Змей совершил новый и весьма неожиданный поворот! И в следующий момент собаки почувствовали, как их, перепуганных до потери сознания, завертело волчком во взбесившейся воде, с размаху ударяя о крутившихся с головокружительной скоростью рыб и вращающиеся спиралью морские деревья, в туче выкорчеванных водорослей, песка, раковин и всякого хлама.

Становилось все ужасней и ужасней, потому что Змей продолжал поворачиваться.

И посреди всего этого вращался по всему пространству бедный старый Артаксеркс, кляня их последними словами.

Акул, я имею в виду.

К счастью для нашей истории, он так никогда и не узнал, что сделал Роверандом.

Я не ведаю, как собакам удалось добраться до дома. Во всяком случае, прежде чем это смогло произойти, прошло много, очень много времени. Сначала их вымыло на берег одним из ужасающих приливов, порожденных шевелением Морского Змея. Затем их выловили рыбаки и уже почти отослали в Аквариум (отвратительная судьба!), но в последний момент им удалось избежать этого ценой сбитых, не приспособленных к сухе лап, которыми им пришлось пользоваться изо всех сил все время, пока они пробирались сквозь бесконечный земной беспорядок.

И когда, наконец, они вернулись домой, там тоже был ужасный беспорядок. Весь морской народ столпился вокруг дворца, выкрикивая:

— Подать сюда ПАМа! (Да-да! Они называли его так пристально, без всякого уважения).

ПОДАТЬ СЮДА ПАМа!!

ПОДАТЬ СЮДА ПАМа!!!

А ПАМ прятался в подвалах.

В конце концов миссис Артаксеркс отыскала его там и заставила выйти наружу; и весь морской народ завопил, когда он выглянул из чердачного окошка:

— Прекрати это безобразие!

ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!

ПРЕКРАТИ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!!!

И они устроили такой гвалт, что люди на всех берегах всего мира подумали: почему это море сегодня шумит громче обычного?..

И ведь так оно и было!

И все это время Морской Змей продолжал поворачиваться, бессознательно пытаясь засунуть себе в пасть кончик хвоста.

Но хвала небу! Он не проснулся как следует, до конца, — а иначе он мог бы выползти наружу и в гневе тряхнуть хво-

стом, и тогда еще один континент пошел бы ко дну. (Конечно, насколько это действительно было бы достойно сожаления, зависит от того, что это за континент и на каком живете вы...)

Однако морской народ жил не на континенте, а в море, и прямо-таки в самом пекле событий...

...и там становилось чересчур жарко. И они требовали, чтобы морской царь обязал ПАМа произвести какое-нибудь заклинание, найти средство или решение, способное успокоить Морского Змея. Ибо они не могли дотянуться руками до лица, чтобы перекусить или высморкаться, — так сотрясалась вода; и каждый ударялся о кого-нибудь еще, и вся рыба заболела морской болезнью — так колыхалась вода; и все вокруг так завихрялось и было так много песку, что все по-головно кашляли и танцы пришлось прекратить.

Артаксеркс тяжело вздохнул. Но все-таки он был обязан что-то предпринять. И вот он отправился в свою мастерскую и заперся на две недели, во время которых произошли три землетрясения, два подводных урагана и ряд беспорядков среди морского народа. Затем он наконец вышел и испустил грандиознейшее заклинание (в сопровождении убаюкивающего песнопения) в некотором отдалении от пещеры; и все отправились домой и засели в подвалах в ожидании — все, кроме миссис Артаксеркс и ее незадачливого мужа. Волшебник был обязан оставаться (на расстоянии — но не на безопасном расстоянии!) и наблюдать за результатом; миссис же Артаксеркс была обязана оставаться и наблюдать за волшебником.

Единственное, что сделало заклинание, — оно вызвало у Змея кошмарный сон. Ему приснилось, что он сплошь покрыт полипами (это было пренеприятно и частично соответствовало действительности), и, кроме того, медленно поджаривается в вулкане (что было очень болезненно и, увы, полностью являлось плодом его воображения).

И это разбудило его!

Впрочем, возможно, магия Артаксеркса все-таки была лучше, чем о ней полагали. Во всяком случае, Морской Змей не выполз наружу — к счастью для нашей истории. Он

только положил голову туда, где был его хвост, зевнул, открыв пасть, широченную, как пещера, и издал такой громкий храп, что его услышали во всех подвалах всех морских королевств.

И произнес:

— ПРЕКРАТИТЕ ЭТО БЕЗОБРАЗИЕ!

И добавил:

— ЕСЛИ ЭТОТ ЗАКОНЧЕННЫЙ ИДИОТ—ВОЛШЕБНИК НЕ УЙДЕТ ОТСЮДА НЕМЕДЛЕННО

И ЕСЛИ ОН КОГДА—НИБУДЬ ТОЛЬКО ПОПРОБУЕТ СУНТЬ В МОРЕ ХОТЬ ПАЛЕЦ,

Я ВЫЙДУ,

И ТОГДА Я СНАЧАЛА СЪЕМ ЕГО,

А ПОТОМ РАЗНЕСУ ВСЕ ДО КАПЛИ.

ВДРЕБЕЗГИ.

ВСЕ!

СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

Бассет Морган

ЛАОКООН

(1926)

Маленькая шхуна подошла ближе к затененным берегам острова, и разговоры на палубе смолкли. Тропическая красота Папуа показалась Уиллоуби странно отталкивающей. Он ответил на объявление профессора Деннема и согляча согласился помочь ученому в исследовании жизни обитателей моря у этих берегов в обмен на жалованье в три тысячи долларов в год, но теперь пожалел о своем решении. Миазмы джунглей словно выдыхали отраву в душистый ветерок с берега. Джунгли дышали, как черная пантера. Он достал из кармана письмо профессора Деннема и снова перечитал его.

Пять лет назад Уиллоуби был студентом профессора Деннема в Калифорнийском университете, где завоевал славу звезды футбола. Он помнил, как профессор был вынужден покинуть кафедру в связи с бурей негодования и изdevок, которая разразилась вслед за злополучной газетной статьей. В газете написали, что профессор верит в существование морских змеев. Статья была проиллюстрирована карикатурой, изображавшей Деннема и китайского студента Чунг Чинга, его протеже и ближайшего ученика. Оба, как Лао-кон, корчились в объятиях змеи с надписью «Общественное мнение» на боку. В статье рассказывалось о проведенном на кафедре эксперименте по пересадке мозга одной крысы в голову другой. Ассистент из студентов сыграл с профессором шутку, заменив мозг самки мозгом самца, и университетский кампус бурлил от предположений, чем закончится эксперимент.

Уиллоуби было жаль профессора Деннема. Но главным доводом стали три тысячи в год; он принял предложение, с ближайшим пароходом отплыл из Сан-Франциско на восток и пересел на шхуну, шедшую на Папуа. Деннем должен был прислать за ним моторную лодку.

В письме, которое Уиллоуби перечитал, поглядывая на берег, говорилось, что профессору нужен «сильный и бесстрашный человек со стальными нервами». Отталкивающая притягательность Папуа наполнила эти слова новым смыслом.

Не успел Уиллоуби сойти на берег, как к нему обратился китаец в замасленном комбинезоне:

— Вы миста Уилби? Пожалте на мой лодка.

Уиллоуби быстро попрощался со спутниками по путешествию, и китаец повел его к лодке. Вода была так прозрачна, что лодка будто парила в воздухе. Винт взбил пену, лодка чуть накренилась, когда они обогнули мыс. Четыре часа лодка мчалась вдоль берега, мимо густых джунглей и безбрежных речных устьев. Наполовину затопленные древесные стволы уходили в болотистую почву. Борясь с подступавшим невесть откуда чувством одиночества, Уиллоуби смотрел на мангровые заросли. Глухая тоска не отпускала его. Китаец не обращал внимания на все его попытки завязать разговор и stoически хранил молчание.

В послеобеденный час, приглушив мотор, лодка вплыла в лагуну. Шум винта вслед за птиц, сидевших на остове старого корабля, пронзенного остриями кораллов. В водах лагуны, как искры, сутились между белыми скелетами корней разноцветные рыбки. Морская жизнь покорила умерший корабль. По его бортам ползла белая плесень, в глубине виднелся прогнивший, поросший водорослями корпус. Небольшой причал просел под весом лиан, чьи щупальца полоскались в воде. Доски тревожно затрещали, когда Уиллоуби последовал за китайцем, в воздухе пронзительно загудели тучи насекомых. Дохнуло жаром, как из доменной печи. Что-то в теле Уиллоуби непрестанно пульсировало, будто при невралгии, и недвижный зной над далекими холмами, казалось, обретал голос.

Тропинка, ведущая от причала, вся заросла ползучими растениями. Китаец, обливаясь потом, рубил неподатливые отростки ножом. Орхидеи трепетали, как пламя. Безостановочное гудение насекомых взметалось громким хором. Дальше от причала извивов лиан стало меньше. Солнце проникало сквозь сплетение ветвей над головой и ложилось пятнами на тропу. И все ближе подступал низкий ритмичный звук, дергавший нервы подобно изводившему слух пению насекомых.

Затем они вышли из джунглей и Уиллоуби увидел бамбуковую изгородь, окружавшую некогда расчищенный и ухоженный участок. Джунгли, отброшенные было назад, снова наступали со всех сторон, душили сад, карабкались по изгороди и осаждали вымощенную битыми кораллами дорожку. Она вела к просторному дому с крытой пальмовыми листьями крышей и увитой лианами верандой. Позади дома внезапно и резко поднялись прибрежные скалы. Только тогда Уиллоуби понял, что это был за звук — то были волны моря, неустанно бившие о стены подводных пещер.

Китаец-проводник остался за воротами и прислонился к изгороди. Ничто не выдавало присутствия человека: Уиллоуби слышал лишь шорох своих шагов на коралловой дорожке. В двери, прорезанной сквозь пышный куст бугенвиллии с огромными пурпурными цветами, появился китаец в белой парусиновой одежде слуги. Он молча стоял, глядя на Уиллоуби и сплетая пальцы. На миг Уиллоуби вновь охватило чувство беспомощности, страха перед джунглями, ужаса подступающей смерти.

— Передай хозяину, что приехал Уиллоуби, — сказал он китайцу.

Он прошел за китайцем в дом. В тенистой гостиной было прохладно. На полу лежали китайские циновки. Кресла, набитые морской травой, манили к отдыху. Здесь были стенные шкафы с образцами морской фауны в банках с этикетками и стол с пишущей машинкой и лабораторным журналом. Рядом лежали машинописные страницы. В доме царили чистота и порядок, но Уиллоуби не ощущал себя в безопасности: джунгли были слишком близко.

— Хозяин сейчас приходить, — тонким голосом сказал китаец.

— Где Чунг Чинг?

Уиллоуби знал, что китайский студент последовал за профессором Деннемом в эту уединенную лабораторию и, по слухам, финансировал эксперименты профессора.

— Он давно уходить. Я не знать много.

Лицо слуги исказила нервная гримаса.

— У вас есть лодка? Я уходить вместе, — жалобно добавил он и отшатнулся при звуке шагов. В комнату вошел профессор Деннем.

Уиллоуби был поражен: профессор изменился до неузнаваемости. Его кожа плотно обтягивала кости, глаза сверкали, как у одержимого, а протянутая Уиллоуби рука, несмотря на тропическую жару, казалась холодной и безжизненной, как у трупа.

— Рад, что вы приехали, Уиллоуби, — сказал Деннем. — Вы немного запоздали и сегодня уже не успеете повидаться с Чунг Чингом. Отложим это на завтра. Мы поужинаем и вы сможете отдохнуть. Простите, мне нужно записать некоторые наблюдения. Я только что вернулся от Чунг Чинга и должен, не откладывая, занести их в журнал.

Уиллоуби с некоторым удивлением прошел вслед за слугой в комнату, где стояла кровать под противомоскитным пологом. Он снял обувь и пиджак, расстегнул воротничок, лег на покрывало и задремал. Его разбудило звяканье посуды.

Стол в гостиной был накрыт на двоих, но Деннем к ужину не вышел.

Слуга вертелся у стола и усердно обслуживал Уиллоуби. Подав кофе, он снова проговорил жалобным, умоляющим голосом:

— У вас есть лодка? Я уходить вместе.

Могло показаться, что вся его жизнь зависела от ответа Уиллоуби. Китаец явно испытывал непреодолимый страх, и белый вновь вспомнил о наползающих на дом джунглях и осте корабля в лагуне. Он пожалел, что Деннем не пришел, и в поисках хозяина вышел на веранду. Невежливость профессора не обидела Уиллоуби, однако тишина и гнетущее ощущение вызывали у него беспокойство. Наступила тропическая ночь, москиты нападали со всей яростью. Он слышал лишь гул подводных пещер — и больше ничего. Уиллоуби вернулся в дом, глянул на банки в стенных шкафах и подошел к столу. Из пишущей машинки торчал наполовину отпечатанный лист. Не сознавая, что читает запись, не пред-

назначенную для его глаз, Уиллоуби забегал взглядом по строчкам:

«Сейчас уже нельзя сомневаться, что грубая физическая примитивность зверя поглотила тонкую душу Чунг Чинга. Вчера он съел двойную порцию мяса и буквально бесновался, требуя еще. Он издавал дикий рев и яростно взбивал пено в озере. Я уверен, что его ярость направлена на меня, его друга и компаньона. Он так страдал при мысли о том, что я умру прежде его и он останется в одиночестве. Не прошло и года, как он превратился в зверя и не желает меня знать. Он больше не слушает мои уговоры и...»

Фраза обрывалась, как будто профессора что-то отвлекло. Уиллоуби читал со смешанным чувством гнева и ужаса. Очевидно, Чунг Чинг лишился рассудка, а его, Уиллоуби, наняли ухаживать за сумасшедшим. Ему стало противно. С другой стороны, он был практически пленником на этом острове — разве что удастся разыскать лодочника. Он стоял у стола и раздумывал, что делать. Маленький слуга все время держался где-то рядом, но прятал глаза. Когда Уиллоуби потребовал, чтобы его отвели к профессору, слуга замотал головой.

— Нельзя, не мочь, — жалобно промолвил он.

Уиллоуби отдернул занавеску и прошел в комнату, при надлежавшую, по всей видимости, Чунг Чингу, судя по вышитым картинам, чуть пошевелившимся от сквозняка. Между стенными шкафами стояли резные тиковые сундуки. На столе лежали запаянные металлические тубусы с наклейками, на которых был написан адрес Императорского университета в Пекине. Уиллоуби услышал кудахтанье и выскочил наружу. Под навесом, у бамбуковой клетки, при свете стоявшего на земле фонаря профессор Деннем душил курицу. Деннем свернул ей шею, отбросил мертвую птицу и потянулся за следующей. Он поглядел на Уиллоуби, и тому показалось, что во взгляде Деннема страх смешался с безумием.

Затем Уиллоуби услышал плеск волн, грохотовавших, будто в шторм — но ветра не было и ни единый лист не шевелился.

— Чунг Чинг, — произнес Деннем. — Он снова голоден. Такая прожорливость! Жаль, что вы приехали так поздно: ночью к нему приближаться опасно. Идите в дом, Уиллоуби, и прочитайте все записи, какие найдете. Я скоро вернусь и расскажу вам о нем.

Деннем схватил в охапку мертвых птиц и бросился в заросший лианами проход. Послышался звук открытой и захлопнутой железной дверцы и бешеный плеск воды. Уиллоуби вернулся в дом, собрал отпечатанные страницы, разложил их по порядку и начал читать. Страх, ужас, жадное любопытство боролись в нем; он позабыл, где находится. Он не замечал молча стоявшего рядом слугу, хотевшего лишь разделить с кем-то смертельный испуг. Он ерзал на краешке кресла, волосы его медленно вставали дыбом, по коже головы бегали мураски, на ладонях выступил холодный пот.

«Я получил доказательство того, что океанские глубины — это пустыня холодных вод, где не обитают никакие живые организмы. Недвижное, беззвучное, темное ничто. Корабль, опускающийся в эти глубины, перестанет существовать, будет раздавлен, обратится в молекулы на океанском дне. Молчание океана должно ужасать. Но больше всего меня радует доказательство моей теории; морские змеи, как их обычно называют, существуют. Благодаря чешуйчатой броне и долголетию некоторые из них дожили до наших дней. Озеро в пещере — идеальное убежище для подобного морского дракона. Чунг Чинг говорит, что слышал в Калифорнии рассказы о пещере, где поселился призрак. Как и я, он счастлив, что мы обнаружили существо и что находка эта вознаградила меня за годы исследований...»

«Три месяца я не обращался к записям. Чунг Чинг в отчаянии. Белое пятно на его теле, о котором он мне говорил, год назад начало разрастаться. Да, Чунг Чинг носит на себе знак

проказы. Он обречен, приговорен к медленной и мучительной смерти. Это трагедия для нас обоих. Он испытывает горечь при мысли, что теперь, когда мы нашли то, что искали, у него осталось так мало времени и он не сможет посвятить себя изучению морского змея. Прошлым вечером мы беседовали об ограниченности сроков человеческой жизни. Как жаль, что нам не дано достаточно лет и даже столетий для исследований! Невольно позавидуешь морскому змею: он, несомненно, старше китов и калифорнийских секвой, он появился на свет задолго до христианской эры. Судя по его длине и размеру бронированных пластин, наш дракон прожил немало веков. Я сказал Чунг Чингу, что хотел бы оказаться в его теле и не только жить неопределенно долго, но и исследовать глубины океана, узнать все о повадках морских змей и, возможно, найти других подобных существ. Чунг Чинга, похоже, это не позабавило, а потрясло...»

«Два месяца спустя. Этим утром Чунг Чинг попросил меня провести жуткий эксперимент. Его плоть, сказал он, разлагается. Пальцы уже начали отмирать. Он верит, что я могу подарить ему чудесное тело и силу морского змея. Эту идею, без сомнения, внушили ему мои хирургические эксперименты на кафедре, в ходе которых я пересаживал мозг грызунов. Но я не могу этого сделать. Чунг Чинг человек, мой собрат, организм намного более высшего порядка».

Уиллоуби рванул на груди рубашку — он должен был, просто должен был ощутить на коже прохладу. На его ноги упала тень слуги. Слуга молчал, заламывая коричневые руки. Прочитанная страница упала на пол; Уиллоуби схватил следующую.

«Чунг Чинг придумал способ провести операцию. Он уверен, что нас ждет успех. Движения морского змея будет сковывать стальная сеть. Его голову мы неподвижно закрепим с помощью ошейника. Затем наркоз — эфир из распылителя. Операционный стол, инструменты, медикаменты — все под-

готовлено. Но я боюсь. Я не решился бы на операцию, но пальцы на руках и ногах Чунг Чинга уже гниют. Он по целым дням умоляет меня, а по ночам стонет. Завтра я останусь один, за исключением слуги Ви Во и лодочника, которому мы платим, чтобы он регулярно заглядывал к нам».

Бумага зашуршала, когда Уиллоуби непроизвольно сжал пальцами лист. Он стал читать дальше, слыша свое тяжелое дыхание.

«Чунг Чинг проснулся в жутком страхе, хоть после и уверял меня, что мирно заснул под наркозом, радуясь будущему воскресению, в чем он, в отличие от меня, не сомневался. Он не чувствовал боли — был только испуг и ощущение тяжелого груза, прижимавшего его к земле. Без сомнения, тело змея пока не подчиняется нервам Чунг Чинга — телеграфной системе его мозга. Страх я приписываю той же причине. Со временем это пройдет. Сегодня он впервые сделал попытку заговорить со мной. Он безусловно способен говорить, но я с трудом понимаю слова, произнесенные громовым голосом змея. Я провел с ним много часов; Ви Во приносил мне еду. Я задавал вопросы, на которые он мог отвечать кивком или поматыванием своей огромной, увенчанной гребнем головы. Как жаль, что глупцы, смеявшиеся надо мной, когда я настаивал на существовании морских змееев, не могут увидеть мой триумф!

Тело Чунг Чинга обладает изумительной витальностью. Он быстро отошел от воздействия эфира. Пораженные проказой останки моего бедного друга покоятся в холщовом мешке на дне океана. Железный брус удерживает их на дне. Теперь Чунг Чинг неуязвим и великолепен. Ничто не сможет повредить его чудесную кольчугу, кроме оружия человека, этого разрушителя!»

Уиллоуби поднял голову и провел рукой по глазам. Ужас сковал его плоть. Он не мог, не желал поверить в этот кошмар. Преступление Деннема бросало его в дрожь и в то же время зачаровывало.

«Он отказывается от мяса. Морского змея, в чьем теле он сейчас находится, мы регулярно кормили сырым мясом, но после пересадки Чунг Чинг мяса не ест. Несомненно, высшее сознание эстета подчинило себе тело зверя. Сегодня я подготовил еще один тубус с записями для отправки в Императорский университет Пекина. Китайские ученые изучат и оценят редчайшие данные, от которых отвернулись мои соотечественники. Да, мы с Чунг Чингом доказали существование морских змеев, мы показали, что путем мученической жертвы наука способна проникнуть в тайны подводных глубин».

Уиллоуби вытер вспотевшее лицо. Ви Во стоял рядом с подносом. Он взял с подноса бутылку, налил себе стаканчик бренди и схватился за следующую страницу.

«Чунг Чинг боится темноты. Его страх тормозит наши исследования. К тому же многое, чем он может поделиться, я не понимаю. Я плохо разбираю его слова. Иногда он переходит на кантонский диалект, силясь мне что-то объяснить. Самые мельчайшие детали были бы драгоценны, но возможно, мои надежды слишком велики. Я не в силах понять его страх и довольно патетическую тоску, когда он начинает говорить о том, что после моей смерти останется в одиночестве. Утешает одно: он хорошо ест. Он предпочитает недоваренную курятину и свинину. Мне придется держать солидный запас, так как его аппетит растет...»

«Прошло шесть месяцев со дня последней записи. Чунг Чинг доставил мне бесценные образцы и сведения об океанских глубинах. Я ежедневно запаиваю металлические тубусы для отправки в Пекин. И однако, я заметил в нем перемену. Сперва он боялся глубин, но сейчас погружается в океан без всякого страха и проводит все больше времени под водой. Тишина внизу должна быть ужасающей, но Чунг Чингу нравится проводить исследования. Он сумел уточнить подводные очертания континентов и побывал в ледяных полярных морях...»

«Три месяца спустя. Чунг Чинг вновь изменился. Он едва размыкает челюсти и нехотя удостаивает меня какими-то мелочами. Все идет не слишком хорошо. Заметна перемена в его характере, и говорит он невнятно. Прежде он говорил четко, хотя его голос напоминал звуки церковного органа. Теперь он впадает в неистовую ярость, когда я отказываюсь его кормить до получения отчета о его странствиях. Полагаю, было ошибкой кормить его сырым мясом. Было бы лучше, если бы он питался исключительно тем, что можно найти в море. Я невольно задумываюсь, не берет ли над ним верх тело зверя? Быть может, оказались встречи с подобными ему чудовищами? У него нет ни привычки общения с ними, ни защиты от них... Хотел бы я посмотреть на битву морских драконов! Сожалею, что не мне выпало превратиться из человека в ящера. Я давно вышел из среднего возраста и оставил за спиной страсти, терзающие людей помоложе. Чунг Чинг, который в своем человеческом облике дал обет безбрачия и посвятил всю жизнь науке, нуждается в подруге. Он совершенно отчетливо проревел, что нашел «душечку», как называли девушек студенты в университете, и потребовал побольше еды, чтобы набраться сил для схваток с другими самцами. С великим сожалением я должен признаться, что конец уже близок. Он стал равнодушен к нашим исследованиям. Сегодня я не услышал ничего, кроме рассказов о его подружке: кажется, она застенчива и обладает большей быстротой движений и выносливостью. Они рассекают глубины, кружат вокруг островов и поднимают фосфоресцирующие волны... Ах, если бы я мог найти еще одного морского змея и переселиться из этого тщедушного тела в тело ящера, как Чунг Чинг!»

Холодный пот выступил на лбу Уиллоуби. Он снова поднял первый прочитанный лист и перечитал удививший его отрывок. Теперь он понял, о чем писал Деннем, какую перемену в этом *существе* имел в виду. Тело зверя подчинило себе разум Чунг Чинга. Дикость морского дракона взяла верх. Он обратился против Деннема и больше не слушался

ученого. Запись продолжалась ужасными строками, ярко выражавшими страх Деннема.

«Чунг Чинг — сущий дьявол. Сегодня он набросился на меня, разинув пасть. Я упаковал все записи для отправки в пекинский Императорский университет, приложив к ним определенные инструкции. Остаток состояния Чунг Чинга — в случае, если со мной что-либо случится — пойдет на продолжение наших исследований. Уиллоуби приехал. В университетской лаборатории он проявлял немалую сноровку. Нужна лишь известная практика, и тогда, я уверен, он сумеет выполнить нужную операцию. Чунг Чинг рассмеялся, когда я рассказал ему о своем плане, но пообещал заманить в озеро другого самца. Мы с Уиллоуби используем опускающиеся железные решетки и поймаем змея. С Уиллоуби я еще об этом не говорил. Но я заметил, что он все так же крепок и силен, как в студенческие дни. Его наградой будет часть состояния Чунг Чинга и слава откры...»

Уиллоуби смял лист в руке. Его нервы были натянуты до предела, дыхание громко вырывалось из груди в тишине. Кресло упало, когда он встал и поглядел через плечо Ви Во на занавешенный проем. Вышитые драконы словно шевелились, наделенные зловещей жизнью. Но в этом месте обитал и более ужасный дракон: безумие, которое овладело Деннемом и превратило его в жреца религии, чьи обряды была страшнее любого вуду джунглей.

Уиллоуби понял, зачем ученый пригласил его на остров. Он должен бежать, иначе он навсегда останется в этой ловушке. Нужно найти Деннема и сказать ему об отъезде. Деннем сейчас где-то у озера. Уиллоуби вспомнил мертвых птиц и слова ученого: «Чунг Чинг снова голоден. Такая прожорливость!» Вспомнил плеск воды, бушевавшей, как в шторм. Деннем боялся существа, но пошел к нему вновь. Ему может грозить смертельная опасность. Обычная порядочность требовала от Уиллоуби попытаться спасти профессора. Что же

до его планов, то Уиллоуби содрогался от тошноты при одной мысли об этом.

Он вышел на увитую растениями веранду и вздрогнул, заметив белую фигуру Ви Во. Китаец схватил его за руку. Его зубы выстукивали дробь, как кастаньеты. Стук его зубов и тяжелое дыхание Уиллоуби тонули в звуке воды, бьющей о скалы под порывами несуществующего ветра.

Уиллоуби, собрав все свое мужество и убеждая себя, что записи были лишь фантазиями безумца, углубился в проход. Тапочки Ви Во нехотя шелестели позади. Они осторожно подошли к железной решетчатой двери; между толстыми прутьями изнутри пробивался свет. Уиллоуби увидел стоящий на каменном полу фонарь. Вниз вели ступени. Оттуда слышался постепенно стихавший шум волн и доносились чьи-то негромкие стоны.

Уиллоуби открыл железную дверь, взял фонарь и начал спускаться. Его встретил поток холодного воздуха, принесший запах водорослей и прохлады. Маслянисто блеснула вода — море втекало здесь в естественную пещеру, образуя озеро. Водоем ходил ходуном, как от мощного подводного взрыва. Скалы, кишащие мелкими морскими обитателями, обрывались вниз. Под сводом Уиллоуби заметил нечто похожее на громадный хомут, прикрепленный к вделанным в свод железным кольцам, и стальную сеть на веревках — все это использовал Деннем, пересаживая мозг Чунг Чинга морскому дракону. Сбоку, с трудом различимая в слабом свете фонаря, лежала груда каких-то предметов.

Чувствуя, как шевелятся на голове волосы, Уиллоуби протянул вперед руку с фонарем. Он пытался рассмотреть, что за гигантская птица бегала взад и вперед по уступу. Ее испуганный клекот эхом разносился по пещере. Уиллоуби увидел на скальном уступе груду мертвых кур и цыплят. Краем глаза он заметил движение Ви Во. Китаец спиной вперед отступал вверх по лестнице; его взгляд был прикован к озеру, руки слепо ощупывали скалу. Уиллоуби повернулся к озеру, напрягая зрение. Он не сразу увидел, что так испуга-

ло Ви Во и заставило желтую кожу китайца позеленеть от ужаса.

Затем в глубине озера что-то блеснуло, разрезая черную воду — блестящее, чуть светящееся быстрое тело, волнообразные извины и тени — и кольца живым вихрем вырвались на поверхность.

Уиллоуби повернулся и бросился к лестнице. Ви Во свистяще вдохнул сквозь зубы. Вода мягко окатила подножие скалы, и спустя миг Уиллоуби и китаец уже бежали, мешая друг другу, вверх по ступеням — ибо волны разошлись и над ними воздвиглась увенчанная гребнем голова. Вода стекала с клыков в исполинских челюстях, дрожал красный язык, большие стеклянные глаза глядели на них, зловеще поблескивая. Взметнулись кольца змеиного тела. Уиллоуби увидел огромные чешуйки, похожие на радужные металлические пластины. Вода шипела и оглушительно билась о стены пещеры. Кровь резко пульсировала в горле и на запястьях Уиллоуби. Страх парализовал его.

Существо закричало. Из колосальной глотки вырвался рев, все набиравший силу, раскатывавшийся по пещере, и в этом реве Уиллоуби безошибочно различил имя.

— Деннем! — яростно вопило существо.

Крик Деннема, казалось, слился с трепыханием большой белой птицы на уступе скалы, и Уиллоуби осознал, что не сумеет сделать то, ради чего спустился сюда — спасти профессора. Это безумное всклокоченное создание в белом, которое съежилось на скале, прикрывая голову полой, и было Деннемом.

Профессор с жутким хохотом выпрямился.

— Чунг Чинг! — позвал он. — Ты привел морского дракона? Смотри, Уиллоуби здесь. Уиллоуби сделает меня неуязвимым, и мы будем вместе плавать в глубинах океана...

Его слова утонули в громком реве морского змея. Из гигантского горла вырвался смех, голова метнулась к Деннему. Озеро забурлило, и волна, поднятая броней колец, разбилась о скалу и окатила Уиллоуби. Фонарь выпал из его онемевших пальцев. Он чувствовал во рту вкус моря.

После он ощущил, как руки Ви Во крепко сжали его. Они сидели на ступенях, прижавших друг к другу. Озеро лежало темным пятном, волны утихли. Уиллоуби ощупью спустился на несколько ступеней ниже и увидел внешнюю арку пещеры. Отблеск раннего тропического рассвета окрасил озеро серебром. На уступе скалы никого не было. Деннем исчез.

Уиллоуби повернулся и, подталкивая перед собой охваченного ужасом китайца, выбрался наверх. Там он захлопнул и запер железную дверь.

Он прошел по дому, бросил взгляд на тубусы с записями, на машинописные страницы с рассказом о преступлении Деннема, вышел на веранду...

И вздрогнув, услышав за спиной голос.

— У вас есть лодка? Я уходить вместе, — дрожащими губами молил китаец.

— Пойдем, — бросил Уиллоуби и зашагал по тропинке.

У изгороди стоял лодочник. Уиллоуби нашарил в кармане деньги и протянул китайцу.

— Отвезите нас обратно в порт, — сказал он. — И поскорее!

Эразм Батенин

МОРСКОЙ ЗМЕЙ МИСТЕРА УОЛША

(1929)

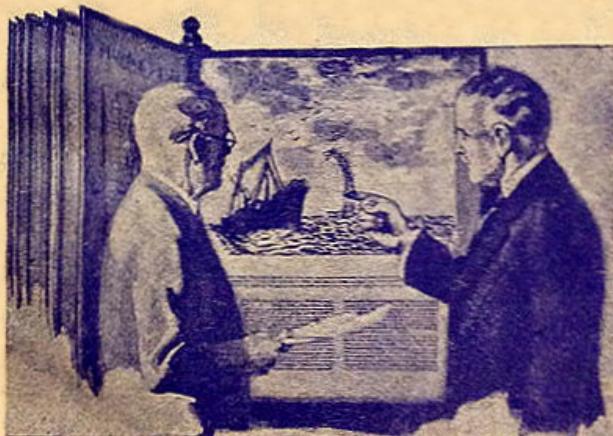
Вып. 1.

Ц. 60 к.

АВАНТЮРНЫЕ РАССКАЗЫ ЭР. БАТЕНИ

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН
МОРСКОЙ ЗМЕЙ

Морской змей мистера Уолша

«Когда автор рассказывает истину, ему не следует превращать свой рассказ в игрушку с сюрпризами».

Бальзак. История тринадцати.

— Фрак! Фрак! Иначе я вас не впушу, мистер Уолш. Ведь вы в Европе! Впрочем, вы можете надеть и смокинг...

Когда стихли эти насмешливые восклицания, я рассыпал ответное бормотание, в котором было скрыто, — мне так показалось, — смущение и послушание еще не совсем прирученного зверя. Слов я не разобрал, но произнесены они были по-русски с сильной американской акцентацией.

Немного погодя, в купе протиснулась массивная фигура моего спутника по дороге Москва-Берлин. Я уже знал, что фамилия его Уолш, что зовут его Чарли, что он мультимиллионер и что он влюблен.

Уолш виновато взглянул на меня и, протянув могучую руку к вагонной сетке, снял с нее большой саквояж черной лакированной кожи, обвитый ремнями, и так снял, словно в нем ничего не было.

Раскрывая его, он чуть покраснел. Лицо его изображало досаду.

— Очень капризная дама, сэр, — словно извиняясь, сказал он, глядя как-то вбок своими голубыми выпуклыми глазами... И замолчал, роясь в вещах.

— Вы говорите про нашу соседку? — спросил я скорее для того, чтобы продолжить разговор, — я почувствовал к Уолшу симпатию в первый же момент нашего недавнего знакомства, — чем заинтересовавшись происшествием, которое ввергло американца в такое смущение.

— Про нее... — ответил он, чуть вздохнув.

— Вы давно ее знаете?

— О, да! Девять недель.

На мой вопросительный взгляд Уолш добавил без всякого недовольства:

— Самому умному человеку достаточно и одной недели знакомства с ней, чтобы безнадежно поглупеть на всю жизнь.

— Любовь?.. — задал я вопрос, стараясь вежливостью тона сгладить всю его неловкость.

— Хуже, — ответил он мрачно, разглядывая вынутый из саквояжа фрак, слегка крутившийся на его поднятом пальце, похожем на кран грузоподъемника.

Я сразу не понял, что он хотел этим сказать и замолчал, задумавшись о том, что может быть для мужчины хуже, чем любовь к капризной женщине?

— В ее глазах всегда холод... — сказал он тихо.

Эти слова вывели меня из задумчивости. Я утешил его мало подходящей к случаю сентенцией.

— Глаза — зеркала, в них только чужие отражения..

— Простите, сэр. Я должен буду переодеться.

Я покосился на человека, раздраженным тоном извинявшегося за то, что он должен был снять удобный дорожный костюм и надеть фрак в совершенно неурочное время, в совершенно неподходящем месте, и занялся чтением.

Но вы знаете, что такое купленный наспех для вагонного чтения роман. Из него все время выпадали плохо сброшюрованные листы, — в конце концов все они перемешались, и я окончательно потерял нить повествования. Я отложил роман в сторону и взялся за книжку своего любимого литературно-художественного журнала «Красное северное сияние», в котором на этот раз меня заинтересовала статья «О ловле сельди по мурманскому способу». К сожалению, я слишком поздно обратил внимание на стихи Джи-ги Клеточкина, сурово призывавшего

«Уйти от ржавых книг к простым сердцам...»

Я послушался поэта, и взгляд мой снова упал на Уолша. Было время, когда я вращался в хорошем обществе и вполне усвоил то, что подразумевается под «хорошой манерой» человека, конечно, не смешивая ее с так называемыми «хорошими манерами». Да. Я-то уж знаю, что это не одно и то же. Поэтому я был крайне удивлен, увидев среди бела дня человека безусловно хорошей манеры, нарушившего все законы хороших манер: мистер Уолш стоял передо мной в светло-серых брюках в полоску, срезанном белом жилете и фраке. Я давно не видал фрака, но сразу же понял всю фальшь такого туалета.

— Он плохо кончил, когда разорился, — проговорил вдруг Уолш.

Я сделал вопросительное лицо.

— Я говорю про молодого Блистона. Он был моим давнишним другом, даже компаньоном одно время... Впоследствии, когда его дела стали совсем плохи, он поступил к Силли — лучшему портному Нью-Йорка, чтобы шить без подчеркнутости. Он знал в этом толк, и Силли это оценил.

— Без подчеркнутости? — переспросил я.

— О, европейское влияние заметно в Соединенных Штатах прежде всего в области туалета. Не только американки, но ни один уважающий себя американец не станет оригинальничать в этом вопросе.

— Однако! — невольно вырвалось у меня при виде его удивительного простодушия, — вы сами-то, по видимому, предпочитаете законодательствовать, а не подчиняться традиции?

Уолш самодовольно улыбнулся.

— Это вы насчет отворотов? — он самодовольно дотронулся до лацканов фрака. — Дело в том, сэр, что у нас строго отличают статских от военных. Я — полковник, я хочу сказать, что я служил добровольцем. Носить на фраке отвороты смокинга — моя привилегия после мировой войны.

— И при фраке серые брюки? — спросил я чудака, в котором так странно сочеталась глупость лощеного европейца-бездельника с умом прожженного американского дельца.

Уолш посмотрел на свои ноги и схватился за голову.

— Я потерял с ней остатки здравого смысла! — воскликнул он горестно.

Пока фрак менялся на смокинг, а я раздумывал о стабилизации фрачных отворотов, знакомый серебряный голос звонко раздался в наших ушах. Несомненно, для Уолша он прозвучал особенно мелодично.

— Мистер Уолш, вы готовы?

Я ответил за него:

— Нолли! Мы вас ждем к себе, иначе туалет мистера Уолш растянется еще на добрых полчаса.

— Пусть он идет, как есть. Я буду кормить его с рук...

Уолш расхохотался.

— Вот видите! Для Нолли наш вагон — маленький зверинец!

Нолли я знал давно.

Конечно, это была опасная женщина. Прежде всего она была опасна тем, что всегда играла.

Но игра эта так въелась в ее существо актрисы, — на сцене она была пять лет, — что казалась органически с ним слитой.

Носила ли она маску? Не думаю. Диапазон ее настроения, всегда отраженного на лице, был так велик, что измерить его колебания хотя бы на протяжении одного часа не представлялось никакой возможности.

В двенадцать лет она сводила с ума гувернантку, в четырнадцать — двоюродного брата, в шестнадцать она приступила к тому, что сейчас, на тридцать первом году своей жизни, называлось ею «тренировкой», от чего сходили с ума все, кто имел неосторожность подойти к ней на слишком близкое расстояние. В сущности говоря, победой похвалиться не мог никто, но тренировки этой было так много, что бактерии сплетни находили пищу для размножения и размножались так, что имя «Нолли» вызывало снисходительную улыбку у безвременно угасших сердец и гримасу у тех, кто считал ее самой страшной конкуренткой в призе элегантности и красоты. Ее одаренности после «Разбойницы» никто, впрочем, не отрицал.

Но бесцельно описывать женщину. Женщина утром — одна, ночью другая, и утра и ночи у ней не бывают схожи. Возьмем наудачу какую-нибудь внешнюю черту женщины. Скажем — рост.

Ну, что можно сказать о росте Нолли? Если ее измерить сантиметром — она будет считаться, пожалуй, маленькой женщиной. Когда Нолли стоит рядом с Уолшем — совершенно очевидно, что она крохотное создание. Между тем, сама по себе она не производила такого впечатления, со сцены же казалась прямо большой. Я так и не разгадал секрета этого явления, может быть, он был скрыт в той изумительной гармонии, которой дышало все ее тело во всяких положениях, особенно же в движении. Ее волосы, например, были определенно плохи. Ей приходилось частенько вынимать тончайшие черепаховые шпильки и закручивать косичку

узлом над своим чудесным затылком.

— Они вылезли у меня не от старости, — говорила она при этом, — хотя тридцать один год — не шутка.

Но кто на это обращал внимание! Когда она остроглась по-мужски, как того потребовала мода, со-перничавшая с ней в капризах, то не стала от этого лучше, но не стала и хуже. Прямо удивительно, как все шло к этому существу, обладавшему, казалось, секретом вечной юности. Все же я слышал однажды, как пристала она к Уолшу с требованием достать ей тертой кожи гиппопотама — лучшего, как ей сказали, средства для сохранения цвета лица.

Бедный Уолш, кажется, телеграфировал об этом к себе в Америку.

Но что мне нравилось в Нолли больше всего, — так это, не скрою, ее уши. Я твердо уверен, что осмотр человека следует, вообще говоря, начинать именно с ушей.

Как бы ни были вы влюблены в женщину — не спешите. Разглядите ее уши, — они могут иной раз с первого взгляда вернуть вам хладнокровие. Не делайте ошибки, успокаивая себя тем, что это мелочь!

Уши! Вот где вы видите женщину всю, целиком, нагую. Проверьте меня на любой женщине. Они все время закрывали свои уши! Они приучили мужчин не обращать внимания на эту важнейшую часть своего тела.

Пишут, например: «В ее фигуре чувствовался спокойный вызов»... Или что-нибудь в этом роде. Следовало бы писать уточненно: «Спокойный вызов чувствовался в ее ушах»...

Но я уклонился в сторону. Это бывает всегда, когда делу помешает женщина.

Не успели мы с Уолшем войти в купе Нолли, как она заставила американца поднять вверх палец, намотала на него прядь своих волос и приказала сидеть молча, «пока они не высохнут».

— Хотя всю ночь. Я мыла голову, — строго произнесла она, оглядывая, к моему удивлению, с головы до ног не его, а меня.

Осмотр, по-видимому, доставил ей удовольствие.

Уолш это заметил, но добродушие его было, кажется, безгранично.

— Чарли, — сказала она, — мне всегда с вами скучно, хотя вы и внушаете страх... Молчите, говорю вам, — прикрикнула она на разинувшего было рот Уолша.

— Нолли, почему вы так жестоко обращаетесь с мистером Уолшем? — задал я вопрос.

— О! — быстро начала она скороговоркой, — во-первых, он капиталист. Терпеть их не могу: в них нет никакого зажигания! Кроме того, он дурно обращается с неграми...

— У меня нет негров-служа...

В тот же момент рот Уолша был заткнут маленьким комком ее носового платка.

— Вы были на стороне южан! — произнесла она безапелляционным тоном.

Бедному Уолшу так и не пришлось объяснить, что она ошибается на добрых полвека.

— Скажите, — обратилась Нолли ко мне, — может ли мешать жизни двух людей, которые любят друг друга, разница в их политических взглядах?

Уолш пытался освободиться от своей душистой затычки, чтобы ей ответить, но он успел только кивнуть в знак отрицания головой, как она сама освободила его.

— Ну?

— Нет.

— Да.

Эти ответы вырвались у нас одновременно.

— Для вас же хуже, если вы так думаете, — проговорила она серьезно, в упор смотря на великана.

Уолш принял горячо отстаивать свое мнение. Нолли внимательно слушала.

Когда Уолш кончил, она неторопливо произнесла:

— Я только тогда могу играть, если у меня установилось на сцене интеллектуальное общение с партнером. Оно так слаживает игру! А в жизни ведь это еще нужней.

Я поддержал Нолли. Но Уолш крепко стоял на своем.

— Есть и эмоциональная связь, — этим все начинается, с этим все и кончается, — утверждал он.

Она парировала его слова совсем по-женски:

— Эмоциональная связь? Конечно, я, например, боюсь, когда вы до меня дотрагиваетесь. Я испытываю около вас холод, словно я попадаю в сырую тень после жаркого солнца.

— Пожалуй, это — хороший признак, — подумал я с некоторым огорчением.

— Из Берлина вы едете в Стокгольм? — задала мне вопрос Нолли. — А вы, Уолш?

Мне нужно было побывать в Берлине, в Географическом обществе, а затем ехать в Швецию, где я должен был по приглашению Стокгольмского университета прочитать несколько лекций по специальному вопросу, который я разрабатывал. Уолш ехал к Нансену по делам не то благотворительным, не то коммерческим. Он собирался вложить огромный капитал в ирригационное строительство, — в Армению, кажется.

Мы объяснили все это Нолли.

Какая-то тень прошла по ее лицу, но вскоре его озарила обычная лукавая усмешка, которая делала таким привлекательным ее рот.

— Русские женщины не придают значения деньгам, — вдруг произнесла она.

Фраза эта, ни в малейшей степени не связанная с предыдущим разговором, сама по себе вызывала протест. Но мне удалось схватить то, что заставило Нолли ее произнести в присутствии богатого иностранца, в нее влюбленного, и я промолчал.

Уолш вздохнул на этот раз особенно грузно.

— Вы вздыхаете, как испорченная фисгармония, Чарли. Лучше скажите, куда мне в вашей Европе ехать после Парижа?

— В Ниццу...
— А потом?
— Виши, Довилль, Биарриц, Сан-Себастиан...

— Ну, так я вернусь из Парижа прямо в Москву, — заявила она.

Я понял, что именно она хотела сказать этими упрямо произнесенными словами, но Уолш, расстроенный своей любовной неудачей, не понял ничего. Это было заметно по его глазам. Ей, поглощенной сценой, в ореоле начинаяющейся славы, было не до модных курортов, да и натура ее, в основе более глубокая, чем это казалось с первого взгляда, нуждалась не в пряной остроте летнего европейского отдыха. Уолш был для нее новым человеком, — своеобразная мощь его, будя любопытство, постепенно заполняла те трещинки ее существа, которые образуются у каждой женщины, почему-либо лишенной семьи. Отсюда проистекало то внимание, которое она ему оказывала и которое его огорчало своеобразием своей формы.

Надо сказать, что я сам когда-то был в плену у Нолли. Но однажды она коротко, но вежливо сказала:

— Я предпочитаю двух двадцатипятилетних одному пятидесятилетнему.

Мне исполнилось тогда пятьдесят три, и я не обиделся.

Доверчиво-добродушный голубоглазый американец молчал. Молчала и Нолли. Мой возраст научил меня ценить молчание, и я его не прерывал. Но когда оно все-таки прервалось — вот тут-то и началось то, о чем собственно я хочу рассказать.

— Чарли! Существуют морские змеи или нет?

Что навело ее на этот вопрос? Раскрыты ли страницы лежавшего около меня журнала со статьей о сельдях? Но изображенные там рыбы всякого вида и возраста как будто никак не напоминали своих далеких родственников. Или ее воображение, как в сновидении, только бессвязно играло образами? В тот момент я не мог подыскать объяснения. Оно пришло значительно позднее. Впрочем, Нолли всегда напоминала мне энциклопедический словарь: открытый на каком-нибудь слове, он логично и до конца развивает всю мысль, вложенную в это слово, и замолкает с тем, чтобы перейти к теме соседней, — соседней столько же, сколько существует со словом «я» — «яичница».

— Ну, Чарли, отвечайте же!

Оклик Нолли вывел меня из задумчивости.

Чарли, которому трубка в присутствии Нолли была запрещена, — папирос он не любил, — перестал двигать челюстями, словно жевавшими табак, и ответил с поспешностью, что он этого с точностью не знает, но что его самого вопрос этот занимает, можно сказать, с детских лет. Эрудиция, с какой привел он ряд фактов, меня до некоторой степени удивила.

— Во-первых, заявил он, — в столь солидном источнике, как «Известия Географического общества», заключено достоверное свидетельство одного голландского купца, что ги-

гантский морской змей был дважды замечаем в Атлантическом океане, хотя впоследствии это сообщение и пытались опровергнуть. Древний норвежский писатель Олай Магнус говорит о большом морском змее, как о явлении самом обыкновенном. Но его описанию, тело змея покрыто чешуей, он поднимает голову с двумя как уголь горящими глазами над водой, показывая гребень гривы; часто нападает на парусники у скандинавских берегов и уносит с палубы юнг. Правда, и по этому поводу имеется возражение: Гартвиг, например, со свойственной всем немцам педантичностью, проработал над вопросом двадцать лет и признал достоверным во всей этой истории только то, что какой-то норвежский юнга был однажды сброшен с палубы в море хвостом рыбы огромных размеров.

Нолли всегда любила все необыкновенное, из ряда вон выходящее. Она слушала Уолша с блестящими глазами, словно ожидая, что вот-вот он скажет ей что-то самое для нее необходимое, самое важное.

— Гренландский миссионер Эгеде, — продолжал Уолш, — описал в своем путевом журнале 1734 года под 6 июля: «Мы видели сегодня фантастически огромное, страшное до ужаса морское чудовище. Несомненно, это был морской змей. Его голова пришла на высоте мачты, когда он поднялся из воды. На длинной острой морде виднелась пасть; кожа, покрытая чешуей, была в морщинистых складках. Когда змей погрузился в воду, он кинул спиралью вверх свой хвост». Этот рассказ зоологи приписали единогласно «разгоряченной фантазии, которую следовало бы потушить», и только один голос прозвучал иначе, — он принадлежал самому Эгеде, просившему принять во внимание, что его возраст — гарантия того, что у него давно уже все потухло, в том числе и фантазия.

При этих словах Уолша Нолли взглянула на меня и лукаво улыбнулась. Не вспомнились ли ей мои «фантазии»?

— Из ряда свидетельств первой половины XIX века — Понтоппидана, Граница, Маклеана, Мухея — я остановлюсь лишь на последнем, — докторальным тоном продолжал между тем повествовать Уолш. — Первые писали исключи-

тельно по слухам, Мухей же, капитан английского корабля «Дедал», лично видел морского змея в Южном океане 6 августа 1848 года под 24 градусом южной широты и 9 градусом восточной долготы. И, тем не менее, профессор Овен

на том основании, что нигде никогда не были найдены скелеты этих чудовищ, позволил себе иронически воскликнуть нечто вроде того, что легче-де доказать существование привидений! Он указывал, между прочим, будто гривой могла быть сочтена простая перистость на спине, и что главная двигательная сила плавающих заключается в задних

плавниках и хвосте, почему поднимаемый рыбой водоворот легко можно принять за продолжение ее тела. Во всяком случае, — говорил он, — разложившийся труп того чудовища в семнадцать метров длины, который в 1875 году видели у берегов острова Кука под стаей крикливых морских птиц, «с гривой от плеча до хвоста», принадлежал акуле неимоверной длины, — и только!

Уолш честно приводил данные за и против.

Нолли продолжала слушать рассказ, как дети сказку. Признаться, мне самому было интересно убедиться, — хотя и на несколько фантастическом примере, — в том, как осторожно наука оперирует с поставленными перед ней вопросами.

— Но недра океанов полны тайн, — думалось мне. — Они скрывают целый мир, который натуралист знает только поверхностно. Только теперь великолепные водолазные приборы с киноаппаратами позволяют спускаться на казавшиеся недоступными глубины. Но все же, как мы еще мало знаем жизнь их! Даже жизнь сельди, самой обыкновенной сельди, покрыта мраком и тайной. Вопросы: откуда она идет? куда идет? почему внезапно пропадает на целые годы? — доныне остаются без ответа. Под влиянием этих размышлений, вызванных статьей из «Красного северного сияния», — этот журнал всегда вызывает размышления, — у меня вырвались слова, которые рассердили Уолша. Я сказал, отвечая в сущности самому себе на свои собственные мысли:

— Вы говорите, знаменитейшие зоологи часто ошибались и еще чаще вовсе не могли объяснить явления. Действительно... Вот, например, петухи... Отчего они кричат «ку-ку-ре-ку»? И с закрытыми глазами, во сне, хлопают крыльями, все поголовно, в одно и то же время? Ни один ученический зоолог не смог бы разобраться в этом вопросе.

О чём кричат и знают петухи
Из курной тьмы?
Что знаменуют темные стихи,
Что знаем мы?

Я не успел докончить первой строфы, как Уолш, чуть покраснев, зло заметил, что он знал в Америке одного сумасшедшего, который никогда в жизни не видел ни одного петуха и тем не менее ежедневно к пяти часам утра тоже с закрытыми глазами, тоже во сне, хлопал себя руками по бокам и звонко кричал петушиное «ку-ку-ре-ку».

Я принял было слова Уолша на свой счет, мне даже пришло в голову, не мое ли поведение дало ему повод к такой реплике, но затем понял, что столь далеко в своем возмущении Уолш не зашел. Я задумался над вопросом поэта, ставшим, благодаря словам Уолша, как будто еще запутаннее для решения, над ученой гордостью, мнящей о все знании... Зоология! Вон там летит в свое гнездо птица... Представим себе на минуту, что она изучила бы историю своего индивидуального развития и занялась бы исследованием строения человека. Не оказалось бы в ее ученом труде следующего: «В зародышевом состоянии эти двуногие животные имеют много сходства с нами. Кости черепа у них также не сращены; клюва нет, так же как и у нас в первые пять дней высиживания. Конечности почти одинаковы и приблизительно той же длины. На всем теле нет ни одного настоящего пера, — лишь тонкие голые стержни, так что мы уже в яйце стоим выше по развитию, чем они в конечной фазе его. Кости их не хрупки и, подобно нашим в юности, не содержат воздуха. Воздушных полостей у них нет совершенно, и легкие не стоят в связи с скелетом, как у нас в самом раннем периоде. Зоба нет вовсю. Железистый и мышечный желудок более или менее слились в один общий мешок. Все это — черты строения, у нас быстро исчезающие. Когти у большинства двуногих столь же неудобно плоски, как у нас перед выплением. Способностью летать обладают из млекопитающих только летучие мыши, которые и представляются наиболее совершенным видом из всех них. И эти-то животные, которые так долго после появления на свет не в состоянии сами добывать себе пищу, в своих зоологических трактатах заявляют претензию на организацию высшую, чем наша!».

Моя ненависть к зоологии явилась причиной того, что я не смогу передать ничего связного из дальнейшего рассказа Уолша. Я только помню, как в ответ на несколько насмешливые вопросы Нолли, Уолш жалобно клялся, что лейтенант Жиль Марше, в прошлом году посадивший из-за морского змея миноносец на коралловый риф, был аттестован начальством, как выдающийся офицер, что ром пьют на крейсерах, а не на миноносцах, что это древняя строгая соблюдающаяся во флоте традиция.

Не знаю, убедилась ли Нолли в существовании морского змея. Я помню только, как она спросила меня, не видел ли я когда-нибудь живого морского змея и, не успел я качнуть головой в знак отрицания, как она с самым серьезным видом заявила:

— Когда Уолш вытягивает шею — он настоящий морской змей!

На следующий день рано утром мы прощались. На скользкую руку Уолш передал мне свою визитную карточку, испещренную адресами. Протянув руку, голосом ласковым, как у жалующегося ребенка, он попросил моей помощи. — «На всякий случай», — как он выразился. Из его несколько сбивчивых слов я понял, что Нолли издевалась над ним до последней минуты, заявив в конце концов, что выйдет за него замуж, если он сумеет доказать ей существование морского змея.

— Но я ведь не ученый! — воскликнул он, грозя кулаком в пространство.

— Я поговорю с Нолли и сделаю все, что смогу, — твердо ответил я. Но по совести сказать, зная ее характер, я отчетливо сознавал, что сделать тут ничего не смогу, и что Уолша бесцеремонно в этом отношении обманываю. Но он был так, бедняга, огорчен!

С некоторой боязливостью положил я свою руку на его раскрытую ладонь. Он протянул мне последнюю тем примитивным жестом, с каким, вероятно, протягивал ее человек каменного века в доказательство того, что в ней не за jakiat камень. Но когда пальцы Уолша сжались, я почувствовал то прочное и вместе нежное рукопожатие, которым обменивается взрослый с ребенком. Когда он говорил мне прощальные слова последнего привета, взгляд его скользнул по головам публики, спешившей к выходам перрона... Среди нее была Нолли.

Я почувствовал жалость к этому гиганту, у которого большое сердце что-то уж слишком учащенно билось под тугим полотном все еще надетой фрачной сорочки. Это было заметно по лицу, тем местам его, сбоку под глазами, которые как-то особенно меняются при волнении, — преимущественно у женщин, каким бы самообладанием они ни отличались.

Женщины! я выдаю ваш секрет, ибо наблюдение над этим свойством вашего лица — единственный точный способ, которым можно определить, говорите ли вы нам правду.

Это свойство придавало лицу Уолша нечто женственное, чуть беспомощное.

Но —

«Надо удалиться и жить
Или оставаться и умереть».

Это сказал еще Ромео. Уолш выбрал первое.

— Вы долго пробудете в Париже? — спросил я Уолша.

Но мой вопрос не сразу дошел до его сознания.

Вздохнув, он с чисто американской фамильярностью положил руку на мое плечо и устало произнес:

— Нет! Думаю, мне нечего делать в Европе...
Я приподнял шляпу, и мы расстались.

Мне и в голову не приходило, что я еще когда-нибудь увижу с моим влюбленным американским мукомолом, да еще при столь необыкновенном стечении обстоятельств. Во всяком случае, он испарился из моей памяти вместе с ароматом неизвестного мне благоухания, которое оставалось при мне еще некоторое время после памятной беседы в купе моей милой соотечественницы.

Не задерживаясь, я проехал в Стокгольм.

Старые связи в ученом мире помогли мне быстро наладить работу в минералогическом музее, и не прошло суток, как я уже сидел в специально отведенном для меня небольшом круглом зале университета над перелистыванием старинных изданий по геологии. Пожелтевшие листы, плотные, чуть шуршащие, доверчиво раскрывали перед моим взором, как постепенно проникал человек в тайну мироздания. Я прекрасно помню бессолнечное и, однако, не тусклое утро, когда скандинавское небо показалось мне, северянину, родным. Я сел за свой библиотечный стол с тем легким чувством, которое обыкновенно испытываю в древнем храме, в музее или среди развалин.

Перевернув страницу, я вздрогнул.

Ландшафт рисунка книги, — это была знаменитая «Палеонтология» Кределя, изданная в 1626 году приложением к геологии Вормса, — поразил меня своим видом.

Как будто подсознательно ощущил я связь вида, изображенного в книге, с видом, открывавшимся передо мной из огромного венецианского окна. За мелким переплетом

оконных рам уходил вглубь, закрываясь невдалеке ровной линией гребня возвышенности, точно такой же ландшафт, какой был изображен неизвестным художником на лежавшем перед моими глазами рисунке.

Я почти онемел. Сходство было поразительное до деталей. Те же скалы из гранитов громоздились влево, так же ввысь уходили их остроконечные шпицы, словно зубчатая крепостная стена... Та же мягкая зелень ковра, будто в складках сползшего с возвышенности напротив... Даже небо в легких перистых облаках было копией того, которое глядело на меня со страниц книги, где яркость краски соперничала с живой природой. Но что самое удивительное — так это наличие воды в правом фасе картины. На мертвом рисунке это был океан, в окне же — лишь небольшой ручеек в пологих берегах.

Чем больше вглядывался я — тем аналогия казалась ощущительнее.

Но вот глаз заметил и различие. На том берегу потока, ясно видимого из окна, мирно покачивала кудрявой головой столетняя ива, тогда как на иллюстрации в этом пункте, среди ряби океана, виднелась голова... морского змея!

Звук открывшихся за мной дверей и шаги нескольких человек заставили меня обернуться.

То, что я увидел, само по себе заслуживало внимания.

Надо сказать, что белый круглый зал, в котором я занимался, был совершенно непосещаемой частью музея. Полуциркульные отвесные скалы примыкали к самым стенам, и только прямо впереди виднелась ровная, возвышающаяся к горизонту покатость плато, о котором я говорил. На этом плато я не видел ни одного живого существа. Если бы не

трепетавшая на ветру ива — единственный живой здесь предмет — ландшафт казался бы живописью в раме окна. Очарованный этой невозмутимой тишиной, я несколько удивился, когда в двери стали входить незнакомые мне люди, один за другим. Старшему на вид было лет под восемь-девять, но двигался он бодро и уверенно, как и тот, который казался моложе его лет на двадцать. Третий был лет тридцати пяти. Четвертый, пятнадцатилетний мальчик, вошедший последним, ростом равнялся с остальными. Я бегло схватил по их лицам, что это несомненно одна семья. И действительно, незнакомцы оказались прямым нисходящим поколением Олафа Хэрста, главного университетского библиотекаря. Словом, ко мне вошла вся библиотечная династия, без ее главы. Этот визит, как я потом узнал, был традиционным актом вежливости в отношении иностранного гостя. Но перейду к сути рассказа.

Младший — Рандольф — объявил мне, что прапрадед, шеф, явиться к сожалению не может, так как вечером должен состояться торжественный банкет. Дело в том, что университет праздновал трехсотлетие своего существования. Галантно раскланиваясь, будущий наследник библиотечного престола заявил, что он уполномочен пригласить меня на этот банкет. Поблагодарив университет в лице правнучка, правнука, внука и сына Олафа Хэрста за приглашение, я пригласил их сесть.

Надо было начать разговор, но, по присущей мне несветскости, он не клеился. И только когда самый древний из моих посетителей, по-видимому, сын Хэрста, бросил взгляд на раскрытый том с иллюстрацией, изображавшей так поразивший меня ландшафт, разговор оживился.

— Господин профессор читает Вормса? Но знает ли господин профессор, где Вормс написал свою книгу? Он написал ее здесь, в этом самом кресле. Да! Он был, по-видимому, прекрасным рисовальщиком, этот Вормс... Посмотрите в окно... Не этот ли ландшафт вы через него видите?

Старик пояснил мне, что записи, хранящиеся в архивах библиотеки, с точностью это устанавливают, и затем, переглянувшись с остальными, жестом пригласил меня к окну.

— Круглое здание, в котором мы находимся, появилось в 1620 году, — сказал он. — На шесть лет раньше суб-инкунабулы Вормса. Обратите внимание на то, что крылья здания построены в упор к боковым скалам. Река, которую вы видите, изгибается за эту возвышенность, — он показал на поднимающееся плато, — она естественная преграда для окрестных жителей. Мне семьдесят семь лет, — продолжал он, — но я не видел еще из этого окна ни одного живого существа.

И с подвижностью, столь не гармонировавшей с его возрастом, он вспрыгнул на подоконник, а с него — на землю. Рандольф тотчас же оказался возле него.

— Я покажу ему это? — вопросительно произнес Рандольф.

Старик, улыбаясь, молча кивнул головой.

И вот здесь-то я впервые услышал палеонтологическую лекцию, во время которой мне демонстрировали натуральную природу эпохи до первого оледенения земли, эпохи, уходящей в седую древность. Я знал, что это только ми-нута в истории жизни земли, эра, называемая новой, хотя ей свыше пятидесяти тысяч лет; что деревья, чудеснейшее из украшений земли, предки вот этой самой ивы, колеблющей невдалеке свои ветви, появились задолго до этой эры, одновременно с теми гадами, чудовищные размеры которых нам так сейчас непонятны. Я знал, что человек проник отчасти в тайны времен зарождения жизни, так как не обнаружил в древнейшей из известных ему эпох, насчитывающей сотни миллионов лет, ни ископаемых животных, ни растений...

В конце концов мы все оказались за окном.

Карабкаясь вправо по скале, в направлении к реке, мы спустились затем в глубокий каньон.

Совершенно замкнутая котловина имела дикий неприветливый вид, словно она была одним из тех кругов ада, который забыл описать Данте.

Мы шли, спотыкаясь, по огромным валунам, пока не достигли задней скалы, преграждавшей доступ. И здесь... Но буду рассказывать по порядку, в той последовательности, в какой все это произошло.

— Вы наш гость, пребывание которого мы очень ценим, — заявил мне один из двух дотоле молчавших шведов.

Я молча поклонился, не зная еще, к чему ведет это вступление. Он добавил:

— Мы будем жалеть, если утомим вас.

Другой взял меня под руку, и, улыбаясь, произнес:

— Не советую только вам никому рассказывать о том, что вы сейчас увидите... Вы испортите свою ученую репутацию. Впрочем, вам все равно никто не поверит...

Рандольф, между тем, несся вперед. Я едва поспевал за ними.

Когда мы подошли вплотную к скале, старик опустился на колени и стал отваливать камень. Справившись с нашей помощью с этой работой, он поднялся на ноги и спросил, лукаво на меня глядя:

— У вас карандаш с собой?

— Я не захватил записной книжки, — ответил я.

— И прекрасно. Видите ли, отец запретил здесь что-либо зарисовывать.

С этими словами он, как тень, скользнул в узкую щель под камнем и пропал из наших глаз. Один за другим спускались мы, скользя на руках, ногами вперед, по крутому, усыпанному щебнем склону. Спуск был труден и продолжителен. Я ощущал влажный, чуть нагретый воздух. В полутемном гроте, в который я попал, едва освещенном верхним отверстием, сначала было трудно что-нибудь различить, но затем я несколько освоился с обстановкой. Ноги мои дрожали от непрерывного напряжения...

Рандольф это заметил и, взяв за руку, подвел меня к плоскому камню, словно к креслу. Я опустился на него в полном изнеможении. Моим провожатым, наоборот, про-

гулка эта далась без особого утомления. Изредка они перебрасывались восклицаниями на шведском языке, которого я не понимал. Смех Рандольфа гулко раздавался под сводами.

— Эоцен! Эпоха первых приматов, эпоха вымирания древних пресмыкающихся!..

Это сказано было по-немецки и несомненно относилось ко мне. Я встал.

— Я не сумею рассказать вам историю этого фантастического животного, изображенного на скале, с такими подробностями, как мой отец, — произнес с некоторой торжественностью сын Олафа Хэрста.

— Отец детально изучил эпоху, когда впервые появилось на земле отдаленное подобие человека, научившееся истреблять этих гигантских гадов.

Я тщетно пытался разглядеть доисторическое животное, о котором он говорил, но глаза мои ничего не улавливали. И только позже я, наконец, увидел ту поразительную картину, которая, как живая, стоит и сейчас перед моими глазами.

Швед говорил:

— До нашей эпохи млекопитающих существовала эпоха ящеров, свободно живших не только в воде и на суще, но и в воздухе. Заметьте это... В те времена в океанах плавал рыбоподобный тринадцатиметровый ихтиозавр! Кровожадное, прожорливое чудовище, почти игра природы, с мордой дельфина, с глазами, равнявшимися каждый вашей голове, с зубами крокодила, с позвонками и хвостом рыбы, с плавниками перьями кита. Мозазавр, в двадцать четыре с половиной метра, — представляете себе такую длину? Это побольше фаса нашего университета, — с головой еще более феноменальной, оспаривал у ихтиозавра свою пищу — плезиозавров, страшилищ в три раза меньших, беспомощно погибавших в его пасти. Холодный взгляд мозазавра, в присутствии которого трепетало все живое, видел в темноте! И горе тому, кто попадал на его усеянные острыми зубами челюсти, раскрывавшиеся наподобие ворот. Живот-

ное превосходно плавало благодаря сжатой клинообразной форме тела и вертикальному хвосту.

Но, господин профессор! То, что вы видите на этой стene, — он поднял руку, — только жалкий экземпляр своих предков, своего рода Рандольф того времени...

Шутка не рассмешила меня. Я увидал нечто такое, отчего вздрогнул...

Между тем, своеобразная лекция продолжалась.

— Змееобразный плезиозавр, с маленькой головой на гибкой лебединой шее, был слабейшим, как я сказал, из серии этих чудовищ. Он медленно плавал на небольших сравнительно глубинах, ловя под водой добычу ловкими упругими движениями. Словно порожденное самой разнужданной фантазией, это морское диво осуществило в действительности легенды о баснословных гидрах и химерах древних поэтов. В общем он был похож на нынешних нильских крокодилов, хотя огромнейший из них перед плезиозавром — невинное создание, которого тот проглотил бы сразу, — ведь его зубы равнялись половине длины вашей руки! Проглотил бы так же, как его самого проглатывал ихтиозавр.

Рассказ воскрешал к жизни животное, подобие которого я, наконец, разглядел на стene. А голос из полутемноты продолжал:

— Но сам ихтиозавр — ничто перед своим двоюродным братом — диплодоком. Самая маленькая из этих ящериц имела двадцать пять с половиной метров длины! Да, двадцать пять с половиной, самая маленькая... Это, несомненно, огромнейшее из когда-либо живших существ. Массивные слоновые ноги, крохотная головка, длиннейший хвост, кожа гладкая, как у змеи, — вот его портрет. Большую часть времени диплодок проводил в глубоких реках и озерах, невероятно длинная шея позволяла ему срывать листву с прибрежных деревьев. Именно Олафу Хэрсту, — с самодовольствием заметил сын знаменитого ученого, — выпала честь доказать, что диплодок любил соленую воду и установить, таким образом, тот отныне неоспоримый факт, что вода первобытных морей, пополнявшаяся дождями, была

пресной, и что соли приносились в моря реками. Вам известна эта теория, господин профессор?

Я промолчал. К стыду своему, я ровно ничего не слышал об этой теории. В детстве я был твердо уверен, что вкус морской воды зависит от того, что в ней плавают сельди. Отказавшись от такого объяснения, я остался вовсе без точки зрения на вопрос. Словом, я счел более удобным промолчать.

— Отец предполагал, что эти исполинские травоядные ящерицы размножались посредством кладки яиц. Американская экспедиция 1924 года в Монголии, нашедшая двадцатисантиметровые яйца, подтвердила это предположение.

Говоривший умолк. Я подошел к стене, и рука моя невольно протянулась к беловатым, в натеках, линиям, намечавшим рисунок исполинских частей скелета на словно полированной поверхности скалы. Когда я дотронулся до углублений, меня охватило невольное возбуждение.

* * *

— Знакомы ли вы с палеоэмбриологией? — спросил меня старик.

— О нет, — отвечал я, — о развитии доисторических животных я знаю еще меньше, чем о них самих.

— Слой в один метр отлагается в течение семи тысяч лет. Толщина всех осадочных слоев земной коры равна пятидесяти четырем километрам. Вы можете рассчитать, сколько лет потребовалось для их отложения. Четыреста миллионов лет, господин профессор! Вот какими цифрами приходится оперировать, глядя на этот великолепный экспонат. В этих слоистых горных породах — великий геологический музей природы!

Рассматривая баснословное страшилище, я размышлял: завязло ли его тело в иле и тине первобытного моря, которые сохранили нам рисунок его костяка? Или один из моих

предков, может быть, поклонявшимся чудовищу, как божеству, каменным топором выбил его изображение?

— На возвышенном плато, которое видно из окна библиотеки и простирается почти на полтора километра, падая к реке отвесным обрывом, когда-то велись обширные работы в течение десятков лет. В пункте, где мы сейчас находимся, недра прорезаны обширными галереями. Судя по преданию, о странных линиях, находящихся на этой скале и в совокупности, как видите, представляющих как бы рисунок, впервые рассказал университетскому сторожу некий шахтер, Томазий Мен. Какая-то катастрофа погубила впоследствии смеячаков, работавших в месте находки, и она надолго исчезла из вида и даже из памяти. Еще два года тому назад вода заполняла этот грот, — по-видимому, тут есть подземная река. Отец сам работает над вопросом. В будущем году он начнет здесь копать, если только позволят средства, — нужны масса рабочих, подрывные работы... А рекламино вести дело, разгласить его ради денег, конечно, невозможно. Отец рассчитывает найти окаменелости...

Как молния прорезала мой мозг мысль об Уолше.

— Уолш! Он-то не поскупится. И во всяком случае будет молчать.

Но до знакомства с Олафом Хэрстом я решил с предложением выждать.

— Рисунок, запечатленный на скале, не принадлежит ни плезиозавру, ни мозазавру, ни тем менее диплодоку, — продолжал старик. — Рандольф залил эти углубления краской. В иных местах отец восполнил недостающие части туловища, так что в рисунке есть, пожалуй, кое-что и произвольное. Изображение сделано на древнем красном песчанике в шесть метров толщины, перекрытом угленосными отложениями следующей геологической эпохи. Красный песчаник содержит следы железа, выделившего путем вековых химических процессов тонкую черную пленку. Когда эта природная лакировка была отбита, под ней-то и обнаружилось изображение.

Посмотрите сюда! Вот здесь, например, совсем отчетливо видны трехпалые лапы с когтями. Эти когти, между про-

чим, чрезвычайно смущают отца; тем не менее, он утверждает, что мы видим перед собою не что иное, как легендарного морского змея! Термин этот уже принят геологией, хотя зоология его применяет пока лишь к найденным в океанах угревидным рыбам в какие-нибудь три-четыре метра. По мнению отца, здесь изображен единственный водяной экземпляр змея из полусотни видов, принадлежавших к наземным и летающим.

— Может быть, «дракон» Августина, Элиана, Плиния, Лукана, — ведь все их описания сходятся, — и есть один из видов вашего морского змея?

— Вероятно, — ответил Хэрст. — Выводы отца — плод долголетних изысканий, но я, признаться, разделяю его соображения, по которым он так ревниво оберегает тайну, ничего не опубликовывая. Вы прекрасно знаете, как были бы встречены наукой недостаточно проверенные данные. А тут еще эти когти!

— Позвольте, позвольте! — воскликнул я. — На Малайских островах водится рыба, которая вылезает из воды и поднимается на стволы прибрежных пальм навстречу скатывающимся с них дождовыми каплями. Одни предполагают, что она цепляется плавниками, другие говорят о когтях!

Здесь я окончательно убедился, что «Красное северное сияние» действительно представляет собою изумительный источник точного знания. Надо было видеть выражение лица Хэрста при этом замечании, основанном на прочитанном мною исследовании о мурманских сельдях.

— Где, где вы прочли это?

Я скромно назвал источник, в котором было опубликовано столь важное для палеонтологии сообщение.

— Но у нас нет более никаких доказательств того, что этот рисунок не случайность, не простая игра природы, а что он высечен, и высечен не в наше время! Ведь и Рандольф мог бы выбрать долотом то, что вы видите. Беда в том, что университетские записи, где значилось об открытии Томазия Мена, погибли сорок лет тому назад при пожаре библиотеки...

— Неприятное препятствие, — проговорил я из соболезнования.

Он помолчал.

— Конечно то, что может появиться на страницах газет, родившись в головах моряков и фантазеров, еще не для науки! Надо доказать! Правда, сам Гетчинсон говоривал не раз отцу, что если морские змеи не существуют, то существовали. Но отец, видите ли, хочет найти подтверждения теперешнего существования их.

— Происхождение морского змея от ящериц несомненно. Ящерицы убедились, что, изгибая тело и опираясь на ребра, двигаться легче и — превратили ноги в парные плавники, как у рыб.

Говоривший усмехнулся, взглянув на меня. Затем он несколько саркастически добавил:

— Вашему соотечественнику, господину Бергу, так яростно напавшему на Дарвина, придется пересмотреть свои взгляды. Знаменитая теория было зашаталась под его ударами, но ее, как видите, спасает морской змей!

Пришел мой черед улыбнуться, но из вежливости я сдержался. Я только спросил:

— По закону эволюции низшие виды вытесняются высшими. Но почему же гигантские морские звери вымерли окончательно, а крокодилы, например, сохранились до наших дней? Ваша теория не отвечает на этот главный вопрос!

Я хотел было продолжить замечания, но, к счастью, во время вспомнил свое «ку-ку-ре-ку».

Чуть-чуть недовольным тоном старик немедленно возразил:

— Я уже сказал вам, что Олаф Хэрст ищет доказательств существования змея в наше время.

Мы вернулись в библиотеку тем же путем. Образ водяного гиганта невольно сопрягался в моем воображении с образом другого гиганта, которого Нолли прозвала одинаковым именем. Я чуть было не уступил желанию дать депешу, но снова решил выждать знакомства с Хэрстом, которое должно было произойти вечером.

Наконец этот желанный момент наступил.

* * *

Свободный от всяких забот, я мирно наслаждался на банкете общением с выдающимися представителями науки, искусства и литературы. Мои давнишние связи с университетом позволили быстро установить превосходные отношения с интимным кружком старой профессуры. Олаф Хэрст принадлежал к нему.

Столетний шеф библиотеки, всемирно известной своим палеонтологическим отделом, оказался сравнительно бодрым человеком, принявшим знакомство чрезвычайно радушно. Мы долго говорили с ним о Москве и нашей новой жизни. Он покачивал головой, но слушал настороженно-внимательно и в конце концов сказал:

— Как только я закончу свою последнюю работу, — вы знаете, какую? — я приеду в вашу страну. Я хочу увидеть собственными глазами все то, о чем вы мне рассказываете.

И, помолчав, он добавил:

— Замечательно!.. У нас тоже была революция. Давно. Когда революционеры бросились к парламенту с оружием в руках, им встретилась на пути футбольная площадка с травой. Они были вынуждены остановиться перед надписью: «Здесь ходить воспрещается!» и двинулись в обход; но тем временем с другой стороны подоспела полиция...

Я удивился юношеской восприимчивости этого старца, — он пожал мою руку, и мы стали друзьями.

Нужно ли говорить, что ученая профессия не могла нам помешать выпить одну-другую замороженную бутылку шведского пунша. Признаться, это была крепкая жидкость, от которой забурлила кровь и у Олафа Хэрста. Мы кончили нашу беседу далеко за полночь. Когда я прощался, Хэрст фамильярно взял меня под руку:

— Постойте! Вы сегодня осматривали мою достопримечательность... Рандольф рассказал мне. Но вы видели еще не все, молодой человек!

И он увлек меня с такой живостью в глубь коридора библиотеки, в читальном зале которой происходил банкет, что я ему позавидовал.

Мы долго шли мимо тяжелых желтых книжных шкафов, стекла которых поблескивали под светом ламп. Сделав несколько поворотов и пройдя ряд зал, мы остановились перед дверью. Я полагал, что мы пойдем дальше, но Хэрст указал мне рукой на кресло и, ничего не говоря, взял ручную лестницу и приставил ее к дверному косяку. Затем он влез на нее, вынул из кармана ключ и открыл узкий, вделанный в стену шкафчик. Из него он с трудом стал извлекать огромный фолиант, переплетенный в кожу; на железных застежках висели замки. Мне пришлось помочь ему спустить вниз тяжелый предмет. Опустив его на стол, он неторопливо надел очки и, самодовольно потирая руки, воскликнул:

— Я покажу вам сейчас кладбище морских змей!

* * *

Я не понял его. Но если бы понимать все, что делается на свете, то утратилась бы, может быть, главная прелесть жизни — таинственность и неожиданность. Не знаю, первого или второго было у меня больше за этот день. Морской змей! Собственно говоря, я всегда довольно-таки безучастно относился к открытиям зоологии, палеонтологии и тому подобных наук. Причина этого коренилась, вероятно, в пагубной привычке моей молодости — увлечении поэзией.

Из всех живых существ, не имеющих человеческого облика, меня интересовала разве только одна бенаресская саламандра. Что за удивительное существо, которое не тонет в воде и не горит в огне, как утверждали поэты всех времен и народов. Как я хотел бы стать саламандрой! Моя поэма о

саламандре... Впрочем, о своих неудачных поэтических опытах в наше время расцвета истинной поэзии я не люблю вспоминать. Но именно с тех пор, как я узнал из зоологии, что «огненная саламандра» — лживая фантастика поэтов и ничего больше, — я стал питать недоверие и к страховому от огня обществу «Саламандра», где было застраховано мое имущество, и к поэтам, и с холодным безразличием отношусь к зоологии, меня с ними разлучившей.

Разве не Гёте предвосхитил идеи Дарвина? Конечно, обман обману рознь. Когда, например, англичане на своей бенаресской фабрике печатают в пять красок обои с изображением туземных идолов, и бедный индус, покупая нужный ему кусок, обзаводится за безделицу целой коллекцией почитаемых богов, — то это обман дурного сорта. Но моя бенаресская саламандра! В этом положительно ничего не было предосудительного, если бы не зоология.

Одним словом, я приготовился выслушать Хэрста с чрезвычайно сдержаным чувством. Но то, что он мне показал, быстро рассеяло мое недоверие. С одной стороны, все, что я увидел, являлось чудесным поэтическим вымыслом, облеченным в форму точного сухого научного документа, с другой...

Но судите сами.

Когда Хэрст раскрыл фолиант, на первом листе его я не увидел ничего, кроме нарисованного телеграфного столба, даты, очень давней, и подписи: «Капитан Мориссон с корабля „Вега“». Вверху листа была обозначена географическая широта и долгота, что повторялось и на всех последующих листах, заключавших в себе разного рода изображения подобного же телеграфного столба, к которому изредка рисовальщик приделывал верхушку в виде крохотного языка, иной раз ставя зачем-то столб в воду. Но вскоре все стало разъясняться. На седьмом, — как сейчас помню, — листе ясно различалось очертание не столба, а животного, какого-то исполинского змеевидного существа, которое на морском просторе поднимало на высоту мачты рыболовного судна шею, увенчанную крохотной стреловидной головой, как бы для того, чтобы запастьсь воздухом. В голове

замечалось что-то общее с осетром. Пунктиром была обозначена длина шеи и радиус ее размаха. Небольшой рисунок внизу листа изображал момент, когда чудовище погружало в воду свое гигантское туловище.

— Не меняя положения, морской змей может исследовать вокруг себя воду на тринадцать метров глубины, — сказал Хэрст.

Мы переворачивали лист за листом, где были документированы очевидцами все случаи встречи в океанах и морях с морским змеем. Почти каждый лист отмечал глубины. Каждый лист был подписан; иной раз подписывалось какое-либо другое лицо вместо неграмотного рыбака, свидетельствовавшего свою историю. От листа к листу образ морского змея становился все ясней и ясней. Если один давал вид общий, — другой отмечал деталь и, в конце концов, в воображении выступал весь зверь с своей окраской, в состоянии и покоя и движения. Я помню прекрасно в одном месте надпись, которая гласила, что змей плавал почти на поверхности! Значит, он мог управлять своим огромным внутренним давлением, чтобы не разорваться подобно пузырю, поднявшись вверх! Это положительно путало все мои представления о тех рыбах-чудовищах, которые живут на таких глубинах, где давление водяного столба способно было бы моментально расплющить их в стебель водоросли, не будь этого внутреннего давления.

Хэрст перевертывал лист за листом.

Тело зверя, сжатое с боков, не имело никакой чешуи. Хвост был похож на весло, поставленное ребром. Глаза с круглыми зрачками смотрели чуть вверх. Добыча глоталась, очевидно, целиком, благодаря способности глотки раздуваться.

— Но почему же вы не опубликовали этого? — воскликнул я.

Он повел плечами и, подняв очки на лоб, молча посмотрел на меня, — мне показалось, с некоторым состраданием.

Последний лист фолианта заключал сводку всех описаний и рисунков. Этот общий рисунок был точной копией

доисторического рисунка на стене грота.

В шесть часов утра я дал депешу:

«Срочно. Лондон. Экспорт-банк, Уолшу. Немедленно выезжайте Стокгольм. Морской змей найден».

Не знаю, что подумали обо мне директора Экспорт-банка, но телеграфный чиновник рассматривал меня несколько дольше, чем это полагалось бы. Я утешил себя мыслью, что «Морской змей» мог быть, ведь, и названием какого-нибудь пропавшего корабля.

Как бы то ни было, на третий день Уолш прибыл. Я не могу сказать, чтобы он изменил своей обычной манере вести дела. Морской змей был для него таким же делом, как и отправка муки на Данциг, от которой я его оторвал своим вызовом.

— Кто, где, что и когда?

Я ответил на все его вопросы.

— Я дам вашему Хэрсту семь тысяч восемьсот долларов. Большой суммой кредитовать его сейчас не могу. Как только определятся результаты, я возмешу все расходы. Это — часть суммы, уже мной ассигнованной в качестве премии тому ученому, который докажет существование морского змея. Моя публикация, однако, не вызвала пока никакого отклика. Очень вам признателен.

Я уехал из Стокгольма через неделю. Уолш там оставался. Не могу в точности сказать, чем он, собственно, был занят. Знаю только одно, что все время он проводил с Хэрстом. Они рылись в гроте и устраивали проволочных морских змей, много писали... Я простился с ним в начале августа, а пятнадцатого ноября он коротко извещал меня: «Заштил диссертацию о морском змее. Поздравьте доктором палеонтологии».

Нолли узнала об этом тогда же, но я никак не ожидал финала, который произошел. Я всегда думал, что Уолш ей все-таки нравится.

Я сам передал Нолли письмо Уолша и его диссертацию, отпечатанную в «Известиях Стокгольмского университета»; я рассказал также о том, чему был свидетелем.

Гневная и красная от волнения, почти возмущенная, она наотрез отказалась от чтения «всякого вздора», и только мои настойчивые просьбы прочесть хотя бы письмо заставили ее это сделать.

В письме Уолш очень настойчиво и любезно приглашал нас совершить небольшое путешествие на его яхте «Эклипсе». Он писал, что оно продлится месяца три и что он сделает все возможное, чтобы мы могли провести время наилучшим образом. Не скрою, что, сразу же решившись принять это предложение, я почти насилием вынудил Нолли дать свое согласие. Она тем более упрямилась, что начался театральный сезон. Но контракт еще не был подписан... Словом, мы телеграфировали Уолшу, что приедем.

Ах, эти незабвенные дни, чудесные ночи на «Эклипсе»! Уолш сдержал слово: поездка была восхитительной. На «Эклипсе» я понял знаменитые слова Горация, сказанные им о самом себе: «Я чувствую себя свиньей из стада Эпикура». В этом образе нет, ведь, ничего предосудительного: из домашних животных свинья наиболее родовита, так как известна со времен ледникового периода.

Я ел, пил, спал и мечтал. Что за блаженство! Да! Ироническое замечание Цицерона насчет того, что нельзя предполагать, будто свинья способна написать «Андромаху», если она способна, разрывая рылом землю, начертить букву А — погашено Марксом.

Не сказал ли он: «Даже слепая свинья может найти желудь»? Я нашел свой желудь на «Эклипсе». Что ж! A chacun sa part. Зрячий осел, например, желудя не найдет. Для репутации достаточно одного этого.

Все шло хорошо до Филиппин. Нолли, казалось, забыла обо всем на свете. Уолш взял себя в руки и даже на вопрос, не обижен ли он тем, что Нолли не прочла его диссертацию, — сухо ответил:

— Нолли говорила о живом морском змее, — о нем в моей диссертации не говорится ни слова. Она права, я проиграл свое дело.

Бедный Уолш! Для него любовь тоже была делом.

Отмечая, что Нолли приняла такое отношение Уолша к проигрышу почти как оскорбление. Но затем все снова наладилось.

В январе, когда у нас снег и морозы, мы находились в двухстах двадцати километрах к юго-востоку от Токио.

Что может сравниться в рассказе по трудности с началом? Разве только конец.

Мы подходим к концу.

Шестого января в два часа дня «Эклипс» шел полным ходом. Уолш утром сказал нам, что мы приближаемся к самому значительному по глубине вод пункту на земном шаре. Насколько помню, он говорил, что высочайшая вершина мира — Эверест, помещенная здесь на дне океана, ушла бы в глубь полностью.

Мы находились в каюте за завтраком. Подали сигары. Вдруг яхту качнуло, — сильный толчок опрокинул мой стакан. Голос в рупор скомандовал тревожное: — Все на палубу! Яхта стала.

Уолш, серьезный, чуть побледневший, первым быстро вбежал наверх. Ничего не понимая, я старался успокоить Нолли. Ведь не могло же произойти ничего страшного на безукоризненно оборудованной яхте, среди бела дня, когда на море нет ни облачка, когда барометр абсолютно спокоен.

На палубе я увидел следующую картину. Уолш стоял, опершись на спасательный круг. Не скажу, чтобы он был похож на бурного Аякса, среди молний и перунов воскликавшего, грозя небу: «Я спасусь наперекор богам!». Он стоял молча, держа в руках бинокль. Штурман и команда были заняты своим делом.

Нолли подошла к Уолшу, но вдруг слабо вскрикнула и схватилась за него обеими руками. Столь фамильярное обращение сбило меня совсем с толку. Я посмотрел по направлению ее взгляда и увидел...

И я сам чуть не закричал от страха.

На сияющей поверхности воды, разрезая ее, словно масло ножом, на «Эклипс» неслось с поразительной скоростью что-то страшное, неестественное, нелепое в своей громадности. Я сразу узнал чудовище доисторических океанов. Широким, сжатым с боков хвостом оно было вправо и влево, очевидно, борясь с течением, очень сильным в этих широтах. По величине зверь в полтора раза превосходил яхту. По скорости движения, как я различил потом, когда он стал описывать вокруг нас круги, постепенно суживая их, «Эклипс», выигравший первенство паровых яхт «Атлантик-Клуба», был в сравнении с ним совершенно беспомощен.

Чудовище шло то зигзагообразно, то вращаясь на одном месте, оставляя по себе воронку с пенящимся водоворотом.

В случае столкновения наша гибель была несомненна. Смешно было бы говорить о том, что одна мысль о пасти, в которой мы ежеминутно рисковали очутиться, приводила нас в трепет. Я горько пожалел, что не йог и что не знаю их искусства очаровывать зверей, что я, наконец, не тибетец, — у тех есть, по крайней мере, свой бог путешественников, выручающий их из беды.

Уолш по-прежнему стоял невозмутимо, заложив руки за спину. Весь его вид как бы говорил, что смерть презрительно отворачивается от того, кто ищет случая попасть под ее удары. Команда занималась своим делом, но было заметно, что она как будто волновалась.

Морской змей подплыл почти к самому борту. Стрелять в него мы не могли: на яхте не было никакого оружия.

Нолли от страха повисла на груди Уолша, прижавшись к нему всем телом, словно ища защиты у этого монументального человека, остававшегося бесстрастным. Он только поднял руку, словно защищая любимую женщину от ярости нападавшего страшилища.

Я не поседел в эти минуты только потому, что уже давно был седым.

Когда Нолли несколько пришла в себя, змей отплыл от нас на сравнительно далекое расстояние.

— Нолли! Вы сейчас спуститесь в каюту и наденете ваш купальный костюм. Вы поняли меня? Ваш купальный костюм. Это необходимо. Все может случиться.

Нолли боязливо оглянулась, измерила глазами расстояние до винтовой лестницы в каюту и тихо сказала Уолшу:

— Я боюсь без вас.

— Не бойтесь ничего и никого, пока я жив, но не могу же я, Нолли...

Глаза Уолша блестели, как у волка, загнанного собаками.

Не возражая больше, побледневшая и оттого ставшая еще прекраснее, Нолли почти побежала переодеваться.

Она вернулась не более, как через две минуты. Думаю, это — рекорд для женщины.

Бедная Нолли! Я всегда вспоминаю ее в эти мгновения, как она, лишившись воли и трепеща от ужаса, явилась в своем черном обтянутом трико, к которому была прикреплена пышная желтая юбка, не доходившая ей до колен. Ее подкашивавшиеся ноги выходили из нее, как стебель выходит из чашечки речной лилии.

Словно в пространство, Уолш бросил слова:

— Или теперь, или никогда...

— Знаете, Нолли, морской змей, по-моему, гораздо больше похож на вас, чем на меня, — проговорил вдруг Уолш. И покраснел.

Нолли почти присела на корточки от такого оскорбления.

— Во всяком случае, характером! — добавил он хладнокровно, обмахиваясь носовым платком.

Она пыталась что-то сказать, но глаза ее беспокойно следили за чудовищем, которое снова приближалось к «Эклипсу».

Хотя я весь обратился в зрение, но слух мой отчасти улавливал разговор.

— Чарли! Я отчаянно боюсь. Милый Чарли! Спасите меня...

Она повторяла имя Уолша с лаской и с незабываемой нежностью, обвив своими руками его шею.

Уолш, казалось, издевался над бедняжкой.

Поглядывая на этого проклятого зверя, который, по-видимому, решил-таки нас захватить живьем, он жестко сказал:

— Вы чудесно ведете себя, Нолли, в минуту опасности. Я предпочел бы, чтобы вы всегда так держались со мной.

В этих словах звучала явная насмешка.

Несколько возмущенный, я сделал шаг по направлению к Уолшу, как вдруг она, осыпая его поцелуями и почти лежа в его объятиях, воскликнула:

— Чарли! Вы всегда хотели, чтобы я была вашей женой. Чарли, я буду вам верной, послушной женой, только спасите меня...

Уолш, вероятно от изумления, поднял обе руки. Нолли, потеряв равновесие, чуть не упала на свернутые канаты.

Не знаю, как держались бы на ее месте женщины другой национальности, — вероятно, одинаково, разве только испанка произнесла бы свое надменное: «*corazon de montesca*» — «сердце из сливочного масла!». Но то ведь испанка, с ее воспитанием на корриде! Что касается меня, то мое сердце действительно превратилось в масло, растаявшее масло.

Я видел эту сцену краем глаз, наблюдая поведение беспновавшегося около яхты зверя, но внезапно он снова повернулся к нам спиной и столь же стремительно умчался вдаль. Вскоре он почти скрылся из глаз. Может быть, он был сыт?

Уолш отнес Нолли в каюту на руках.

Когда он вернулся, я понял по его глазам, что он безропотно согласится даже быть съеденным морским змеем, лишь бы его в эти минуты оставили в покое. Он ушел на корму, и там, засунув руки в карманы, стал насвистывать «Джонни — горячие ладони».

Байрон сказал, что никто не любит быть обеспокоенным во время обеда или любви. Я могу к этому прибавить, что поцелуй — нечто вроде землетрясения: сила его измечается не только продолжительностью.

Вынув записную книжку, — в ней заключено сердце учёного во время путешествия, — я принялся набрасывать для Хэрста изображение змея, отмечая его размеры. Я так погрузился в свое занятие, что не заметил, как на мое плечо опустилась рука Уолша, и его голос прозвучал над самым ухом:

— Вы понимаете, я не идиот, и как бы я ни любил Нолли, я не мог тогда забыть про то, что у меня на руках пятьдесят четыре дела. И все-таки целый год я был занят этим проклятым морским змеем. Теперь я, наконец, свободен... Поздравьте меня. С сегодняшнего дня Нолли — моя невеста.

С опаской поглядывая на горизонт, я сжал его руку. В моей груди шевельнулось было забытое чувство горечи, но морской змей его заглушил.

— На этот раз я поставил на своем! Я показал ей живого морского змея!

— По-видимому, женщину надо испугать, чтобы поставить на своем, — ответил я меланхолически.

Это была единственная колкость, сказанная мною Уолшу.

— Да, очевидно, это последнее средство, — простодушно подтвердил он.

И прибавил, помолчав:

— Это средство стоит мне пятьдесят тысяч долларов, а вместе с диссертацией... — Он махнул рукой.

Я изумленно посмотрел на него.

— Разве только я сумею продать за четверть цены эту дьявольскую машину какой-нибудь кинофабрике... Помни те, я рассказывал вам про своего разорившегося друга Блистона, сшившего мне тот самый фрак...

Уолш передернул плечами.

— Бли斯顿 заработал на этом крокодиле чистоганом тридцать тысяч, хотя самая идея принадлежит мне одному. Зато смастерили он его превосходно, — не правда ли? А как мой змей слушался команды! Стоило мне поднять руку — он уходил, я вынимал платок — он приближался. Теперь Бли斯顿 пустит поперек него рекламу, — это Бли斯顿 поставил условием. Реклама в портовых городах даст ему еще сто тысяч долларов. Да, Бли斯顿 тоже сделает на морском змее хорошее дело...

Мой рассказ подошел к концу. В сущности, из-за моей симпатии к Уолшу, из-за того, наконец, что мой герой — американец, — а у американских героев, как известно, в финале всегда все благополучно, — я должен был бы кончить примерно таким образом:

«Нолли узнала правду только тогда, когда у нее родился сын. Он так и рос под именем “Морского змееныша”. Она не простила Уолшу одного: купального костюма. Кроме того, у них постоянные стычки из-за времени, которое Нолли тратит на одевание. В этих случаях Уолш хладнокровно напоминает ей известный момент из ее жизни.

Она стала знаменитой киноактрисой и особенно прославилась в фильме “Морской змей”, где ее проглатывает чудовище.

Уолш по-прежнему занимается коммерческими делами пополам с филантропией. На визитной карточке его теперь значится: “Чарльз Уолш. Полковник и доктор палеонтологии”».

Но я так кончить не могу. Я обещал именем Бальзака не превращать истину в игрушку с сюрпризами. Нолли не вышла замуж за Уолша. Она действительно снималась в парижской фильме «Морской змей». Роль занимала ее еще в ту памятную поездку, когда я познакомился с Уолшем. Она обдумывала ее, пока Уолш занимался своими раскопками в Стокгольме, она ее играла вскоре после нашей поездки на яхте, — и, говорят, играла бесподобно.

Уолша я видел этой зимой. На мои недоуменные вопросы он с некоторым упреком жаловался, что на обещания русской женщины нельзя полагаться, что нет никакой возможности вести с ней дела! Он добавлял, впрочем, что, может быть, в этом именно и заключается главное ее очарование — для американца, по крайней мере.

Я последовательно передал все события так, как они произошли. Ученому невозможно изложить их с подобающей живописностью, ибо ученый, как известно, обязан быть в передаче фактов только точным и достоверным. Возможно, конечно, что я упустил какие-нибудь детали, могущие представить существенный интерес для палеонтоло-

гов, но я с удовольствием дам нужные справки по телефону. Мой номер 4-21-00, от пяти до шести по средам. Если кому-нибудь захочется проверить меня в основных данных, того я прошу съездить за границу, — это так легко сделать, — в Стокгольм, на улицу Трех Лип, где помещается палеонтологический отдел знаменитой университетской библиотеки.

Хэрст еще жив. Он писал мне. В приписке к письму значилось:

«Я всегда говорил, что лучшие палеонтологи — американцы».

В адрес Нолли он прислал подарок — старинную книгу из своей библиотеки — «О качествах женщины со времен Евы до наших дней». На заглавном листе, под рисунком, изображающим нагую женщину, рука которой, дотронувшись до яблока, висящего на древе познания, превращается в змия, было написано:

Femina, altum sapere noli.

Передавая ей книгу, я предложил перевести этот текст, столь мудрый, но столь запоздалый в наш век эмансипации.

Нолли снисходительно улыбнулась и ничего не ответила.

14052—Detroit Publishing Co.

Copyright, 1900, by Life Pub. Co.

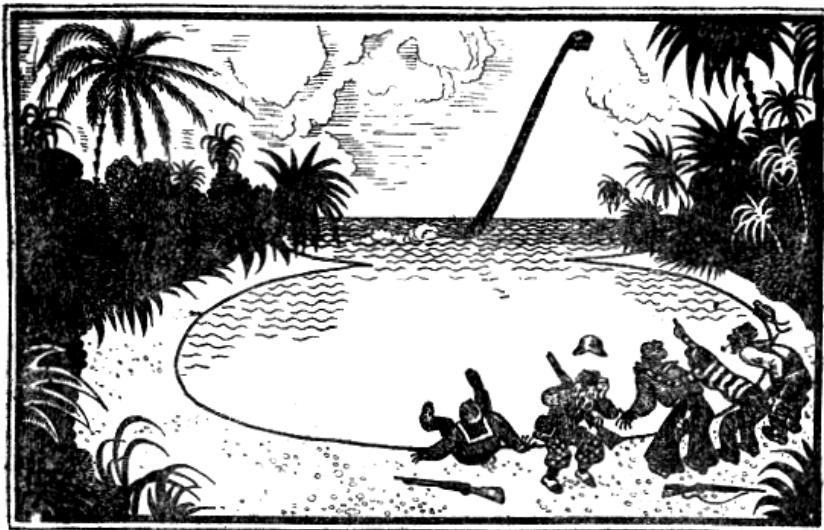
NO WONDER THE SEA SERPENT FREQUENTS OUR COAST.

Ч. Д. Гибсон. «Неудивительно, что морской змей часто посещает наши берега» (открытка, 1900)

Сергей Колбасьев

ИНТЕРВЬЮ О МОРСКОМ ЗМЕЕ

(1930)

Ознакомившись с помещенным в 21–22 номере вашего журнала очерком о морском змее, я счел своеевременным передать вам имеющиеся в моем распоряжении материалы по этому вопросу.

О морском змее я говорил, конечно, со старым моряком. Он был с рыжей бородой и прокуренной трубкой, — словом, такой, какой полагается для роли рассказчика морских историй.

Приведенные им научные мотивировки выглядели вполне убедительно. Как полагается, он окутался табачным дымом и сказал:

— Морской змей? Знаю. Сам видел. — Подумав, добавил: — До завтрака. — «До завтрака» на его языке означало: в бесспорно трезвом состоянии.

— Стояли мы у одного из островков севернее Борнео в хорошей бухточке.

Ему очень не хочется выглядеть выдумщиком. Поэтому он напирает на точность и подробность описания. Говорит чрезвычайно осторожно.

— Бухта почти круглая, с узким входом. В двадцати-тридцати шагах от берега — сплошной лес. Понятно?

Я соглашаюсь, что понятно, и он продолжает:

— Мы стоим на берегу прямо против входа в бухту. Нас — пять человек различного возраста, но отнюдь не склонных к галлюцинациям, и вот что мы видим: из-за деревьев левого берега в море появляется предмет вроде телеграфного столба, наклоненного под углом в сорок пять градусов. На конце он снабжен не то набалдашником, не то треугольной головкой. Он быстро движется вправо и через полторы-две минуты исчезает за лесом противоположной косы. Вот все... Понятно?

Этот вопрос звучит почти вызывающе.

— Совершено понятно! — успокаиваю я. — Вполне отчетливо, но слишком схематично. Давай подробности. Какого он был цвета? Какой величины?

— Подробностей у него не было. Он был совсем гладким. Цвет тускло-серый, а насчет размеров утверждать ничего не буду. Расстояние до него было неизвестно и мы могли только гадать. Гадали, конечно, по-разному. Молодые настаивали на двухстах футах, я больше чем на восемьдесят не соглашался... Впрочем, много о нем не говорили. Не хотелось.

— Еще бы хотелось, — соглашаюсь я. — Перетрусили?

Он пожимает плечами и нарочито медленно раскуривает трубку.

— Ты не понимаешь. Он даже в наклонном положении был выше береговых пальм. Молча появился и молча исчез. Конечно, страшно... Это все. Врать не собираюсь... Впрочем, расскажу еще. — И, поискав с чего начать, говорит: — Я был в Стокгольме, знаешь?

При тамошнем французском посольстве был некий капитан второго ранга. Звали его не то Деларош, не то Делакруа и в свое время он командовал канонеркой в Сайгоне. Там он и налетел на морского змея, с виду такого же, как мой. Увидел его в каком-то проливе и попробовал преследовать, но не смог. Команда у него почти полностью была туземная. Европейцы не любят климата. Дохнут. Так вот эта самая команда забастовала. В полном составе полегла

на животы, закрыла головы и запела. Змей оказался ихним богом.

Я не удивлен. Подобные рассказы всегда кончаются ничем. Если бы француз змея пристрелил, он должен был бы представить хоть маленький кусок его шкуры. Нужно дать змею уйти, нужно придумать средство остановить канонерку, и средство придумывается.

— Хорошо рассуждаешь, — улыбается он снисходительно. — Придумать можно что угодно, только морского змея придумывать не приходится... Сергея Захарыча помнишь?

Покойный Сергей Захарович Б. был самым легендарным из всех российских капитанов двадцатого века. Такого забыть нельзя.

Он плавал вахтенным начальником на «Наварине» и однажды в Тихом океане, снаружи Японии, сразу после утренней приборки справа по носу увидел морского змея. Не то, чтобы очень большого, но во всяком случае, не ниже труб. Срочно вызвал командира и попросил разрешения выстрелить в змея из пушки. Командир, не помню, как его звали, — ни за что! «Не разрешу, — говорит. — Во-первых, нельзя снаряды тратить, а во-вторых, — ну его ко всем чертям. Еще полезет на броненосец»... Так и отпустили змея... И между прочим, правильно сделали. Стрелять по нему в самом деле не к чему. Он сам изыхает на поверхности, а потом все равно тонет.

— Жизнь и привычки морского змея? — говорю я. — Неизданное сочинение Брема?

— Неостроумно, — отвечает он. — Слушай! Есть у меня приятель-швед. Ученый и работает в библиотеке Упсальского университета. Я познакомился с ним в том же Стокгольме и как-то рассказал ему о змее. На следующий же день он заявился ко мне с каким-то зоологом. Тот сперва записал мои показания, а потом вынул альбом. «Такой?» — спрашивает и показывает серию портретов моего змея... Портреты, конечно, приблизительные. Только карандашные контуры, однако на иных зарисовках змей около самой воды расширяется, как будто шея кончается плечами... Потом показал карту: красным обозначены места, где наблюдался змей —

все у Зондского архипелага, Японии, Алеутских островов. Понимаешь, что это значит? Не понимаешь? А вот это — вулканическое кольцо Тихого океана. Змей — животное исключительно глубоководное и на поверхность попадает только в результате каких-нибудь подводных извержений, которые выбрасывают его наверх. От резкой перемены давления он, конечно, дохнет, а подохнув, сразу тонет, потому что тепло его имеет большую плотность.

— Благоразумно тонущее вещественное доказательство! — говорю я, но он не замечает.

— Зоолог этим змеем занимается всерьез, но материал поступает тухо. В прежнее времена змея видели чаще.

— Люди были более или менее испорчены, крепче верили в бога и змея. Так?

Он совершенно спокоен:

— Нет, не так. Проще: тогда было больше парусников.

— Скучное плавание? Больше потребление рома?

— Места нахождения змея лежат в стороне от пароходных линий, а парусники шатаются более или менее повсюду... Он читал мне показания различных очевидцев. Если убрать прикрасы и ужасы, то получается примерно одно и то же: огромный зверь, видимо, слепой, иной раз бросается прямо на скалы.

— Жаль, что он там не остается.

— Конечно, жаль... Зверь, а не змей. Я оговорился не случайно. Зоолог считает пририсованные на уровне воды плечи более чем вероятными. Иначе шея с головой не могла бы так высоко торчать, не стояла бы под таким крутым углом. Следовательно, получается зверь с туловищем и длинной змеевидной шеей. Может быть, вроде плезиозавра. Слепой, потом у что в его глубоководной жизни зрение все равно не нужно.

Я долго вспоминал и наконец вспомнил:

— Кто-то из вас начитался Киплинга, — ты или твой зоолог. Как раз у Киплинга морские змеи сделаны плезиозаврами и слепыми, выбрасываются на поверхность каким-то подводным вулканом и сразу же дохнут.

— Правильно... Но заметь: таким же изображен змей и у де-Вэр Стэклифа.

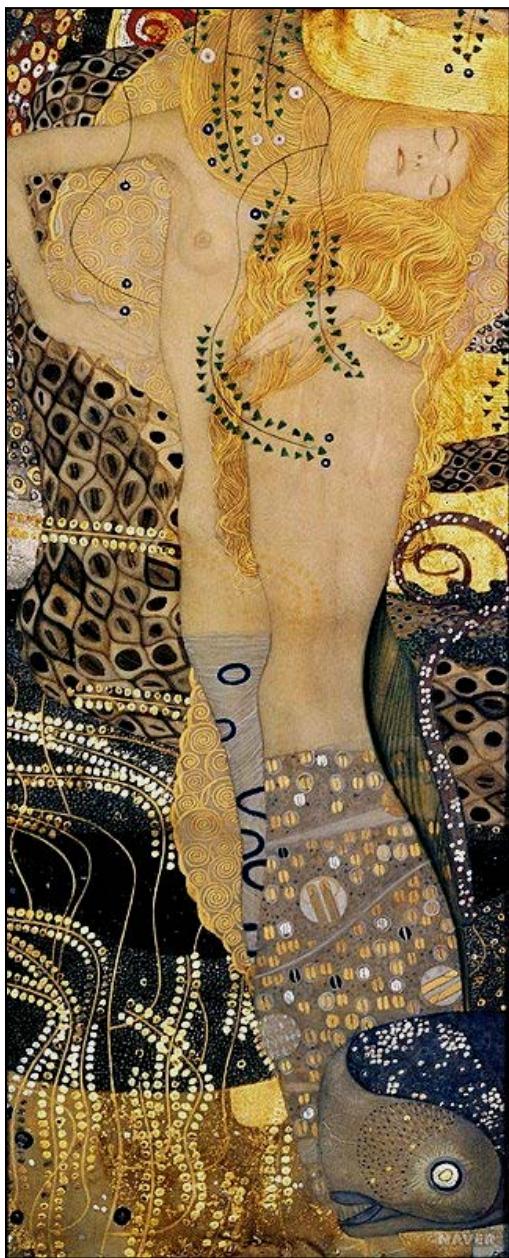
— Что же это доказывает?

Он пожимает плечами:

— Ничего особенного. Просто то, что английские писатели обычно знают свой материал.

Читатель, не прими моего друга — старого моряка за вымыщенное лицо. Он существует в действительности и живет в Ленинграде, на улице Некрасова. За все сведения о морском змее отвечает он, а не я.

Г. Климт. Водяные змеи (1904-1907)

Ральф Бандини

Я ВИДЕЛ МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

(1934)

Кто-нибудь из вас видел морское чудовище? Нет? Отлично — а я видел!

Это удивительная история, и каждое ее слово правдиво. Я вполне сознаю, что она не согласуется с наукой. Я понимаю, что неизбежно скажут скептики. И все-таки я знаю, что именно я видел — и расскажу все так, как было.

В наши дни морские чудовища стали тем, что на языке газетчиков называется «горячей новостью». Почти каждую неделю в ежедневных газетах, в воскресных приложениях, в журналах читатели могут найти какую-нибудь историю о том или ином странном создании, встреченном в море. Можно подумать, что все таинственные чудища глубин вдруг решили подняться на поверхность!

Конечно, в морских чудовищах нет ничего нового. На протяжении сотен или даже тысяч лет моряки привозили домой рассказы о морских змеях — но над ними только посмеивались. Ученые с полной серьезностью заявили, что таких существ на свете нет. У человека неученого подобная уверенность вызывает вопросы. Мы знаем, какие странные и чудовищные формы жизни существовали на нашей Земле, и в том числе в море, когда мир был еще молод. Безусловно, сухопутные существа давно вымерли из-за революционных изменений жизненных условий; те же перемены, однако, не так сильно сказались на морских обитателях. Не покажется таким уж невероятным, что некоторые из этих существ выжили. У меня, как покажет мой рассказ, есть серьезные и достаточные резоны верить, что так и произошло.

Как бы то ни было, факт остается фактом: в последнее время подобные интригующие случаи переживают внезапный расцвет.

В Лох-Нессе (Шотландия) имеется змееподобное создание, которое видели около ста пятидесяти более или менее достойных доверия людей. Есть парочка с именами из книг Луизы Олкотт — они, говорят, резвятся где-то у пролива Хуан-де-Фука. В озере Оканаган, в Британской Колумбии, живет еще одно: власти настолько верят в его существование, что предлагают помочь любому, кто займется поимкой сущест-

ва в целях истинного научного познания. Из Акапулько до нас дошел поразительный рассказ о следах огромного трехпалого существа, которое вышло из моря и вернулось туда же между приливом и отливом, о глубокой впадине, оставленной его волочившимся хвостом и глубокой бочкообразной яме во влажном песке — в том месте, где создание валялось и перекатывалось с боку на бок! Я знаю человека, видевшего эти следы. Он не привык лгать.

Вполне возможно, что некоторые морские змеи, о которых нам сообщают — не имею в виду тех, что перечислены выше — это чистейшей воды выдумки. Другие могли быть обманом зрения. В конце концов, низко летящая над горизонтом стая птиц или плавающие предметы (на поверхности моря попадаются обломки самой странной формы) могут при слабом освещении создать впечатление извивающегося морского змея. Но не будет преувеличением сказать, что в море видели и довольно странных созданий.

Все упомянутые выше звери, за возможным исключением существа из Акапулько, широко описывались в прессе. Но есть и еще одно создание, о котором мало или почти ничего не рассказывали и не писали. Это гигантское Существо иногда называют «чудовищем из Сан-Клементе» — и оно и вправду чудовище, можете мне поверить! Я его видел и знаю, о чем говорю.

Остров Сан-Клементе — пустынная, открытая всем ветрам горстка камней и песка примерно в пятидесяти милях к югу от гавани Лос-Анджелеса. Там мало кто бывает, кроме рыбаков. Окрестные воды также пустынны. Иногда здесь по целым дням не видать ни одного корабля. Существу, как видно, нравится этот уединенный район океана, этот ветреный пролив между Сан-Клементе и Санта-Каталиной.

Трудно сказать, почему о таком странном жителе так мало рассказывают в склонной к «паблисити» и шумихе Южной Калифорнии. Видели его достаточно людей — человек двадцать пять или тридцать, насколько я знаю — и многие из них имеют репутацию людей безукоризненно честных. Более того, встречи с ним периодически повторялись в течение последних десяти или пятнадцати лет. Возможно, эта

скудость сведений в основном вызвана следующим: Существо представляет собой нечто настолько чудовищное, не-вообразимое и невероятное, что любой здравомыслящий человек опасается неизбежного недоверия, с каким будет встречен его рассказ. Собственно говоря, я знаю, что это так. Существо видели некоторые мои близкие друзья. Они знают, что и я его видел. И все же, несмотря на это знание и нашу дружбу, большинство из них неохотно рассказывают о Существе даже мне. Есть еще один интересный момент. Когда мне удавалось убедить кого-либо из них поделиться увиденным, мы независимо друг от друга рисовали Существо — и рисунки, не считая различий в художественном даровании, изображали одно и то же создание!

Лет пятнадцать или двадцать назад в Авалоне начали ходить слухи, что в проливе Клементе обитает что-то странное. Были осторожные намеки на какое-то неизвестное колоссальное Существо, которое поднималось из моря. Слухи были глухие, источники их установить не удавалось. Ни один из тех, кто якобы видел Существо, в этом не признавался. Но слухи не утихали. Может быть, сама их уклончивость говорила, что в слухах было зерно правды.

В те дни я много плавал по проливам Южной Калифорнии, где ловил тунца и меч-рыбу. Понятно, я слышал о Существе. Я по природе любопытен и начал задавать вопросы — но ничего не узнал. Говорили, что Существо видел Перси Нил, старый авалонец — мы выходили на его катере. Я спросил его о Существе. Перси поглядел на море и отделался каким-то пустым замечанием. Когда я надавил на него, он пробормотал что-то вроде «глаза большие, как обеденные тарелки» и сменил тему.

Вскоре и я впервые увидел Существо!

Мы ловили тунца в проливе Клементе примерно в десяти милях от Каталины. День был ветреный, волны так и бушевали в проливе. Внезапно Перси закричал:

— Смотрите! Смотрите! Вон там!

Он указал на море. И я увидел! Где-то в миle от нас из моря поднималось что-то огромное, влажное и блестящее! Оно поднималось все выше, пока у меня по коже не забега-

ли мурочки. До сих пор я живо помню это странное ощущение пустоты под ложечкой.

Почему я испугался? Только представьте себе: до самого горизонта простирается бурное море, волны несут шапки белой пены, Каталина пропадает в золотистом солнечном мареве, южнее лежит смутная тень Сан-Клементе. Морские птицы носятся, зависают, пикируют за рыбой. И тут из моря поднимается это чудовищное Существо!

Не знаю, как долго оно оставалось на поверхности. Может, минуту, а может, и меньше. В изумлении, прикованные к месту, мы смотрели на него. И затем, прямо у нас на глазах, оно медленно и величественно опустилось в глубины, откуда пришло.

Мы мало разговаривали в тот день на борту. Тунцы, казалось, потеряли свою привлекательность. Быстро появилось множество серьезных и достойных причин оставить дальнейшую ловлю и вернуться домой пораньше — и пусть в этом уголке мира рыбачит кто-нибудь другой.

Идя вдоль берега к Авалону по тихим водам подветренной стороны, мы стали встречать другие лодки. При виде людей ужас немного отступил и наши языки развязались. Мы предвкушали, как сойдем на берег и расскажем всему миру о нашем чудесном видении — и, может быть, станем знамениты. Но мы ничего подобного не сделали! Едва мы вообразили аккуратные улочки Авалона и самодовольных скептиков из «Клуба тунца», как наши губы сами собой сжались. Слова не желали выходить наружу. В конце концов мы добрались до ближайшего бара и опрокинули по два стаканчика крепкого.

Прошло два или три года. Существо видели и другие. Некоторые оказались похрабрее своих товарищ и заговорили. Постепенно и первые свидетели стали вылезать из своей скорлупы и рассказывать о том, что видели. И все видевшие Существо вблизи сходились в трех главных вещах: оно было гигантским, у него были огромные и жуткие глаза и оно было совершенно неизвестно человеку. Составное описание существа передали покойному д-ру Давиду Старпу Джордану из Стэнфордского университета. Он заявил,

что это был, вероятно, морской слон! Да уж, наши способности к описанию животных, видимо, оставляли желать лучшего. Существо походило на морского слона не больше, чем я. Я видел много морских слонов и в море, и на их лежбище на острове Гвадалупе. Морские слоны напоминают тюленей, с той разницей, что они больше размерами и верхняя часть носа у них более длинная и загнутая. Существо не было морским слоном и ничуть его не напоминало.

А затем произошла моя вторая и единственная близкая встреча с Существом!

Было это в сентябре 1920 года. Я ловил марлинов у Сан-Клементе вместе с покойным Смитом Уорреном. Жили мы в тогдашнем рыболовном лагере в Москито-Харбор. Было рано, часов восемь утра. Мы прошли три мили от лагеря близко к берегу, потом повернули и отошли от берега на полторы-две мили. Море было гладкое, стеклянристое, лишь набегала небольшая зыбь, небо затянуло — поднялся обычный для Калифорнии летний туман. Все предметы на поверхности воды казались в этом свете черными. Коричневые склоны вздымались к серой пелене тумана. Мы миновали Москито и белые палатки лагеря и были почти на траверсе Белой скалы. Смитти с чем-то возился в рубке. Я сидел на крыше каюты и высматривал рыбу. Наживка волочилась за кормой, удилище было прикреплено к рыболовному креслу.

Внезапно, краешком глаза, я заметил, как из моря поднялось что-то огромное. Я быстро обернулся и оказался лицом к лицу с чем-то, чего никогда не видел — и вряд ли сно-ва увижу!

Вот что я увидел. Хотите верьте, хотите нет.

Огромное бочкообразное Существо, сужающееся кверху, с головой рептилии, странно похожее на громадных доисторических созданий, чьи скелеты стоят в различных музеях. Оно поднималось над водой футов на двадцать, не меньше. Голову украшали два широко расставленных глаза — такие глаза не увидишь и в самом диком кошмаре! Небольшой величины, по крайней мере с фут в диаметре, круглые, чуть выпученные, а взгляд такой мертвый, словно они лицеизели все смерти в мире с первых дней творения!

Нужно ли удивляться, что все, видевшие Существо вблизи, в один голос только и говорили о глазах!

Эту картину я разглядел в свой семикратный бинокль, как только навел его на Существо. Я знал, на что смотрю. Одновременно я позвал Смитти.

При взгляде в бинокль казалось, что голова с этими жуткими глазами и видимая часть тела — шириной не менее чем в шесть футов, а то и больше — были совсем близко, ярдах в ста. Голова поросла чем-то похожим на жесткие, грубые волосы, почти щетину. Как ни странно (учитывая освещение), у меня, помню, сложилось впечатление рыжеватого оттенка.

О туловище Существа я ничего сказать не могу. Я остаюсь в убеждении, что видел лишь голову и часть шеи — если у Существа была шея. Что оставалось под водой, одному Богу известно. Но послушайте другое. Помните, я упоминал о зыби? Существо не покачивалось на этой зыби, как покачивался бы даже кит. Волны набегали и разбивались о него.

Когда мы подплыли ближе, огромная и медленно поворачивающаяся голова застыла. Громадные мертвые глаза уставились на нас! Даже сегодня, четырнадцать лет спустя, я вижу их перед собой — да, вижу — ощущаю их. Несколько секунд, которые показались нам часами, глаза смотрели на нас равнодушным, мутным и безжизненным взглядом. Потом, не сделав ни единого движения, Существо начало медленно и величественно погружаться — и исчезло в пучине. Не было ни волн, ни водоворота, ни пены, ничего. Вода разошлась и сомкнулась и его больше не было.

Только тогда мы впервые перевели дыхание. Я посмотрел на Смитти, Смитти посмотрел на меня.

— Господи! — прохрипел я.

Он выключил мотор, и мы легли в дрейф, глядя на пустое море. Я был весь мокрый, мои колени дрожали. Смитти, всегда такой разговорчивый, будто лишился дара речи. Он машинально нагнулся, поднял с пола рубки обрывок проволочного подлеска и выбросил его за борт. Вокруг нас было то же серое море, те же птицы, тот же одинокий остров

с коричневыми склонами. Над нами был тот же серый туман. Но все изменилось. Все стало казаться враждебным. Мы, два слабых человека, заглянули в глаза Прошлого — и нам это совсем не понравилось.

Всего через неделю я беседовал с Н. Б. Шоффилдом, главой Бюро коммерческого рыбного промысла при калифорнийском Отделе рыболовства и охоты. Шоффилд — известный ихтиолог, ученик покойного д-ра Дэвида Старра Джордана. Он слышал, что я повстречал странное чудовище, и попросил рассказать об этом. Когда я описал Существо, он с минуту или две молчал и потом сказал, что рыбаки из Монтерея (Калифорния) утверждали, будто недавно видели похожее создание.

Некоторые так испугались, что после много дней не выходили в море. Я нарисовал Существо и Шоффилд взял рисунок, чтобы показать его рыбакам. Не знаю, показалось ли им животное похожим. Прошу заметить, что Шоффилд ничуть не принял как данность ни мою историю, ни рассказ рыбаков.

По моему опыту и по рассказам других я могу твердо сказать, что Существо проявляет большую робость.

Я был к существу не ближе, чем в трех сотнях ярдов — может, и дальше. Я знаком с двумя людьми, которые оказались еще ближе. Наши впечатления совпадают. Правда, один из них считает, что заметил зубастую пасть. Я уверен, что ничего подобного не видел.

Относительно размеров Существа — ваши догадки не хуже моих. Я меня есть ощущение, своего рода шестое чувство, что я видел только небольшую часть тела зверя и что это создание превышает по размерам любое известное нам животное, включая кита. Но это не более чем недоказуемое предположение. Не знаю, напоминало ли существо змею или нет. Опять-таки, у меня есть чувство, что скорее нет. А если да — нам лучше пересмотреть наши знания о змеях.

Я изложил все, что мог рассказать о Существе. А теперь выложу карты на стол. Смит Уоррен мертв, он уже ничего не расскажет. Нил до сих пор жив, но был не ближе нас к Существу. Из двадцати пяти или тридцати человек, ви-

девших Существо, живы и другие. Некоторые из них могут выступить в защиту моего рассказа, но просить их об этом я не стану.

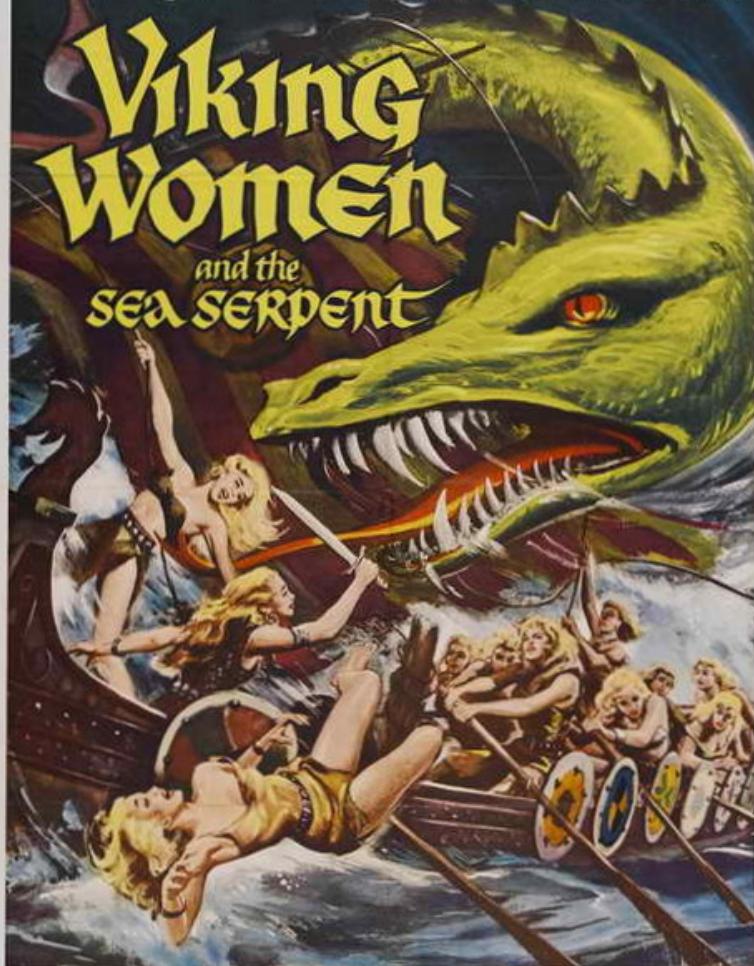
Я никого не попрошу добровольно влезть в петлю и подвергнуть себя насмешкам ради меня. Я знаю одного человека, который видел Существо с более близкого расстояния, чем все мы, однако он решительно отказывается говорить об этом — даже со мной.

На этом закончу. Как я написал выше, хотите верьте, хотите нет. Мне все равно. Можете улыбаться, можете смеяться. Я уже сталкивался с таким, переживу и сейчас. Но, если вы собираетесь смеяться надо мной — просто вспомните бессмертные строки: «Есть многое на свете, что и не снилось...» и так далее. И помните еще об одном. Вы не бывали в одиночестве в море, не видели, как рядом с вами всплывает из глубин чудовищное Существо, не чувствовали на себе зловещий взгляд этих ужасных глаз, не ощущали холодного дыхания ушедших тысячелетий. А я все это испытал — и точка. Адиос!

FABULOUS! SPECTACULAR! TERRIFYING!

The raw courage of women without men lost in a fantastic HELL-ON-EARTH!

Viking Women and the SEA SERPENT

starring

ABBY DALTON · SUSAN CABOT · BRAD JACKSON
with **JUNE KENNEY · RICHARD DEVON**

Produced & Directed by ROGER CORMAN · Executive Producers JAMES H. NICHOLSON and SAMUEL Z. ARKOFF · Story by IRVING BLOCK · An AMERICAN INTERNATIONAL Picture
Directed by LAWRENCE L. GOLDMAN

Афиша фильма Р. Кормана «Женщины-викинги и морской змей» (1957)

Рэй Брэдбери

РЕВУН

(1951)

Среди холодных волн, вдали от суши, мы каждый вечер ждали, когда приползет туман. Он приполз, и мы — Макдан и я — смазывали латунные подшипники и включали фонарь на верху каменной башни. Макдан и я, две птицы в сумрачном небе...

Красный луч... белый... снова красный искал в тумане одинокие суда. А не увидят луча, так ведь у нас есть еще Голос — могучий низкий голос нашего Ревуна; он рвался, громогласный, сквозь лохмотья тумана, и перепутанные чайки разлетались, будто подброшенные игральные карты, а волны дыбились, шипя пеной.

— Здесь одиноко, но, я надеюсь, ты уже свыкся? — спросил Макдан.

— Да, — ответил я. — Слава богу, ты мастер рассказывать.

— Завтра твой черед ехать на Большую землю. — Он улыбался. — Будешь танцевать с девушками, пить джин.

— Скажи, Макдан, о чем ты думаешь, когда остаешься здесь один?

— О тайнах моря.

Макдан раскурил трубку.

Четверть восьмого. Холодный ноябрьский вечер, отопление включено, фонарь разбрасывает свой луч во все стороны, в длинной башенной глотке ревет Ревун. На берегу на сто миль ни одного селения, только дорога с редкими автомобилями, одиноко идущая к морю через пустынный край, потом две мили холодной воды до нашего утеса и в кои-то веки далекое судно.

— Тайны моря, — задумчиво сказал Макдан. — Знаешь ли ты, что океан — огромная снежинка, величайшая снежинка на свете? Вечно в движении, тысячи красок и форм, и никогда не повторяется. Удивительно! Однажды ночью, много лет назад, я сидел здесь один, и тут из глубин поднялись рыбы, все рыбы моря. Что-то привело их в наш залив, здесь они стали, дрожа и переливаясь, и смотрели, смотрели на фонарь, красный — белый, красный — белый свет над ними, и я видел странные глаза. Мне стало холодно. До самой полуночи в море будто плавал павлиний хвост.

И вдруг — без звука — исчезли, все эти миллионы рыб сгинули. Не знаю, может быть, они плыли сюда на паломничество? Удивительно! А только подумай сам, как им представлялась наша башня: высится над водой на семьдесят футов, сверкает божественным огнем, вещает голосом исполина. Они больше не возвращались, но разве не может быть, что им почудилось, будто они предстали перед каким-нибудь рыбьим божеством?

У меня по спине пробежал холодок. Я смотрел на длинный серый газон моря, простирающийся в ничто и в никуда.

— Да-да, в море чего только нет... — Макдан взволнованно пыхтел трубкой, часто моргая. Весь этот день его что-то тревожило, он не говорил, что именно. — Хотя у нас есть всевозможные механизмы и так называемые субмарины, но пройдет еще десять тысяч веков, прежде чем мы ступим на землю подводного царства, придем в затонувший мир и узнаем настоящий страх. Подумать только: там, внизу, все еще трехсоттысячный год до нашей эры! Мы тут трубим во все трубы, отхватываем друг у друга земли, отхватываем друг другу головы, а они живут в холодной пучине, двенадцать миль под водой, во времена столь же древние, как хвост кометы.

— Верно, там древний мир.

— Пошли. Мне нужно тебе кое-что сказать, сейчас самое время.

Мы отсчитали ногами восемьдесят ступенек, разговаривая не спеша. Наверху Макдан выключил внутреннее освещение, чтобы не было отражения в толстых стеклах. Огромный глаз маяка мягко вращался, жужжая на смазанной оси. И неустанно каждые пятнадцать секунд гудел Ревун.

— Правда, совсем как зверь? — Макдан кивнул своим мыслям. — Большой одинокий зверь воет в ночи. Сидит на рубеже десятка миллиардов лет и ревет в пучину: «Я здесь, я здесь, я здесь...» И пучина отвечает — да-да, отвечает! Ты здесь уже три месяца, Джонни, пора тебя подготовить. Понимаешь, — он всмотрелся в мрак и туман, — в это время года к маяку приходит гость.

— Стai рыб, о которых ты говорил?

— Нет, не рыбы, нечто другое. Я потому тебе не рассказывал, что боялся — сочтешь меня помешанным. Но дальше ждать нельзя: если я верно пометил календарь в прошлом году, то сегодня ночью оно появится. Никаких подробностей — увидишь сам. Вот, сиди тут. Хочешь, уложи утром барахлишко, садись на катер, отправляйся на Большую землю, забирай свою машину возле пристани на мысу, кати в какой-нибудь городок и жги свет по ночам — я ни о чем тебя не спрошу и корить не буду. Это повторялось уже три года, и впервые я не один — будет кому подтвердить. А теперь жди и смотри.

Прошло полчаса, мы изредка роняли шепотом несколько слов. Потом устали ждать, и Макдан начал делиться со мной своими соображениями. У него была целая теория на счет Ревуна.

— Однажды, много лет назад, на холодный сумрачный берег пришел человек, остановился, внимая гулу океана, и сказал: «Нам нужен голос, который кричал бы над морем и предупреждал суда; я сделаю такой голос. Я сделаю голос, подобный всем векам и туманам, какие когда-либо были; он будет как пустая постель с тобой рядом ночь напролет, как безлюдный дом, когда отворяешь дверь, как голые осенние деревья. Голос, подобный птицам, что улетают, крича, на юг, подобный ноябрьскому ветру и прибою у мрачных, угрюмых берегов. Я сделаю голос такой одинокий, что его нельзя не услышать, и всякий, кто его услышит, будет рыдать в душе, и очаги покажутся еще жарче, и люди в далеких городах скажут: «Хорошо, что мы дома». Я сотворю голос и механизм, и нарекут его Ревуном, и всякий, кто его услышит, постигнет тоску вечности и краткость жизни».

Ревун заревел.

— Я придумал эту историю, — тихо сказал Макдан, — чтобы объяснить, почему оно каждый год плывет к маяку. Мне кажется, оно идет на зов маяка...

— Но... — заговорил я.

— Шшш! — перебил меня Макдан. — Смотри!

Он кивнул туда, где простерлось море.

Что-то плыло к маяку.

Ночь, как я уже говорил, выдалась холодная, в высокой башне было холодно, свет вспыхивал и гас, и Ревун все кричал, кричал сквозь клубящийся туман. Видно было плохо и только на небольшое расстояние, но, так или иначе, вот море — море, скользящее по ночной земле, плоское, тихое, цвета серого ила, вот мы, двое, одни в высокой башне, а там, вдали, сперва морщинки, затем волна, бугор, большой пузырь, немного пены. И вдруг над холодной гладью — голова, большая темная голова с огромными глазами, и шея. А затем... нет, не тело, а опять шея, и еще, и еще! На сорок футов поднялась над водой голова на красивой тонкой темной шее. И лишь после этого из пучины вынырнуло тепло, словно островок из черного коралла, мидий и раков. Дернулся гибкий хвост. Длина тулowiща от головы до кончика хвоста была, как мне кажется, футов девяносто — сто.

Не знаю, что я сказал, но я сказал что-то.

— Спокойно, парень, спокойно, — прошептал Макдан.

— Это невозможно! — воскликнул я.

— Ошибаешься, Джонни, это мы невозможны. Оно все такое же, каким было десять миллионов лет назад. Оно не изменялось. Это мы и весь здешний край изменились, стали невозможными. Мы!

Медленно, величественно плыло оно в ледяной воде там, вдали. Рваный туман летел над водой, стирая на миг его очертания. Глаз чудовища ловил, удерживал и отражал наш могучий луч, красный — белый, красный — белый. Казалось, высоко поднятый круглый диск передавал послание древним шифром. Чудовище было таким же безмолвным, как туман, сквозь который оно плыло.

— Это какой-то динозавр! — Я присел и схватился за перила.

— Да, из их породы.

— Но ведь они вымерли!

— Нет, просто ушли в пучину. Глубоко-глубоко, в глубь глубин, в Бездну. А что, Джонни, правда, выразительное слово, сколько в нем заключено: Бездна. В нем весь холод, весь мрак и вся глубь на свете.

— Что же мы будем делать?

— Делать? У нас работа, уходить нельзя. К тому же здесь безопаснее, чем в лодке. Пока еще доберешься до берега, а зверь длиной с миноносец и плывет почти так же быстро.

— Но почему, почему он приходит именно сюда?

В следующий миг я получил ответ.

Ревун заревел.

И чудовище ответило.

В этом крике были миллионы лет воды и тумана. В нем было столько боли и одиночества, что я содрогнулся. Чудовище кричало башне. Ревун ревел. Чудовище закричало опять. Ревун ревел. Чудовище распахнуло огромную зубастую пасть, и из нее вырвался звук, в точности повторяющий голос Ревуна. Одинокий, могучий, далекий-далекий. Голос безысходности, непроглядной тьмы, холодной ночи, отверженности. Вот какой это был звук.

— Ну, — зашептал Макдан, — теперь понял, почему оно приходит сюда?

Я кивнул.

— Целый год, Джонни, целый год несчастное чудовище лежит в пучине за тысячи миль от берега, на глубине двадцати миль, и ждет. Ему, быть может, миллион лет, этому одинокому зверю. Только представь себе: ждать миллион лет. Ты смог бы? Может, оно последнее из всего рода. Мне так почему-то кажется. И вот пять лет назад сюда пришли люди и построили этот маяк. Поставили своего Ревуна, и он ревет, ревет над пучиной, куда, представь себе, ты ушел, чтобы спать и грезить о мире, где были тысячи тебе подобных; теперь же ты одинок, совсем одинок в мире, который не для тебя, в котором нужно прятаться. А голос Ревуна то зовет, то смолкает, то зовет, то смолкает, и ты просыпаешься на илистом дне пучины, и глаза открываются, будто линзы огромного фотоаппарата, и ты поднимаешься медленно-медленно, потому что на твоих плечах груз океана, огромная тяжесть. Но зов Ревуна, слабый и такой знакомый, летит за тысячу миль, пронизывает толщу воды, и топка в твоем брюхе развивает пары, и ты плывешь вверх, плывешь медленно-медленно. Пожираешь косяки трески и мерлана,

полчища медуз и идешь выше, выше всю осень, месяц за месяцем, сентябрь, когда начинаются туманы, октябрь, когда туманы еще гуще, и Ревун все зовет, и в конце ноября, после того как ты изо дня в день принаоравливался к давлению, поднимаясь в час на несколько футов, ты у поверхности, и ты жив. Поневоле всплываешь медленно: если подняться сразу, тебя разорвет. Поэтому уходит три месяца на то, чтобы всплыть, и еще столько же дней пути в холодной воде отделяет тебя от маяка. И вот наконец ты здесь — вон там, в ночи, Джонни — самое огромное чудовище, какое знала Земля. А вот и маяк, что зовет тебя, такая же длинная шея торчит из воды и как будто такое же тело, но главное — точно такой же голос, как у тебя. Понимаешь, Джонни, теперь понимаешь?

Ревун взревел. Чудовище отозвалось.

Я видел все, я понимал все: миллионы лет одинокого ожидания — когда же, когда вернется тот, кто никак не хочет вернуться? Миллионы лет одиночества на дне моря, безумное число веков в пучине, небо очистилось от летающих ящеров, на материке высохли болота, лемуры и саблезубые тигры отжили свой век и завязли в асфальтовых лужах, и на пригорках белыми муравьями засутились люди.

Ревун.

— В прошлом году, — говорил Макдан, — эта тварь всю ночь проплавала в море, круг за кругом, круг за кругом. Близко не подходила — недоумевала, должно быть. Может, боялась. И сердилась: шутка ли, столько проплыть! А наутро туман вдруг развеялся, вышло яркое солнце, и небо было синее, как на картинке. И чудовище ушло прочь от тепла и молчания, уплыло и не вернулось. Мне кажется, оно весь этот год все думало, ломало себе голову...

Чудовище было всего лишь в ста ярдах от нас, оно кричало, и Ревун кричал. Когда луч касался глаз зверя, получалось: огонь — лед, огонь — лед.

— Вот она, жизнь, — сказал Макдан. — Вечно все то же: один ждет другого, а его нет и нет. Всегда кто-нибудь любит сильнее, чем любят его. И наступает час, когда хочется

уничтожить то, что ты любишь, чтобы оно тебя больше не мучило.

Чудовище понеслось на маяк. Ревун ревел.

— Посмотрим, что сейчас будет, — сказал Макдан.

И он выключил Ревуна.

Наступила тишина, такая глубокая, что мы слышали в стеклянной клетке, как бьются наши сердца, слышали медленное скользкое вращение фонаря.

Чудовище остановилось, оцепенело. Его глазищи-проектора мигали. Пасть раскрылась и издала ворчание, будто вулкан. Оно повернуло голову в одну, другую сторону, словно искало звук, канувший в туман. Оно взглянуло на маяк. Снова заворчало. Вдруг зрачки его запылали. Оно вздыхалось, колотя воду, и ринулось на башню с выражением ярости и муки в огромных глазах.

— Макдан! — вскричал я. — Включи Ревуна!

Макдан взялся за рубильник. В тот самый миг, когда он его включил, чудовище снова поднялось на дыбы. Мелькнули могучие лапищи и блестящая паутина рыбьей кожи между пальцевидными отростками, царапающими башню. Громадный глаз в правой части искаженной страданием морды сверкал передо мной, словно котел, в который можно упасть, захлебнувшись криком. Башня содрогнулась. Ревун ревел; чудовище ревело. Оно обхватило башню и скрипнуло зубами по стеклу; на нас посыпались осколки.

Макдан поймал мою руку.

— Вниз! Живей!

Башня качнулась и подалась. Ревун и чудовище ревели. Мы кубарем покатились вниз по лестнице.

— Живей!

Мы успели — нырнули в подвальчик под лестницей в тот самый миг, когда башня над нами стала разваливаться. Тысячи ударов от падающих камней, Ревун захлебнулся. Чудовище рухнуло на башню. Башня рассыпалась. Мы стояли молча, Макдан и я, слушая, как взрывается наш мир.

Все. Лишь мрак и плеск валов о грудубитого камня.

И еще...

— Слушай, — тихо произнес Макдан. — Слушай.

Прошла секунда, и я услышал. Сперва гул вбираемого воздуха, затем жалоба, растерянность, одиночество огромного зверя, который, наполняя воздух тошнотворным запахом своего тела, бессильно лежал над нами, отделенный от нас только слоем кирпича. Чудовище кричало, задыхаясь. Башня исчезла. Свет исчез. Голос, звавший его через миллионы лет, исчез. И чудовище, разинув пасть, ревело могучим голосом Ревуна. И суда, что в ту ночь шли мимо, хотя не видели света, не видели ничего, зато слышали голос и думали: «Ага, вот он, одинокий голос Ревуна в Лоунсамбей! Все в порядке. Мы прошли мимо».

Так продолжалось до утра.

* * *

Жаркое желтое солнце уже склонялось к западу, когда спасательная команда разгребла груду камней над подвалом.

— Она рухнула, и все тут, — мрачно сказал Макдан. — Ее потрепало волнами, она и рассыпалась.

Он ущипнул меня за руку.

Никаких следов. Тихое море, синее небо. Только резкий запах водорослей от зеленой жижи на развалинах башни и береговых скалах. Жужжали мухи. Плескался океан.

На следующий год поставили новый маяк, но я к тому времени устроился на работу в городке, женился, и у меня был уютный, теплый домик, окна которого золотятся в осенние вечера, когда дверь заперта, а из трубы струится дымок. А Макдан стал смотрителем нового маяка, сооруженного, по его указаниям, из железобетона.

— На всякий случай, — объяснил он.

Новый маяк был готов в ноябре. Однажды поздно вечером я приехал один на берег, остановил машину и смотрел на серые волны, слушая голос нового Ревуна: раз... два... три... четыре раза в минуту, далеко в море, один-одинешенек.

Чудовище? Оно больше не возвращалось.

— Ушло, — сказал Макдан. — Ушло в пучину. Узнало, что в этом мире нельзя слишком крепко любить. Ушло вглубь, в Бездну, чтобы ждать еще миллион лет. Бедняга! Все ждать, и ждать, и ждать... Ждать.

Я сидел в машине и слушал. Я не видел ни башни, ни луча над Лоунсамбей. Только слушал Ревуна, Ревуна, Ревуна. Казалось, это ревет чудовище.

Мне хотелось сказать что-нибудь, но что?

Э. Веффер. Морской змей в волнах (1899)

Джон Кольер

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

(1960)

Такие лица, как у Гленвея Моргана Эббота, поклонники Новой Англии обычно связывают с любимыми местами. Такое худощавое, слегка даже зубастое, такое скромное, до нельзя серьезное и почти до боли непоколебимое лицо — иные и не замечали, что был он в общем-то очень привлекателен.

Еще у него имелась яхта «Зенобия», при первом взгляде на которую захватывало дух. Только при взгляде более пристальном становилось понятно, что это не игрушка. Время от времени, но не слишком часто, я отправлялся с Гленвеем в долгое плавание. Я был его лучшим — и единственным близким — другом.

Если вы видели «Зенобию» или ее фотографии в книгах о современных парусниках, вас подмывает, наверное, невежливо спросить, каким образом я так тесно сошелся с владельцем трехмачтовой шхуны, одной из пятерки самых известных и крупнейших яхт мира.

Ну что ж... Может, я не обладаю богатством, изящными манерами и тем, что называют шармом, зато натура у меня широкая. А жизнь Гленвея, несмотря на славную «Зенобию» и внушительное имя, нельзя было назвать утонченной или роскошной. Его доходы были весьма солидными, но их еле хватало на содержание яхты и многочисленной команды. На всевозможные исследования ему приходилось тратить основной капитал.

Видите ли, Гленвей как-то женился, причем на кинозвезде, и при весьма романтических обстоятельствах. И, словно этого было мало, молниеносно развелся. Упомянутой звездой была не кто иная, как Тора Вайборг, чья красота и очарование стали легендой или мифом современности. Все это случилось еще до того, как мы с ним познакомились. Я узнал (правда, не от Гленвея), что при обсуждении бракоразводного соглашения столкнулись, с одной стороны, жесточайшее сердечное разочарование, глубочайшая обида и весьма ловкие адвокаты, с другой же — честные глаза и довольно-таки выпирающие передние зубы. Компенсация оскорбленной стороне была соответствующей.

Поэтому, если при слове «яхта» вам на ум приходят девушки, музыка, шезлонги, стюарды в белых куртках, икра и шампанское, вы очень далеки от истины. Единственной музыкой был ветер в парусах; дам на борту не было; стюард наличествовал один, и совсем не в белой куртке, а на команде и рубах толком не было. Все они были туземцами с островов Тихого океана и отличались самым разным цветом кожи и телосложением, да и говорили на самых разных языках. Языком общения на яхте был примитивный английский, достаточный для работы, выразительный в песнях, но совершенно не подходящий для задушевных разговоров. Гленвей мог бы нанять американского или английского капитана или помощника. Но куда там!

К счастью, все на борту хорошо знали свои обязанности. И, к несчастью, обязанности кока часто сводились к откупорке жестянок с консервированными сосисками и фасолью. Вызвано это было не столько присущей обитателям Новой Англии бережливой умеренностью, сколько гастрономической рассеянностью, которая так часто идет рука об руку с честностью, выпирающими зубами и так далее — и особенно с приверженностью делу.

Гленвей, как и «Зенобия», был до конца предан своей цели. Все эти большие яхты, конечно, способны совершать океанские путешествия, но «Зенобия» только это и делала, и точка. Ее гоняли взад и вперед; шхуна была вылизана, как кошачья шкурка, но никоим образом так не блестела. На горизонте она казалась облаком; на якоре показалась бы поэту лебедем, а человеку более материалистического толка — плавучим дворцом. Но стоило ступить на борт, как яхта начинала напоминать исследовательское судно какого-нибудь океанографического института. Повсюду на палубе висели, сушились или лежали необычной формы сети, тралы и огромные сачки. По обе стороны фок-мачты высались на пьедесталах два предмета высотой примерно в рост человека, сделанные из того же уродливого и серого нержавеющего сплава, что везде на «Зенобии» заменял медь или хром. Это были не вентиляторы. Верхушки их вращались, были плотно закрыты крышками или закупорены, если вам угодно, и

тищательно защищены от попадания соленой влаги. Повернув одну из верхушек к себе, отодвинув заслонку и заглянув внутрь, вы увидели бы молчаливо поблескивающий в темноте глаз кинокамеры.

На носу, под брезентом, который можно было легко и быстро откинуть, находился еще один предмет. Это был мощный прожектор. В длинных скамьях-ящиках, тянувшихся вдоль фальшборта, хранились осветительные патроны и сигнальные ракеты. Гленвей надеялся заснять на пленку некое ночное, как он считал, существо. Иначе, рассуждал он, это громадное, заметное существо, которое являлось рептилией и дышало легкими, куда чаще встречалось бы днем.

Одним словом, Гленвей искал морского змея. Он с презрением относился к сенсационным газетным репортажам и бородатым шуткам, что обычно связываются с этим понятием, и предпочитал термин «большой морской ящер». Для краткости и довольно подходяще он именовал морского змея «Это».

По всему Тихому океану знали о поисках Гленвея. Люди вели себя тактично, но, пожалуй, чересчур уж подчеркнуто тактично. Что-то в Гленвее заставляло их воздерживаться от иронических замечаний, а если они начинали воспринимать его крестовый поход всерьез, им хотелось излечить Гленвея от его одержимости. Так или иначе, они ясно давали понять, что считали его чудаком, а то и помешанным, раз он верил в существование подобного создания. Поэтому Гленвей избегал портов, а когда яхта принимала припасы или становилась на ремонт — общества людей. Кстати, лично я человек в целом скептический, но с радостью готов отказаться от своего неверия, когда доходит до большого морского ящера. Мне кажется, мир без него, лишенный хотя бы идеи его существования, стал бы гораздо беднее и скучнее. Гленвей осознал это, когда мы познакомились, и с этого началась наша дружба. Я был вынужден честно сказать ему, что шансов увидеть морского змея один на миллион и что он, должно быть, умом тронулся, если тратит на него свое время и деньги. Но Гленвея все это ничуть не тревожило.

— Рано или поздно я его найду, — сказал он во время нашего первого разговора о змее, — потому что знаю, где искать.

Его теория была проста и в определенном смысле звучала логично.

Зная, что представляет собой животное, можно многое понять о его образе жизни, привычках и, самое главное, rationale. А узнав, что есть животное и где чаще всего встречается его добыча, вы получаете в руки неплохой ключ к поискам.

Гленвей собрал и суммировал все наиболее достоверные сообщения. С какого бы конца света ни поступили эти свидетельства, все они описывали более-менее одинаковый тип животного, и для Гленвея не составило труда получить составное изображение существа, выполненное экспертом. На рисунке, понятно, была изображена рептилия, похожая на плезиозавра, но крупнее любого ископаемого плезиозавра и длиной почти в восемьдесят футов без нескольких дюймов. В этом и состояла загвоздка.

Гленвей хорошо знал, как отражался на затратах по содержанию каждый лишний фут длины яхты. Он понимал, что восьмидесятифутовый плезиозавр был хорош только в теории. Легко можно было подсчитать его вес, диаметр укуса или размер рыбы, которая могла пройти в его узкую глотку.

— Такое животное затратит больше энергии, глотая по одной рыб подобного размера, чем извлечет из пищи, — заметил Гленвей. — Нужно еще учесть, что стаи сельди, макрели, пикши и так далее встречаются в основном в прибрежных водах, и с тех пор, как возникло понятие рыбной ловли, рыбаки охотятся за ними днем и ночью. Существу, которое дышит легкими, приходится достаточно часто выныривать на поверхность; питаясь оно такого рода рыбами, мы знали бы его не хуже, чем гигантскую акулу. А главное, оно давно бы вымерло — слабые челюсти не смогли бы защитить его от косаток или морских лисиц, если только раньше с ним не покончили бы кархародоны и другие большие акулы миоцены.

— Если все это так, Гленвей, вы только что похоронили ваше проклятое чудовище.

— Я боялся, что окажусь прав, — признался он. — Впал в страшную тоску. Но однажды мне пришло в голову, что люди, которые неожиданно, на протяжении короткого времени, в условиях плохой видимости и так далее, замечают что-то удивительное и непостижимое, будут склонны преувеличивать наиболее необычный аспект увиденного. Поразительно длинная и гибкая шея покажется им еще длиннее, маленькая голова еще меньше и тому подобное. Я попросил нескольких молодых ребят из Института прикладной психологии провести ряд тестов. Они обнаружили отклонение примерно в двадцать пять процентов. Затем я объяснил им, для чего это понадобилось, и попросил их ответственно изменить рисунок. В результате получилось вот это, — он протянул мне второй лист. — Насколько можно судить, именно это в действительности видели очевидцы.

— Как! В этой треклятой штуке не больше шести футов длины, — удивился я. — Мне кажется, вы пытаетесь подогнать показания свидетелей под умозрительные рассуждения!

— Вовсе нет, — ответил он. — Я все перепроверил. Нанял ихтиолога и специалиста по рептилиям и дал им задание: вообразить животное, которое стояло бы максимально близко к шестидесятифутовому плезиозавру, но было бы практическим в смысле рациона, затрат энергии, самозащиты и тому подобное. Они предложили два или три варианта. Меня заинтересовал этот, — и он показал мне третий рисунок. — Сравнив рисунок с версией психологов, вы убедитесь, что в главных чертах они полностью совпадают.

— Мне все равно... Если уж верить в большого морского ящера, я предпочитаю восьмидесятифутовика.

— Этот весит больше, — возразил Гленвей, — и он, вероятно, в десять раз сильнее. Его челюсти способны отхватить кусок на три фута и больше. Этот парень может разом проглотить большую барракуду. На дельфина ему хватит двух заходов. Такое животное будет следовать за стаями тунца, альбакора, — любой рыбы весом от пятидесяти до

ста пятидесяти фунтов. Но только не трески.

— Почему не трески?

— Рыбаки. Его бы заметили.

— Ага!

— Очевидно, треска его не интересует.

— Хм... Две испорченные половинки не сложатся в целое.

Но в ваших словах есть некоторый смысл.

Гленвей это принял: от других он и такого не мог добиться. Он принялялся нетерпеливо показывать мне карты и схемы, дополненные его собственными наблюдениями. Они отражали сезонные миграции глубоководных рыб в восточной части Тихого океана; когда сведений не хватало, он обращался к данным о более мелких рыбешках, служивших пищей крупным. Он перечислял пищевые цепочки, передвижения полей планктона, температуру слоев воды и так далее. Опираясь на все это и с учетом различных других факторов, Гленвею удалось обозначить на карте большой овал с разбросанными тут и там датами; он проходил по громадным уединенным водам океана, что простираются от берегов Чили до Алеутов.

Таков был охотничий участок Гленвея. Я участвовал в двух или трех его плаваниях.

Там почти не было островов и пароходных линий. Я регулярно дежурил в вороньем гнезде — два часа утром и два вечером. Невозможно сидеть день за днем и ждать встречи с чем-то, не веря в глубине души в саму возможность такой встречи. Кроме того, я любил Гленвея и ничто не доставило бы мне большей радости, чем первым заметить его ящера на зеленой глади или синих волнах. Желание во что бы то ни стало найти ящера наделяло мускулистыми изгибами каждый проплывавший мимо ствол пальмы, и в каждом выныгнувшем вдалеке из воды дельфине нам виделась черная, мокрая, кожистая шея.

Моя рука, опережая мысль, тянулась тогда к красной кнопке на ограждении. Эта кнопка и такие же кнопки на носу и у штурвала были соединены проводами с зуммером в каюте Гленвея. Но зуммер молчал и ширь горизонта день за днем оставалась пустынной.

Гленвей был отличным навигатором. Однажды утром, когда я сидел на марсе, он позвал меня снизу, спрашивая, не видно ли что-либо в море. Я ответил, что ничего не вижу — и, приложив к глазам бинокль, тут же заметил темный невысокий холм. Он проступал на горизонте, как бесконечно тонкая карандашная линия в месте соприкосновения неба и моря.

— Что-то вижу... Земля! Впереди земля!

— Это Паумоа.

Он и не подумал упомянуть, что мы идем на Паумоа — главный остров небольшого изолированного архипелага к северо-востоку от Маркизских островов. Я слышал об этом острове. Кто-то рассказывал, что там живут восемь или десять американцев и что со временем войны им почти не привозят почту. Охотничья тропа Гленвея проходила в пятидевяти милях от острова, и он, как выяснилось, согласился по пути заглянуть туда. Как ни морщился он при грубых шутках о морском змее, он был уроженцем Новой Англии и считал, что люди должны получать свою почту.

Остров казался издали изогнутой спиной кита в горячей зеленой пене, которая заранее намекает на кокосовые пальмы и скуку. Я отложил слабый бинокль и взялся за оптическую трубу. Теперь я мог ясно разглядеть гавань, разбросанные вокруг белые бунгало и даже людей. Вскоре один из островитян заметил яхту. Он козырьком приложил руку ко лбу, замахал руками и стал указывать на нас. Из бунгало вышел еще один человек с биноклем в руках. Оба бросились к стоявшему поодаль джипу. Джип проехал вдоль гавани и остановился у другого бунгало. Кто-то вышел из машины, кто-то сел в нее. Джип снова двинулся, исчез в пальмовой роще, показался на другой стороне, взобрался по узкой колее и исчез за холмом.

К тому времени и другие обитатели острова заметили нас. Времени поглазеть у них было достаточно — у острова ветер неожиданно стих. День уже клонился к вечеру, когда «Зенобия», распустив все паруса, как громадный цветок лепестки, медленно вплыла в гавань Паумоа.

— Какая унылая дыра! — сказал я. — Чем они здесь зарабатывают на жизнь? Копрой?

— Копрой и ракушками. Один парень высушивает морские огурцы и продает их китайским перекупщикам по всему миру. Как-то приехал новый Гоген из Сан-Франциско, но долго не выдержал.

— Как это они не перерезали друг другу горло из чистой скуки?

— Ну, они каждый вечер играют в покер и, кажется, придумали способ не действовать друг другу на нервы.

— М-да, это здесь не лишнее...

На острове не видать было ничего, кроме кокосовых пальм (а они мне совсем не нравятся) и треклятых одинаковых бунгало, точно выписанных по почте из какого-то каталога. То, что я издали принял за газоны с пестрыми цветами вокруг бунгало, оказалось грудами жестянок из-под консервов — частью проржавевших, частью еще с этикетками. Но я не слишком оглядывался по сторонам: мы уже сошли на пристань, где нас приветствовали местные жители в шортах и старомодных тропических шлемах. И приветствовали, надо сказать, очень радушно.

— Послушайте, — сказал один из местных, Виктор Брювер, — у нас тут недавно поселились двое новеньких с Явы. Мы заставили их попотеть! С тех пор, как мы вас увидели, они готовят рийстафель. Вы должны остаться на обед, не то эти ребята обидятся. Черт, вы же не захотите обидеть пару ребят, которые полдня жарились у горячей плиты, готовя вам обед!

Гленвей хотел только забрать мешок с исходящей почтой и побыстрее отплыть. Но мысль о том, что придется кого-то обидеть, буквально причиняла ему боль. Он посмотрел на меня с затаенной надеждой, ожидая, как видно, что я приду на помощь. В такие (правда, достаточно редкие в обществе Гленвея) минуты я чувствовал, что Фицджеральд был прав: богатые действительно отличаются от вас и от меня. Подумав об этом и предвкушая рийстафель, я поступил ровно наоборот, заметив, что до ночи ветер вряд ли поднимется, а значит, мы и времени не потеряем. Гленвей немед-

ленно сдался, и вскоре мы уже сидели, потягивая напитки, беседуя с островитянами и глядя на закат.

Прислушиваясь к разговорам, я вспомнил слова Гленвейя о способе не действовать друг другу на нервы. Кажется, сейчас этой техникой воспользовались ради него. При каждом замечании хозяев я словно проваливался в воздушную яму — и снова, как кошка, приземлялся на все четыре мягкие лапы. Им был явно известен предмет поисков Гленвейя, и они часто упоминали морского змея, но проявляли такой коллективный такт, что не задерживались на этом предмете дольше нескольких секунд. Нарушителей мистер Брювер быстро вытеснял из общего разговора. Обед продолжался уже какое-то время, когда он между делом спросил, проследует ли Гленвей по своему обычному маршруту и пройдет ли, в сотне миль ближе или дальше, мимо северной оконечности Японии.

Гленвей ответил, что всегда следует одному и тому же маршруту.

— Знаете, — сказал Вик Брювер, с наигранной небрежностью роняя слова — так игрок с хорошей картой на руке и хорошим банком на столе выкладывает покерные фишки, — вы могли бы оказать чертовски добрую услугу одному парню. Если согласитесь, конечно.

— Какую услугу? — спросил Гленвей. — И какому еще парню?

— Вы его не знаете, — сказал человек, сидевший слева от Брювера. — Его зовут Гейзекер. Он шурин зятя Чарли, если это вам о чем-нибудь говорит.

— Он приехал сюда повидаться с Чарли, — сказал еще один. — Приплыл на посудине, которая возит копру, но не знал, что почтовый пароход сюда больше не заходит. Вот и застрял.

— Бедняге не поздоровится, понимаете, если он в ближайшие несколько недель не доберется до Токио.

— В тех широтах вам наверняка попадется корабль, идущий в Японию.

— Любой буксир, танкер, рыболовное судно. Все что угодно. Он будет вечно вам благодарен.

Они говорили один за другим, по кругу. Я вспомнил, что они, по словам Гленвея, каждый вечер играют в покер. И теперь они все время повышали ставки.

— Жаль, что ему нужно уезжать, — веско, как покерный дилер, подытожил Брювер. — Он отличный парень, этот Боб Гейзекер. Но для него, бедолаги, это чуть ли не вопрос жизни и смерти. Послушайте, он заплатит за место и прочее, если за этим остановка.

— Не в том дело, — сказал Гленвей. — Но я с ним еще не познакомился.

— Он на другом конце острова, — сказал Брювер. — Уехал на джипе с Джонни Рэем минут за двадцать до того, как мы вас заметили.

— Забавно, — сказал я, вспоминая утреннюю сценку.

— Чертовски забавно, — подхватил Брювер. — Да, будет чертовски забавно, если он снова застрянет. Он всего-то согласился подсобить Джонни. Вам бы только глянуть на ста-рину Боба, — добавил он, обращаясь к Гленвею, — вы бы с радостью выручили его из беды.

— Ладно, я возьму его, — сказал Гленвей, — если он вернется вовремя. Ветер нас подвел, и мы вышли из графика, так что, сами понимаете...

— Вполне справедливо, — согласился Брювер. — Если он вернется вовремя, вы возьмете его на борт. Опоздает — значит, ему не повезло. Еще риса? Курицы? Креветок? Эй, бой, наполни-ка стакан мистера Эббота.

Обед длился без конца, и больше никто не поминал мистера Гейзекера. Наконец тяжелая листва над столом зашуршала и зашевелилась. Поднялся ветер, и Гленвей сказал, что больше ждать мы не можем. Мы спустились к пристани. Едва мы с Гленвеем уселись в шлюпку, как кто-то указал назад. Мы обернулись (недаром в разных древних историях людям очень не советуют оборачиваться): за холмом, как лунный свет, озарили небо лучи фар.

— Это Боб, — сказал Брювер. — Не стоит его ждать. Он мигом соберется, и мы доставим его на моторке, не успеете вы поднять якорь.

Ну конечно, как только мы приготовились тронуться в путь, к борту подплыла лодка с мистером Гейзекером и его багажом на борту. Из чемоданов, как языки уставших собак, торчали во все стороны клочки одежды. Гейзекер и сам запыхался. Он поднялся по трапу и ступил на свет. Было в нем что-то странное. Сперва я подумал, что он просто раскраснелся и выглядел растерянным, потому что ему пришлось собираться в такой спешке. Потом мне показалось странным, что после недель и месяцев под экваториальным солнцем кожа на этом широком лице продолжала облезать и выглядело оно красным, как будто Гейзекер веселился все выходные в Атлантик-Сити. Но все это было не то, и в конце концов мне вспомнился массивный, роскошно изогнутый широкогорлый инструмент, который непременно присутствует во всех духовых оркестрах. Так и кажется, что он просто обязан гудеть во всю мочь и, если вдруг молчит, вот-вот заголосит. Мистер Гейзекер был очень похож на этот инструмент, но он молчал — вот что было странно.

Брювер представил его и поспешно распрошался. Наш гость пробормотал какие-то слова благодарности, Гленвей, занятый отплытием, коротко приветствовал его на борту — и Гейзекер остался на палубе один. Он глядел вслед моторке с бесконечно потерянным видом. Я отвел его в свободную каюту, сказал, что завтрак у нас в семь, и спросил, не нуждается ли он в чем-либо до отхода ко сну. Он, похоже на то, с трудом сознавал, что я говорю.

— Я так смешил этих ребят, что они по полу валялись, — произнес он, словно в глубоком потрясении. — Все время по полу валялись!

— Спокойной ночи, — сказал я. — Увидимся утром.

Наутро Гейзекер присоединился к нам за завтраком. Он мрачно поздоровался, сел и уставился в тарелку. Гленвей извинился за свою вчерашнюю занятость и стал рассуждать, где мы можем встретить корабль, идущий в Токио или Иокогаму. Гейзекер поднял просветлевшее лицо: так в тропиках серо-голубая тишина ночи мгновенно сменяется ясными фанфарами дня. Он взорвался светом, теплом, жизнью,

смехом — быстрее, чем казалось возможным и даже желательным.

— Я так и знал! — провозгласил он. — Только вовремя не сообразил. Так и знал, что меня провели. Когда меня погрузили на этот люггер, я решил, что ребята хотят... ну, избавиться от меня, понимаете? Хорошо же они меня обдурили! Что угодно, лишь бы посмеяться! Теперь я все понял. Вчера они клялись, что вы идете в Лиму, в Перу.

— Они мне определенно сказали, — глядя на него в упор, проговорил Гленвей, — что вам крайне важно попасть в Токио.

Гейзекер громко шлепнул себя по пухлой багровой ляжке.

— Эти ребята, — сказал он, — готовы человека на Луну отправить в треклятой ракете, лишь бы посмеяться. Они и вас провели! Из Токио я приехал, а нужно мне в Лиму. Поэтому-то они и держали меня весь день на другом конце острова. Не хотели, чтобы я услышал, куда вы направляйтесь.

— Времени у нас мало, — сказал Гленвей, — но я готов развернуться и отвезти вас на Паумоа.

— Ни в коем случае! — всполошился Гейзекер. — Это хорошая шутка, и дьявол меня забери, если я ее испорчу. Я просто путешествую по миру, знакомлюсь с людьми. Честно говоря, есть в Токио одна маленькая японочка, с которой я не возражал бы близко познакомиться еще раз.

С этими словами он просвистел несколько тактов из «Мадам Баттерфляй».

— Гленвей, — сказал я. — Почти восемь. Думаю, мне пора на мачту.

— На мачту? — воскликнул Гейзекер. — Звучит как просоленное моряцкое выражение. Я никогда еще не плавал на паруснике. Вы просто обязаны рассказать мне все о свайках, концах и прочей дребедени, а потом выкатить команде бочонок рому! Говорю вам, ребята, из меня выйдет первостатейный моряк! Так с чего это вы собрались на мачту?

— Посижу часа два в вороньем гнезде.

— Зачем? Вы что-то высматриваете?

Еще не договорив, он повернулся к нам, посмотрел сперва на меня, потом на Гленвея, и его лицо стало похоже одновременно на окорок и маску трагического актера — с таким усилием он складывал два и два. Не сводя глаз с Гленвея, он вытянул и поднял толстый указательный палец. Нижняя фаланга этого пальца поросла завитками золотисто-рыжих, блестевших на солнце волос, очень жестких и крепких на вид. Палец остановился в футе от ребер Гленвея, но выглядел таким основательным, что словно воткнулся в них, да и у меня заныло под ребрами.

— Эббот! — с торжеством воскликнул Гейзекер. — Теперь вы понимаете, в какой растерянности я был вчера... Я думал, ребята решили от меня избавиться... и ваше имя мне ровно ничего не сказало. Гленвей Морган Эббот! Господи, я слышал о вас, приятель! Птички напели мне разные песенки... Вы были женаты на Торе Вайборг! Вы плаваете по океану и ищете морского змея!

Он почувствовал на себе взгляд Гленвея, в котором на долю секунды промелькнуло что-то зловещее. Гейзекер чуть попятился.

— Может, надо мной просто смеялись, — сказал он. — Ну да. Нужно было сразу понять. Человек с вашим образованием не стал бы верить в эту второсортную древнюю чушь.

К тому времени Гленвей овладел собой, а это означает, что он вновь стал пленником своих привычек и страстей. Он не мог проявить невежливость по отношению к гостю, но чувствовал себя обязанным ревностно выступить в защиту своего драгоценного морского ящера.

— Возможно, — с трудом выдавил он, — вы плохо знакомы со свидетельствами.

И он стал приводить рассказы многочисленных достойных доверия очевидцев. Все они, сказал он, описывали одно и то же существо, но замеченное в разное время и в самых разных широтах. Он подчеркнул наличие рапортов офицеров и капитанов военного флота и увенчал список упоминанием рептилии, каковую ясно видели бородатые и непогрешимые джентльмены с борта «Особорна», яхты самой королевы Виктории.

Улыбка Гейзекера становилась все шире. Услышав про «Осборн», он весело похлопал Гленвея по спине.

— Знаете, что они увидели, братец? Там бултыхалась сама старушка Виктория! Она решила немного понырять. Что скажете, ребята? — обратился он ко мне и стюарду, убравшему со стола. — Вот и все, что они видели, можете мне поверить! Альберт, потри мне спинку!

Последнюю фразу он сопроводил пантомимой, изобразив плещущихся в волнах особ королевской крови; учитывая, что он к ним не относился и в эту минуту не плескался в воде, сделано это было, как мне показалось, весьма талантливо. Гленвей, как только что упомянутая августейшая осoba, не видел причин для смеха. На его лице явственно боролись, как борцы на телевизоре, обида и недовольство — только боль, конечно, была настоящей.

Видя это и жалея, что затащил его на тот обед на Паумоа, я пошел на нежеланную жертву.

— Гленвей, — сказал я, — вы можете посидеть в вороньем гнезде вместо меня, а я постою за штурвалом.

Но Гленвей, прирожденный мученик, отказался от этого щедрого предложения и решил остаться на арене. Я полез на мачту, ощущая себя одним из тех римских патрициев, которые тайком сочувствовали ранним христианам в Риме времен Нерона, но в вечер гала-представления обязаны были занять ложу в Колизее.

Время от времени я слышал внизу взрыкивание: то был не лев, а смех Гейзекера. Вскоре я увидел, как Гленвей прошел по палубе и притворился, что осматривает небольшие сети для ловли планктона и водорослей. Через несколько минут вслед за ним явился и Гейзекер. Улыбаясь, он бойко и дружески заговорил с двумя матросами, сушившими сети. Матросы смущенно оглянулись на Гленвея, прежде чем рассмеяться. Было понятно, что щутка касалась морского змея. Гленвей бросил работу, прошел на корму и спустился вниз. Гейзекер прошелся по палубе, что-то мыча себе под нос и, не найдя отклика, двинулся вслед за Гленвеем. Наступила тишина — обманчивая тишина, что всегда тише правильной тишины. Затем Гленвей выскоцил из переднего люка и

стал оглядываться, словно в поисках укрытия. Но на яхте, даже такой большой, как «Зенобия», скрыться негде. Я понял, что Гленвей, видимо, выбрался через кладовую, оттуда проскользнул в камбуз и затем в матросский кубрик, бросив Гейзекера в салоне. Но Гейзекер был не из тех, кто остается брошенным больше трех минут. Три минуты прошли, я высунулся из вороньего гнезда и увидел, как из люка появился его мощный, потный торс.

Бывают такие огромные, жирные шутники, которые будто физически заключают вас в объятия. Я хотел бы оказаться в те дни подальше от экватора и Гейзекера, но должен был попытаться помочь Гленвею.

Гейзекер от него буквально не отставал. Иные люди, смутно понимая, что они кому-то неприятны, приклеиваются к несчастному с настойчивостью кошки, что и в толпе гостей найдет единственного ненавистника кошачьих. Эти люди вам не верят; они считают, что на самом деле вы от них в восторге: им щекочет нервы, их поражает, их бесконечно возбуждает сама невероятность того, что они кому-то могут не нравиться. Они требуют вашего внимания, они прикасаются к вам и радостно глядят, как вы отшатываетесь, они подступают еще ближе и изучают вашу чудесную дрожь, как если бы отвращение и дрожь были судорожными спазмами какого-то неслыханного любовного акта, что следует повторять снова, и снова, и снова.

— Эх, старина Глен! — сказал как-то Гейзекер после того, как Гленвей подпрыгнул, издал нечто, что я могу описать лишь как подавленный возглас, и поспешил укрыться в своей каюте. — Люблю этого парня. Мне нравится, как он относится к шуткам. Знаете, лицо вытянутое, серьезное, но сразу видно, что внутри он покатывается со смеху.

— Смените тему, — сказал я. — Шутки о морском змее он ненавидит. И я тоже. Они делают его несчастным, прямо с ума сводят.

— Ах, да бросьте! Чепуха! — добродушно отмахнулся он. То, что я сказал о себе, его ничуть не интересовало. Он был равнодушен ко всему остальному, но обладал собачьим нюхом и тянулся к жертве, понимая — подсознательно, конечно

но — какие именно чувства он вызывает. Это острое чутье подсказывало Гейзекеру, что его грубый юмор меня не оскорблял и что моя растущая злость была вызвана лишь обидой за Гленвейя. А значит, для него все это было вторичным — такой же бесцветной подменой, как поцелуй дуэни. Это его не возбуждало, не заставляло желать большего. Я почувствовал себя отвергнутым.

Я отправился вниз: вдруг мне лучше повезет с Гленвеем?

— Будь у вас хоть малейшее чувство юмора, это чудовище вам бы понравилось, — сказал я. — Он ведь совсем как ваш морской ящер. Тот тоже считается вымершим животным.

— Хотел бы я, чтобы это было так, — сказал Гленвей.

— Может, он не из мелового периода, но из времен дешевых книжек с анекдотами — это уж точно. Это человек-целакант. Это комический персонаж с базарных открыток. Это живое ископаемое. Вам нужно бы его заснять на кинопленку, иначе люди не поверят, что он существует.

Я будто пытался бежать по рассыпчатому песку. С каждой новой фразой я увязал все глубже — и Гленвей все глубже погружался в тоску. Затем я окончательно увяз. Мы молча сидели, глядя друг на друга. И вдруг, как труба архангела, в коробке зуммера над кроватью раздалось настойчивое, завораживающее дребежжание. Гленвей так быстро забыл о тоске, вскочил с кресла, выбежал из каюты и взлетел по ступеням, что все это будто произошло одновременно. Я изо всех сил помчался за ним — я понимал, что это либо морской змей, либо Гейзекер, и в любом случае мне лучше было находиться поблизости.

Это оказался Гейзекер. Он стоял у штурвала, сгибаясь от смеха, указывал на океан и вопил:

— Вот он! Пускает фонтан! Хвост по правому борту!

Он согнулся вдвое, продолжая хохотать. Правду говорят, что лицо в такие минуты багровеет. Но и в таком согнутом положении Гейзекер казался огромным, даже огромней обычного.

А Гленвей, как ни грустно это говорить, будто уменьшился на глазах. Он точно стал усохшей и серой копией прежнего себя. «Он сойдет с ума, если так будет продолжаться», — подумал я. Затем Гленвей повернулся и зашаркал ногами вниз по ступеням.

Я повернулся к Гейзекеру, гадая, какие слова могут пройти его толстую шкуру.

— Боже правый! — сказал он. — Так и знал, что это правда. Когда ребята на Паумоа мне рассказывали, я сразу понял, что это правда, но должен был проверить.

— О чём вы, черт возьми? — спросил я, проклиная себя за этот вопрос.

— О старине Глене и Торе Вайборг, — продолжал веселиться Гейзекер. — Вы что, ничего не знаете о Глене и Торе Вайборг?

Я знал, что они были женаты. Мне смутно вспоминалось что-то о драматической встрече в Гонолулу. Любовь с первого взгляда. Тора была значительней обычной, пусть и прославленной кинозвезды. По крайней мере, такой она мне рисовалась. Ходили рассказы о ее непостижимом обаянии, несравненной красоте и о том, что она ни с кем не разговаривала, не путешествовала, не обедала, кроме своего Свенгали, нынешнего режиссера и директора по рекламе. Я достаточно ясно представлял себе этих персонажей. Думаю, Гленвей, тогда еще молодой, угловатый, но уже весь в своем поиске, с дыханием океана и крыльями парусов за спиной, в ореоле солнца и богатства, мог предложить ей более выигрышную роль.

Я помнил, что брак продлился очень недолго. Злые языки говорили, что они отплыли с рассветом и вернулись на закате. Ни одна сторона не сделала никаких заявлений. Как всегда, возникли и слухи, но они были слишком туманными и несостоительными и вскоре потонули в волне куда более громких и вполне подтвержденных измен других знаменитостей. Все это случилось задолго до того, как я познакомился с Гленвеем. Некоторые из этих слухов, обезображеных до неузнаваемости, раздутых, в корке соли — море выбросило, похоже, на далекие берега Паумоа.

— Знаете, что рассказывали мне ребята? — спросил Гейзекер, внимательно глядя на меня. — Они поженились буквально сразу и медовый месяц решили провести на этой самой яхте. Тут же отплыли. Во всех газетах были громадные заголовки. Поверите или нет, но в первую же ночь — часов в одиннадцать, если понимаете, о чем я, приятель — какой-то парень на палубе что-то такое видит, то ли стаю дельфинов, то ли водоросли, то ли еще какую-то проклятую штуку. И вот ему втемяшилось, что это сам старина бронтозавр. Он жмет на кнопку, и через десять секунд Глен выбегает на палубу. Ни о чем меня не спрашивайте, приятель; я только знаю, что на следующее утро люггер разворачивается и полным ходом возвращается в Гонолулу, и они расходятся, как в море корабли.

Я сразу понял, что это была правда. В его рассказе была даже некая красота. Но она была предназначена для моего персонального созерцания и ничего общего не имела с Гейзекером. Он смотрел на меня, подавляя смех, с торжеством в глазах и задранным носом, готовый разразиться хохотом.

— Гейзекер, — сказал я, и он впервые услышал в моем голосе нотку непосредственной, личной ненависти, и я ее тоже услышал. — Гейзекер, я не собираюсь обсуждать, что, как и почему, но с этой минуты держитесь подальше от Гленвейя. Можете выходить на палубу, можете сидеть вот здесь, между мачтами, но если вы хоть на дюйм...

— Потише! — процедил Гейзекер. — Кто тут разоряет-ся? Владелец? Шкипер? Первый помощник? Вы кто такой, черт возьми? Я хочу услышать, что скажет об этом старина Глен.

Я не люблю ссоры и стычки. После первого взрыва ярости на меня всегда накатывает невероятная усталость и пустота. В эту минуту у меня не было ни желания, ни сил продолжать. Но Гейзекер сам пришел мне на помощь. Я все не мог решить, кто он: садист, которому нравятся страдания жертвы, или мазохист, который испытывает непристойную тягу к собственным страданиям и только и мечтает кому-то не понравиться. Как бы то ни было, он смотрел на меня маленькими глазками, а затем высунул язык и облизал губы.

— Короче, — сказал он, — я пошел вниз. Спрошу у него, есть ли доля правды в этой треклятой байке или нет.

Это облизывание губ, такое грубое и банальное, будто сразу перенесло все на другой уровень. На корабле был один добродушный гигант, гавайский матрос по имени Виггам. Он как раз штопал сеть на палубе неподалеку от нас. Я позвал его и велел ему — словами, которые обычно можно прочитать только в этих маленьких пузырях над героями комиксов — взять сеть и расположиться у двери Эббота, а если Гейзекер вздумает приблизиться, вспороть ему брюхо.

Я отдал эти прискорбные указания холодно и отчетливо, стараясь не сорваться на визг. Звук моего голоса напоминал мне треск автоматной очереди. Если бы Гейзекер рассмеялся или матрос проявил удивление либо нежелание подчиняться, я оказался бы в самом смехотворном положении. Но моряки, похоже, народ простой — Виггам продемонстрировал рвение, белые зубы и выкидной нож, казавшийся еще более угрожающим из-за сравнительно скромных размеров. Он смерил взглядом Гейзекера, точнее, упомянутое брюхо, словно проделывая в голове какие-то сложные профессиональные расчеты, затем взял свою сеть и спустился вниз. Гейзекер следил за ним с возрастающим беспокойством.

— Послушайте, — начал он, — может быть, я что-то не то сказал...

— Это ты послушай, жирняга, — перебил я. — Еще раз скажешь что-то не то — и окажешься на самом захудалом японском краболове! А название этой скорлупки мы в журнале перепутаем. Сложное название, по-японски что-то вроде «корабль, который никогда не вернулся». Или «никогда не существовал». Подумай об этом в следующий раз, когда тебе захочется пошутить.

Я спустился вниз. Гленвей лежал на койке, но не читал.

— Я его приструнил, — сказал я. — Трудно поверить, но это так.

— Каким образом? — спросил Гленвей. Он не поверил.

Когда я ему рассказал, он заметил:

— Надолго такое его не остановит.

— Это вам так кажется, потому что я рассказывал все в ироническом тоне. Но с Гейзекером я говорил голосом ходячим и угрожающим, как сталь, и при этом чуть прищурял глаза. Как сейчас.

— Это не поможет, — сказал Гленвей.

— В таком случае Хилл Виггам, сидящий сейчас в коридоре, вспорет ему брюхо. Для него это главный момент в жизни. Точнее, станет главным, если Гейзекер попытается сюда сунуться. Человек, понимаете ли, найдет в жизни свое предназначение.

— Не хочу, чтобы Виггам попал в беду, — сказал Гленвей.

— И Гейзекер не хочет, — заметил я.

С этими словами я поднялся наверх и подежурил, как обычно, в вороньем гнезде, после выпил с Гейзекером, стараясь говорить как можно меньше, так как не знал, что и как ему сказать. Затем я пообедал с Гленвеем в его каюте, покурил с Гейзекером на палубе и около десяти вечера спустился вниз пожелать Гленвею спокойной ночи. Нервное напряжение еще не покинуло его.

— Что там снаружи? — спросил он.

— Это чудеснейшая ночь нашего путешествия, — ответил я. — Взошла полная луна. Ее словно кто-то подвесил на невидимой проволоке — высоко на небосводе, усеянном звездами. Ветер слабый, но черт знает откуда накатывают большие волны. Подняты все паруса, кроме балун-кливера, и корабль берет волны, как скаковой конь барьеры. Почему бы вам не постоять за штурвалом?

— Где Гейзекер? — спросил Гленвей.

— Посередине палубы, у левого борта. Незримо пригвожден к месту угрозами.

— Пожалуй, я останусь здесь, — сказал Гленвей.

— Гленвей, — сказал я, — вы проявляете какую-то чрезмерную чувствительность. Дело в том, что вы вели изолированную жизнь, и люди вроде Гейзекера относились к вам со слишком большим уважением. Это отделяет вас от других, что лично я нахожу оскорбительным. Напоминает мне слова Фицджеральда. Помните, он говорил, что богатые — дру-

гие? Вдумайтесь в это! Это даже хуже, чем быть таким же.

— Вы забываете об ответе Хемингуэя, — сказал Гленвей. Кажется, ему не нравилось ни отличаться от других, ни быть на них похожим.

— Возражение Хемингуэя, — сказал я, — доказывает только то, что должно было доказать: мистер Хемингуэй — высокопробный,уважаемый, независимый гражданин, и на груди у него, вероятно, растет великолепная поросль волос... А Фицджеральд был не так уж неправ. Только потому, что ваш предприимчивый дедушка вздумал построить несколько железных дорог...

— Во-первых, это был мой прадед, — вмешался Гленвей.
— Более того...

В эту минуту, когда я только начал радоваться тому, что он наконец прекратил заламывать руки, стал глядеть смелее и высунул из-под панциря голову, вновь зажужжал зуммер. Я забыл его отключить.

Жалостно было видеть, как Гленвей дернулся и хотел было соскочить с койки. Он изогнулся, точно в спазме, упал обратно и вытянулся, плоский, как пустой мешок. Зуммер продолжал вопить. Я с дрожью подумал, что у Гленвея может снова начаться судорога. Признаюсь, я потерял голову: схватил стоявший у туалетного столика табурет и принялся колотить по этой коробке, дребежавшей, как гремучая змея, пока она не замолчала.

Воцарилась глубокая и полная тишина. Иллюзорная, конечно: вскоре мы обнаружили, что в великой пустоте, которую оставил по смерти распоясавшийся зуммер, бегают какие-то мелкие звуки. Постепенно мы стали различать топот ног на палубе, голоса и, в частности, настойчиво грохотавший голос Гейзекера.

Я приоткрыл дверь — и в каюту влетели слова:

— Глен! Глен! Поднимитесь наверх, ради Бога! Вы что, не слышите? Поднимайтесь! Быстрее!

— Боже мой! — воскликнул я. — Неужели ему вспороли брюхо?

Я заторопился наверх. Гейзекер стоял у люка. Он послал вниз еще один крик, затем повернулся и уставился на море.

Я врезался в него. Он на ощупь схватил меня за руку, подтащил к борту и указал на волны.

Я лишь успел увидеть, как что-то исчезло под гладкой стеной гигантской волны. Оно было черным, мокрым, поблескивающим и огромным. Такое описание приложимо к киту, китовой акуле и еще, наверное, двум-трем обитателям моря. Я хорошо запомнил, как Гейзекер повернул голову, когда я поднимался по трапу, как его крик продолжал звучать, когда он вновь посмотрел на волны. Но память не сохранила такую же совершенную мысленную фотографию того, что я увидел — того, что исчезло в волнах. Насколько помню, я заметил часть колоссальной спины и терявшейся в темноте и лунном блеске изгиб чудовищного хвоста.

Люди выбежали и теперь стояли в трех-четырех шагах от нас. Я посмотрел на них, и они кивнули.

— Вы видели? — услышал я голос Гленвейя.

Он все же поднялся на палубу — и увидел, какое выражение было на моем лице и их лицах.

— Да, но он кричать, — сказал один из матросов, указывая на Гейзекера. — Он кричать, кричать, кричать, и оно нырнуть.

Гленвей отвернулся и шагнул к Гейзекеру. Матросы не видели его лица, но я видел, и Гейзекер видел. Не думаю, что Гленвей поднял руку. Гейзекер отступил на шаг, наткнулся на низкий фальшборт — кажется, он даже не пошатнулся — и вдруг его большой, жирный, тяжелый торс начал клониться назад, мелькнули в воздухе ноги, и он скрылся из глаз.

Он упал за борт.

Не помню, как я нашарил спасательный круг, но помню, как сбросил его почти бровень с бортом и увидел, что он упал в нескольких футах от Гейзекера. Яхта делала шесть узлов и, как нам казалось еще минуту назад, шла очень медленно — но теперь словно полетела вперед быстрее всех яхт в мире.

Гленвей что-то прокричал; рулевой развернул яхту, и ветер покинул ее паруса. У нас всегда была наготове шлюпка, которую мы могли спустить в мгновение ока; два матроса

взялись за весла, Гленвей за румпель, а я стоял на носу и высматривал Гейзекера. Он не мог быть от нас дальше, чем в двухстах-трехстах ярдах.

Ночь была неописуемо ясная. Громадные гладкие валы блестели и сверкали под луной. Яхта показалась нам издали заснеженной альпийской горой, опустившейся на воду; и когда на вершине волны матросы на миг поднимали весла, то был миг невыразимой тишины — казалось, какое-то исполнинское существо затаило дыхание.

Затем я увидел Гейзекера. Нас высоко поднял огромный, будто отлитый из стекла морской холм, и мы уже начали скользить вниз по склону. На Гейзекере был спасательный круг. Я не мог разглядеть на таком расстоянии черты его лица; в лунном свете его глаза выглядели большими черными провалами, а рот — темной воронкой, и походил он на клоуна в приступе комического страха. После он скользнул вниз, и мы скользнули вниз, и между нами встали два или три водных хребта высотой футов в десять.

— Он впереди, в нескольких сотнях футов, — сказал я.
— Мы увидим его с вершины следующей волны.

Но мы его не увидели. Может, человек в спасательном жилете поднимается и опускается на бурных волнах быстрее четырнадцатифутовой шлюпки? Вот о чем я подумал — но не успел я ответить себе, как мы снова поднялись, опустились и очутились очень и очень близко к тому месту, где я заметил Гейзекера.

Гленвей с полминуты недоуменно молчал.

— Вы недооценили расстояние, — наконец сказал он.

— Должно быть. В любом случае, на нем спасательный круг. Он будет в полном порядке. Давайте его поищем.

Один из матросов отметил место, пустив в воду бадейку. Гигантские валы были такими гладкими, что бадейка с балластом в виде нескольких дюймов воды ровно опускалась и поднималась, не набирая больше ни капли. Мы описали круг радиусом в сто футов, потом в сто пятьдесят. Гейзекера нигде не было. Мы осмотрели каждый квадратный фут воды, где он мог находиться.

— Он утонул! — воскликнул Гленвей. — Судорога... акула...

— Никакая акула не утащила бы под воду спасательный круг. Он плавал бы где-нибудь здесь. Мы бы увидели.

Не успел я это сказать, как мы увидели. Спасательный круг выскочил из воды — Бог знает, как глубоко он побывал — и с плеском упал обратно. До него было рукой подать. Секунду спустя он оказался у носа шлюпки, я потянулся и втащил его на борт. Я повернулся с кругом в руках и показал его Гленвею. Все это звучит глупо... но мы оба знали, что никакое известное науке существо, за возможным исключением кашалота, не могло затащить Гейзекера вместе со спасательным кругом на такую глубину. И знали, что существо, которое видел я и видели матросы, было не кашалотом.

Мы еще некоторое время продолжали описывать круги и затем вернулись на яхту. Когда мы поднялись на борт, я сказал Гленвею:

— Вы к нему и пальцем не притронулись. И даже не собирались. Вы даже руку не подняли.

— И некоторые матросы это видели, — с полнейшим спокойствием сказал Гленвей. — Они могут подтвердить.

Я услышал голос его предков — если не прадеда, железнодорожного магната, то уж точно деда-банкира. Он заметил мое удивление и улыбнулся.

— Со скрупулезно юридической точки зрения, — сказал он, — это был простой несчастный случай. Что мы и напишем в отчете о происшествии. Но, конечно же, я его убил.

— Эй, погодите минутку, — сказал я.

Мы стояли у штурвала. Гленвей отобрал штурвал у рулевого, что-то сказал ему, и тот бросился на палубу, созывая команду. Через минуту руль переложили, реи повернули, паруса снова вздулись, большая яхта вздрогнула и, развернувшись, легла на новый курс.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— Прямо на восток, — ответил Гленвей. — В Сан-Франциско.

— Заявить о случившемся? Но...

— Я хочу выставить яхту на продажу.

— Гленвей, вы расстроены, — сказал я. — Не стоит преувеличивать.

— Он был жив, он веселился, а теперь он мертв, — сказал Гленвей. — Он мне не нравился — да что там, он был мне отвратителен. Но одно с другим никак не связано.

— Полнейшая психологическая безграмотность! — возмутился я. — Еще как связано! Вы его ненавидели. Может быть, чересчур остро, но это можно понять. Вы мечтали о его смерти. Собственно говоря, вы сами более или менее так и сказали. Теперь вас гложет чувство вины. Вы собираетесь взвалить эту вину на себя. Вы обсессивная личность, Гленвей. Вы уроженец Новой Англии, пуританин, ну прямо ранний христианин. Будьте благоразумны! Главное — умеренность.

— Предположим, вы сидите за рулем автомашины, — проговорил Гленвей, — и насмерть сбиваете человека...

— Мне будет очень жаль, но я поеду дальше.

— А если вы превысили скорость? Или были пьяны? А если имеются причины полагать, что вы ненормальны и вас нельзя было пускать за руль?

— Ну... — начал я.

Но Гленвей не слушал. Он подозвал рулевого, передал ему штурвал, объяснил, какой курс держать и кто должен выйти на следующую вахту. Затем он повернулся и пошел прочь. Он шел по палубе, как пассажир. Как человек, идущий по улице. Он уходил от своей одержимости — в тот самый час, когда она наконец воплотилась в жизнь.

Я пошел было за ним, но он даже не обернулся.

— Матросы рассказали мне кое-что интересное, — сказал я ему много позже. — Хотите услышать?

— Будьте так добры, — ответил он.

— Мне казалось, что им нравился Гейзекер — ведь он их смешил. Но выяснилось, что он им совсем не нравился. Ни капельки. Вы слушаете?

— Конечно, — ответил он вежливым тоном банкира, который уже решил, что откажет просителю в ссуде.

— Они ненавидели его почти так же сильно, как вы, и по той же причине — он издевался над Этим. А они верили

в Это, все время верили. Они называют Это разными именами, принятными в их родных краях. Почти каждый может поведать о дяде или дедушке жены, видевшем Это. По их описаниям, Это — одно и то же животное.

— Я решил купить ферму или ранчо как можно дальше от океана, — сказал Гленвей. — Буду разводить скот или займусь селекцией кукурузы. Что-нибудь в таком духе.

— Вы провели семь лет на этой яхте, с этими людьми или с большинством из них. Вы знали, что они верят в Это?

— Нет, — ответил он. — Есть еще биология почвы. Данная область сулит немало открытий.

Я буквально места себе не находил. Да, Гленвей действительно стал другим — не таким, как я или каким недавно был он сам. Красавица «Зенобия» будет продана, команда распущена, а большой морской ящер останется картинкой на старинной карте — далекий и покинутый в своем океанском одиночестве. Что же касается меня, то вся моя дружба с Гленвеем ограничивалась яхтой. Я был частью всего этого: не кем иным, как соучастником его одержимости. Теперь он излечился, хоть мне это не нравилось. Я чувствовал, будто и меня выставили на продажу. По пути в Сан-Франциско мы вели светские, вежливые и пустые разговоры и по прибытии рас прощались, пообещав писать друг другу.

Мы не переписывались более трех лет. Невозможно посыпать письма призраку банкира или ожидать от него ответа. Но этим летом, в Нью-Йорке, я однажды вернулся домой и обнаружил письмо. Оно было отправлено из Грегори в Южной Дакоте — городок этот так далек от океана, как только можно себе представить.

Он жил там. Он спрашивал, бывал ли я в тех местах и не найдется ли у меня немного свободного времени. Нужно обсудить один любопытный вопрос. Срок было немного, но тем свободней можно было читать между ними. Я набрал номер.

В Нью-Йорке наступала полночь, но в Южной Дакоте, понятно, было на два часа раньше. И все-таки Гленвей долго не подходил к телефону.

— Надеюсь, я не поднял вас с постели, — сказал я.

— Господи, нет! — ответил он. — Я был на крыше. У нас здесь чудесные ночи, а воздух чистый, как в Аризоне.

Я вспомнил ясную ночь на Тихом океане, блеск и сверкание громадных стеклянных волн, и тишину, и яхту, поднимавшуюся и опускавшуюся так высоко и так низко, похожую издалека на заснеженный холм, и бадейку, видимую в сотне футов.

— Я хотел бы приехать, не откладывая, — сказал я.

— Я надеялся, что вы это скажете, — отозвался Гленвей и стал перечислять самолеты и поезда.

Я спросил, привезти ли что-либо из Нью-Йорка.

— Непременно! — сказал он. — Там есть человек по имени Эмиль Шредер. Он из Бруклина. Найдете его в телефонном справочнике. Это лучший шлифовщик линз, какого знала Германия. У него имеется для меня посылка, но я не хочу доверять ее почте — вещь хрупкая.

— А что внутри? — спросил я. — Микроскоп? Вы все же занялись биологией почвы?

— Какое-то время занимался, — ответил Гленвей. — Нет, там линзы для телескопа. Этот парень построил по моему заказу бинокулярный телескоп. Понимаете, с одним окуляром трудно следить за чем-либо быстро двигающимся. Бинокулярное устройство отлично подойдет. Я смогу установить его на крыше или на самолете, у меня уже готова специальная станина.

— Гленвей, вы не хотите объясниться? О чем вы?

— Вы разве не читали правительственный доклад о неопознанных летающих объектах? Алло! Вы там?

— Да. Я здесь, Гленвей. А вы там... Там, где надо, черт побери!

— Послушайте, если вы не читали этот доклад, с утра первым делом найдите его. Прочтете по дороге. Не хочу, чтобы вы несли ерунду, как тот незадачливый тип, который тогда свалился за борт. Вы обещаете? Прочтете?

— Конечно, Гленвей. Непременно прочтую.

П. Алешинский. Сезон морского змея (1970)

Виктор Сапарин

ЧУДОВИЩЕ ПОДВОДНОГО КАНЬОНА

(1964)

1

Агапов уверял, что, если бы он не находился тогда на Луне, Калабушева не отправили бы в самый глубокий каньон на дне Индийского океана.

— Это один из величайших упрямцев в солнечной системе! — говорил он горячо. — Если бы вы дали себе труд обратиться во Всемирное справочное бюро и попросили перечислить наименее подходящих людей для столь ответственной экспедиции, то Калабушева назвали бы в первом десятке.

Те, кто готовил экспедицию, пожимали плечами: Калабушев был не только самым знающим, но просто единственным специалистом по морским змеям на нашей планете. Никто, кроме него, не интересовался полуфантастическими видениями, которые представлялись глазам пьяных или

перепуганных матросов в далекую эпоху парусного флота. А он, как ярый коллекционер, собирал на протяжении всей жизни эти легендарные истории, выкапывая их из старинных книг и газет, изучая давно забытые архивы. Вряд ли Всемирная кибернетическая библиотека с ее миллиардами отсеков, в электронную память которых вот уже третий год вводились все основные сведения, добытые человечеством за предыдущие века, располагала хотя бы тысячной долей тех данных, которые находились в распоряжении Калабушева. И только он один мог сказать, что в его шкафах, набитых фотокопиями собранных со всего света документов, представляло хоть видимость научной ценности, а что следовало отнести к чистейшей фантазии. Но и он мог ошибаться. Этот упрямец верил в существование морских змееев, несмотря ни на что.

Конечно, если бы налицо имелся еще хотя бы один знаток морских змееев, комиссия могла думать, кого из них посыпать. Но выбора не было. Не послать же Калабушева в экспедицию, право на участие в которой он заслужил более чем кто-либо другой на свете, было бы слишком жестоко и несправедливо.

Но так или иначе, а сейчас уже поздно было рассуждать, почему в экспедицию отправили именно Калабушева.

Когда споры поутихли, председательствующий академик Лавров перешел к главному:

— Сейчас мы должны решить, собственно, не менее важный вопрос: кого послать на розыски Калабушева?

Все почему-то посмотрели в мою сторону. До этого момента я полагал, что меня пригласили в качестве эксперта-глубоководника. И действительно, в ходе прений мне было задано несколько специальных вопросов.

Но теперь от меня ждали чего-то другого.

— Что скажете, капитан? — подбодрил меня Лавров.

— Экспедиция более ответственная, — сказал я, — чем та, первая. Калабушев мог не найти своего морского змея — особой трагедии не произошло бы. Не найти Калабушева — совсем другое дело.

— Мы это понимаем, капитан, — прищурнул глаз Лавров.

— Я не отказываюсь,— сказал я. Меня немного раздражал его прищуренный глаз. — Вопрос в том, кто лучше подготовлен для такого дела. Его и надо отправить. Мы не должны повторить ошибки с Калабушевым.

— Какие у вас отводы?

По традиции, человек, получающий ответственное задание, обязан назвать недостатки, если они у него есть, которые могут помешать выполнению задания.

— Отводов нет, — возразил я, — но соображения есть. Прежде всего я не верю в существование вашего знаменного чудовища. Я облазил едва ли не все самые глубокие дыры мирового океана и, могу вас заверить, ни разу не встречал ни морского змея, ни «Летучего голландца».

— Но в существовании Калабушева вы не сомневаетесь?

Глаз Лаврова оставался прищуренным, и это действовало мне на нервы.

— А вам предстоит искать именно Калабушева, а не змея, — докончил Лавров. Он отвечал мне на моего «Летучего голландца».

— Насколько я понимаю, Калабушев и змей должны быть где-то вместе, — пробормотал я. — Повадок же змея я не представляю.

— Никто из глубоководников не верит в морского змея, так же, как и вы. Но вы один из опытнейших глубоководных асов. Это же спасательная экспедиция.

— Тогда, — сказал я, — переведем разговор на деловую основу. Если вы поручаете операцию мне, я берусь в течение двух часов подобрать экипаж, на который...

— Экипаж? — перебил меня Лавров. — Ни о каком экипаже не может быть и речи. Вы пойдете один.

Я внимательно оглядел лица сидевших в креслах. Нет, это не та компания, которая собирается, чтобы разыгрывать на досуге бывалых капитанов.

— Вопреки всем правилам?! — поразился я. Я покачал головой. Только что во всех деталях обсудили, к чему привело отступление от правил при организации экспедиции Калабушева, как тут же планируют новое крупнейшее нарушение! Было чему удивляться.

— Все очень просто, капитан, — сказал Агапов. — Калабушев пошел на «Скате». Никто не знает, в какую он забыл-ся щель, от него никаких сигналов. Значит, разыскивать его надо тоже на корабле-малютке. Скажем прямо: вам придется, может быть, путешествовать не только под водой, но и под землей.

Да, я уже слышал, конечно, о лабиринтах Тумберлинка. И версию о том, что это катакомбы, опустившиеся под воду. Может быть, там, где-нибудь в двадцать пятом колене, и обитает морской змей. Вполне возможно. Никто не побывал еще в странных норах, словно пробуравленных кем-то в подводных скалах. Кроме разве Калабушева. Тот, конечно, мог наплевать на все запреты.

— Но ведь «Скат» — двухместный, — сказал я. Не то, чтобы я боялся. Но соблюдение некоторых элементарных правил входит в кровь и плоть старых глубоководников. Мы не мальчишки.

— Второе место может понадобиться кому-то из спасаемых, — просто сказал Лавров.

Я понял теперь их мысль. Они считали, что «Скат» Калабушева застрял в подводно-подземной ловушке. Вытаскивать судно на буксире, вероятно, не удастся. Значит, в самом благоприятном случае придется осуществлять «пересадку» пассажира.

— Кто напарником с Калабушевым? — спросил я.

— Титов.

Титова я знал. Абсолютно уравновешенный человек. Спокойный до флегматичности. Отличный «компенсатор», если можно так выразиться, для Калабушева. Данную ему инструкцию ни за что не нарушит, ни против одного пункта не пойдет, хоть взорвись все вокруг.

— Кто начальником из них?

— Калабушев.

Положительно мне суждено сегодня без конца удивляться странностям комплектования этой экспедиции.

— Калабушев не имел морального права соглашаться! — сказал я горячо.

— Почему? — удивился Лавров. — Ведь он действительно своего рода специалист.

— Но вы-то! Вы! — настаивал я. Теперь я разделял возмущение Агапова. — Вы как могли согласиться на назначение Калабушева?

— А надо было начальником экспедиции назначить Титова? — Лавров смотрел на меня холодно и испытующе. Сейчас он начнет припирать меня к стенке. Я уже слышал, что он владеет искусством доказательств не хуже, чем чемпион мира по классической борьбе всеми ее приемами. — Первый раз, — в голосе Лаврова послышался оттенок удивления, — первый раз я отправил бы экспедицию, начальник которой не верит в ее цели, совершенно к ним равнодушен и не знает ни на гран предмет исследования. Вот это уж действительно было бы отступлением от всех правил!

Я промолчал.

Титов, конечно, хороший глубоководник. Но его специальность — гидроакустика. Резон в рассуждениях Лаврова есть.

— Известные биологи-глубоководники оказались занятыми. — Лавров угадал мою мысль. — Из свободных ни один не подходил ни по характеру, ни тем более по технической квалификации.

Да, уж Титов — мастер глубокого плавания, ничего не скажешь. Конечно, если уж начали с Калабушева, остальное вытекало одно из другого. Все сходилось к Калабушеву, точнее, к морскому змею, в существование которого он упрямо верил.

— Ведь путешествие не предполагалось опасным, — заметил Лавров. — Никто не поручал им обследовать Тумберлинк. Просто крейсирование вдоль каньона — и все. Что произошло, никто не знает.

— Скажите, — спросил я Лаврова напрямик, — а вы сами верите в этого...

Лавров улыбнулся.

— Я понимаю ваше недоумение. В двадцать первом веке — и вдруг старые матросские сказки. Но, видите ли, сказки это или нет, может окончательно выясниться именно в на-

шем веке. Парадокс? Никакого парадокса. Зоологи до сих пор спорят о некоторых представителях даже сухопутной фауны, были они или нет. А когда в прошлом веке ученые обнаружили кистеперую рыбу, они не хотели верить своим глазам. Считалось, что последние лягушери вымерли несколько десятков миллионов лет назад, уступив место другим видам. А потом поймали еще несколько лягушерий. Что же, вы думаете, ископаемые рыбы стали возрождаться? Ничего подобного. Наука расширяла поиск — и больше лягушерий стало попадаться на глаза ученым. Вспомните, что океаны во всей их толще начали обследовать сравнительно не так давно, а объединить свои усилия так, как это теперь делают ученые всей Земли, раньше они тоже не могли.

— Но морских змеев что-то до сих пор не попадалось, — заметил я.

— Их, этих змеев, может быть, всего один или два, — серьезно сказал Лавров. — И вот где-то в последнем убежище их нашли.

— Раньше они почему-то чаще попадались на глаза, — сказал я. — И не стеснялись людей. Если верить сочинениям, которыми набиты шкафы Калабушева.

— Калабушев считает, что морские змеи — глубоководные существа, — все так же серьезно разъяснил Лавров. — А на поверхность выносились их трупы. Волнение, ветер и воображение людей придавали им облик живых. Потом их съедали птицы и рыбы. Существа вымирали, и поэтому их перестали встречать. Но, возможно, одна пара осталась.

— Я лично...

— Я ученый, — сухо прервал меня Лавров. — Мне нужны факты. А всякие «верю» или «не верю» не область науки.

— Я просто хотел сказать, — с ходу парировал я, — что Калабушев, возможно, как раз сейчас берет интервью у последнего из последних змеев. И что я лично сделаю все, что от меня зависит, чтобы это интервью не пропало для науки. Не гарантирую, что доставлю вам сюда морского змея, но Калабушева разыскать постараюсь.

Моя некоторая задиристость не очень их удивила. Они, должно быть, уже знали кое-что обо мне.

— Отлично, — сказал Агапов. — Я всегда считал, что правильный выбор состава экспедиции — половина ее успеха. Когда вы собираетесь отправиться, капитан?

— Через пятнадцать минут после того, как вы ответите мне на последний вопрос.

— Говорите.

— Что вам известно о характере Калабушева? Ведь вы его как будто хорошо знаете.

— Понимаю. Я должен сказать то, что должно облегчить ваши поиски.

— Вот именно. Я должен представить себе, как бы поступил в том или ином случае Калабушев. Как поступил бы человек моего склада, я представляю. Как поступит Титов, я знаю точно. Про его действия я могу рассказать точнее, чем про свои. Таким образом, в уравнении одно неизвестное, от которого зависит все. Я не психолог, но мне придется заняться психологией.

— Трудно сказать, как поступит человек в неожиданных обстоятельствах, — в раздумье сказал Агапов. — Известно одно: он очень упрям. К змеям у него страсть коллекционера. Представляете, на что способен такой человек, если ему представится реальная возможность пополнить свою коллекцию, допустим, самое маленькое, фотографией настоящего змея! Или хотя бы чего-то неизвестного нам, что принимали за змея. Что сказать еще? Он бесстрашен. Не знаю, не является ли это в данном случае осложняющим обстоятельством. По профессии он спелеолог.

— Спелеолог! — Я потер лоб. Этого еще недоставало!.. Я вспомнил опубликованную недавно статистику Контроля безопасности. Из нее вытекало, что по количеству несчастных случаев спелеологи занимают одно из первых мест среди других исследователей природы. Они залезают в такие тарраканьи щели, где ничтожный сдвиг глубинной породы может привести к опасным последствиям. Основная причина, пояснял представитель Контроля безопасности, большинства происшествий — в нежелании исследователей укреплять пещеры и подземные ходы до первого проникновения туда людей. Те, с кем что-то случалось, как правило, хотели сна-

чала изучить открытую ими полость земли в нетронутом виде, в каком ее создала природа. А потом уже они собирались пробивать запасные выходы, оборудовать комфортабельные штольни, ставить подпорки и защитные сетки. Далее, помнится, излагались советы Контроля безопасности, как сочетать требования науки и условия безопасного пребывания людей под землей. Дошли ли только эти здравые рекомендации до Калабушева?

— Все ясно, — сказал я. — Я отправлюсь немедленно.

— На аэродроме ждут, — сказал академик Лавров.

2

В эпоху парусного флота, когда морские змеи встречались так же часто, как непредугаданные штормы и штили, всякое порядочное описание морского путешествия начиналось с характеристики судна.

«17 июня 1741 года я ступил на палубу “Сидонии”, — читал я в одной из фотокопий, пачкой которых снабдили меня на дорогу. — “Сидония” представляла собой прелестную трехмачтовую шхуну водоизмещением в 500 тонн, с такими искусными обводами носовой части, что они вызывали восхищение у каждого настоящего моряка».

Я решил, что не стоит нарушать эту традицию. Тем более, что некий юный герой, ступивший на палубу прелестной «Сидонии», спустя некоторое время получил возможность собственными глазами разглядывать морского змея, что, возможно, предстоит и мне.

На «палубу» «Ската» я ступил на суше. Неспециалисты-глубоководники, возможно, не знают, как выглядит и что представляет собой «Скат». Ничего похожего на известные всем автоматические драги — огромные машины, ползающие по дну океанов и подбирающие руду, похожую на рассыпанную картошку. Мало сходства и с глубоководными исследовательскими или тем более туристскими суднами, изображениями которых пестрят страницы журналов.

Ни подавляющих воображение размеров, ни могучих горизонтальных и вертикальных винтов, ни струйных аппаратов, действующих по принципу реактивного движения. Ни, замечу тут же, комфорта внутри.

Представьте себе геометрически правильный шар из прозрачного материала диаметром около двух метров. Шар, как планета Сатурн, опоясан плоским кольцом, вытянутым в одном направлении этаким эллиптическим блином. Блин толще там, где он примыкает к шару, и совсем тонкий по краям.

Вот, в сущности, и все. Если не считать, конечно, тысячи дополнительных устройств. Не всякий заметит, что прозрачный шар двойной, то есть внутри наружного шара находится внутренний. Внутренний шар и есть та гондола, в которой я сижу. Он так сбалансирован по центру тяжести, что мое сиденье и пустующее кресло напарника, все приборы и рукоятки управления занимают одно и то же положение в пространстве, независимо от того, как ведет себя наружная оболочка со своим блином. «Скат» может плыть хоть «вверх животом», я этого даже не замечу. Что касается того, что я назвал «блином», то это и обводы судна, и его двигатель, и движитель, и осывающее устройство. Гибкое, словно мускулистое «туловище» может принимать самую различную форму, изгибаться, совершать колебательные движения, частично или целиком — словом, плыть естественно и непринужденно.

С точки зрения маневренности, лучшего глубоководного аппарата свет еще не видел. Предназначенный для детального обследования горных хребтов и долин, узких каньонов и кратеров подводных вулканов, он по безопасности не имеет себе равных. Сколько я ни плавал в глубинах, я ни разу не видел, чтобы какая-нибудь живая рыбина, пусть самая крупная и неуклюжая, застряла бы где-нибудь в каменной подводной ловушке. А «Скат» последней модели по своей чувствительности к окружающей среде и техническому оснащению превосходит любую самую ловкую и сильную владычицу подводного царства. Для Калабушева избрали правильное судно. «Скат» может легко удрать от лю-

бого морского змея или парализовать его электрическим зарядом, если бы это понадобилось.

Итак, я сидел в кабине, а «Скат» был подвешен к вертолету, который мчал нас в отдаленнейший район Индийского океана. Я предпочел занять место в кабине еще на аэрордроме. Конечно, самозадраивающиеся устройства срабатывают и в воздухе и в воде, но посадка «всухую», во-первых, отнимает меньше времени, и, во-вторых, что там ни говори, более надежна. Я не хотел рисковать тем, что какой-нибудь винт не займет нужного положения из-за пустячной причины вроде тряски и автоматы откажутся погружать «Скат». Мне это ничем не грозило, но Калабушеву и Титову пришлось бы дожидаться меня гораздо дольше. Опыт видающих виды глубоководников в том и заключается, что они учитывают тысячи мелочей, до которых не всегда доходят «мозги» приборов.

Я подумал о Титове и Калабушеве. Калабушев бесстрашен. Но мне представлялось, что его бесстрашие или его мужество, не знаю, как лучше назвать, — бесстрашие одержимого. Вывести же Титова из состояния душевного равновесия почти невозможно.

Почти? Гм... Меня стали одолевать сомнения. В самом деле, Титов всегда находился в окружении глубоководников, людей, владеющих собой и не фантазеров. С партнером типа Калабушева он встретился впервые. И вот они заперты вдвоем в тесной кабине. Что произойдет, если «кремень» Титов будет подвергаться в этих условиях воздействию «огнива» Калабушева? Какие искры высекутся? Мне приходилось видеть людей, которые уже в пожилом возрасте впервые принимали участие в охоте. Некоторые с иронической улыбкой брали в руки ружье, но после первого же выстрела вдруг охватывались страстью и совершенно преображались. Не мог ли азарт коллекционера или охотника овладеть и Титовым?

Перебирая врученную мне папку фотографий, я стал пристально разглядывать ту, из-за которой, собственно, и разгорелся весь сыр-бор. Ее передала телекамера, спущенная на длинном тросе с борта надводного исследовательского

судна. Прямо на меня, то есть прямо на камеру, смотрела морда какого-то чудовища. Три глаза на лбу сверкали холодно и бездумно. Взгляд существа, стоящего на низкой ступени развития, действующего без всякого проблеска сознания, рефлекторно, словно автомат. Страшный взгляд, от которого мороз подидал по коже. Широко раскрытая пасть, свидетельствующая о развитой функции хватания, могучий капкан с неровными, грубо выделанными зубьями. О размерах пасти судить трудно, так как неизвестно, с какого расстояния сделан снимок.

От такого зверя можно прийти в ажиотаж, даже не будучи зараженным одержимостью Калабушева. Легко представить, что ощутили бы разведчики, если бы они встретились с подобным чудищем лицом к лицу.

Я перевернул фото. На обороте краткая выписка из научного протокола. Телекамера передала снимок. Затем — это наблюдали на экране на борту судна — раскрытая пасть вдруг резко придинулась к камере, мелькнул сверкнувший в луче

света зуб, наблюдатели увидели что-то неясно похожее на глотку, и наступил мрак. Трос, к которому была привязана камера, натянулся, как леса, когда попадается крупная рыба. Попытки вытянуть добычу ни к чему не привели. После десятиминутной борьбы, во время которой трос то наматывали на барабан лебедки, то спускали, чтобы ослабить напряжение, он оборвался, и чудовище, заглотившее камеру, исчезло. Судя по размерам камеры, существо, с такой легкостью расправившееся с ней, должно быть не маленьким.

Биологи ничего похожего не видывали и не описывали в своих трудах. Разгорелись споры, в которые неожиданно вмешался Калабушев. Увидев фото, которое передавали по земному телевидению, он «опознал» в незнакомом чудовище морского змея. В доказательство он привел несколько тысяч письменных, запротоколированных свидетельств и рисунки художников прошлых веков.

Одно из «доказательств» находилось в моих руках, в той же пачке фотокопий. Трехглазое чудище с раскрытой пастью гналось за утлым суденышком, удиравшим на всех парусах. На корме один из матросов стоял на коленях и простирая руки к небу. Туловище змея скрывалось в воде, над поверхностью выступали только похожие на горбы верхушки толстых колец. Это не совсем сходилось с версией Калабушева насчет того, что морские змеи на поверхность поднимались только мертвыми, зато «портретное сходство» почти полное.

— Капитан, вы не заснули? — окликнули меня.

С экрана на меня смотрел улыбающийся Агапов.

— Все в порядке. Пытаюсь построить какую-нибудь правдоподобную версию. Не вести же поиски наобум!

— Попробуйте, — ободрил меня Агапов. — Я специально прилетел с Луны, чтобы участвовать в разгадке. И выслушал уже по крайней мере десяток гипотез. Ваши соображения особенно интересны.

— Я исхожу из самого крайнего предположения, — сказал я. — Случилось что-то такое, что заставило забыться даже такого человека, как Титов. Командиром судна оставался все же Титов, и по инструкции он мог не подчиниться Калабушеву, если бы тот потребовал от него, допустим, нера-

зумных действий. С другой стороны, Титов, если бы он и предпринял что-то выходящее за обычные рамки, непременно информировал бы заранее о своем решении судно, крейсirующее на поверхности. Вывод один: он не успел этого сделать. Произошло внезапно что-то такое, что разом вывело из строя Титова.

— Например, «Скат» налетел на подводную скалу из-за ошибки локатора?

— Тогда бы автоматы передали на поверхность сигнал бедствия.

— Значит...

— Логически рассуждая, — вздохнул я, — приходим к выводу, что Титова вывело из строя не какое-то физическое препятствие, а чисто психологический фактор.

— Не хотите ли вы сказать, что Титов мог, попросту говоря, психануть?

— Нет. Просто Титов мог чему-нибудь очень сильно удивиться. На миг. А секунду спустя, когда он вполне овладел собой, действовать оказалось поздно.

— То есть они встретились со змеем?

— С чем-то, глубоко поразившим Титова.

— И это «что-то» реагировало первым и первым напало на «Скат»?

— Не так просто, — сказал я. — Автоматы сработали бы. И уж, во всяком случае, картина того, что произошло, лежала бы сейчас у нас в руках в виде катушки с магнитной записью. А мы не получили даже фото.

Разговор оборвался.

В нижнюю часть кабины я видел поверхность океана. В полосе, ограниченной плавучими радиомаяками, шли огромные грузовые корабли плавных, обтекаемых форм, один за другим, словно в кильватерном строю, не оставляя ни полоски дыма. Картина, мало похожая на фотокопии, которые я продолжал держать в руках. Мы пересекали Великую трансокеанскую дорогу, связывающую порты — конечные станции трансконтинентальных железных дорог. Товарные составы продолжали путешествовать морем, чтобы потом снова стать на рельсы.

Потом внизу снова распостерлась водная пустыня. Мы приближались к району, лежащему в стороне от морских шоссе.

Прямо под нами прошло стадо китов. Его пасли пять крошечных корабликов, которые могли нырять и даже плыть под водой не хуже своих подопечных. Четыре кораблика-пастуха шли по бокам стада, а пятый замыкал шествие. Я знал, что они создают в воде электрическое поле, которое не дает китам выйти за пределы заграждения.

Впереди плыли «вожаки» — механизированные макеты животных, за которыми тянулось все стадо. Сколько я ни смотрел, я не мог отличить настоящих китов от их имитации. Головные киты, настоящие или искусственные, спокойно рассекали воду, ударяя мощными хвостами, иногда играя, показывали широкую спину или уходили под воду, выбрасывая по возвращении на поверхность высокий фонтан — и все это совершенно одинаково. Остальные, обыкновенные киты шли за ними.

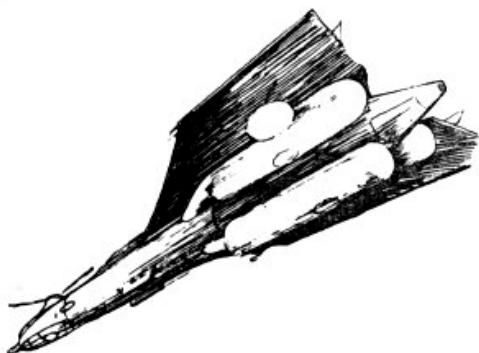
Китам, наверно, казалось, что они просто плывут. На самом же деле стадо перегоняли на пастбище, богатое планктоном.

И вот, наконец, небольшое судно, стоящее на месте. Исследовательский корабль «Искатель».

— Приготовиться! — говорит Агапов.

Меня сбрасывают аккуратно, по всем правилам. Я падаю, как семя вяза, — чуть планирую, касаюсь поверхности воды почти горизонтально и тону. Через минуту включаю двигатели. Тело «Ската» начинает шевелиться, и тут же появляется акула.

Такой красотки я не встречал еще ни разу. Когда она делала первое кольцо и проходила перед моими глазами, мне показалось, что ее толовище будет тянуться без конца. Не думайте, что я не имел дела с акулами. Но о таких экземп-

пасть разжалась, длинное туловище перевернулось вверх брюхом, и «тигр глубин» стал всплывать, как бревно.

— Примите трофеей, — сообщил я наверх. — Сгодится для музея.

— Держите корпус под током, — посоветовал Агапов.

Он уже высадился с вертолета и находился на борту «Исследователя». Мое местопребывание автоматически отмечалось там на экране, снабженном шкалой глубины. Я подумал о том, как же надводные наблюдатели ухитрились потерять след Калабушева и Титова. Ведь на экране виден не только мой «Скат», но и контур дна, вычерчиваемый локатором.

лярах ходят только легенды. Акула, видимо, основательно проголодалась — нападать на китов, защищенных электрическим током, не так-то просто, и «Скат» заинтересовал ее отнюдь не с точки зрения чистой любознательности. За кого она приняла плывущее в воде, работающее всем туловищем «существо», не берусь судить, но едва описав второй круг, бросилась на мой корабль.

Акула впилась в самый край «Ската», словно собираясь отхватить от него кусок. Но совсем тонкая кромка плавника «Ската» прочнее стали. Я включил ток. Серповидная

«Скат» опускался на дно, делая колебательные движения то в одну, то в другую сторону. Потом я перевел корабль на снижение по крутой спирали. Само собой разумеется, что мое кресло находилось все время в горизонтальном положении, и я мог спокойно наблюдать за окружающей обстановкой. «Блин», окаймлявший кабину, постепенно сплющивался, уменьшая объем с повышением глубины. Это тоже была одна из хитростей его устройства.

Вода темнела и темнела, и я наконец включил свет. Длинная и тощая рыбина с выпученными глазами подошла почти вплотную и уставилась на огонь.

Последние километры я странствовал в полном одиночестве. Время от времени я проверял связь. И на ультразвуке и на тех радиоволнах, что проходят через воду, аппаратура действовала безотказно. Я видел на экране лицо Агапова почти без искажений. Он смотрел на меня внимательно и настороженно.

Что же все-таки подстерегло Титова? Я снова подумал о Титове, потому что он управлял «Скатом». Внезапный приступ болезни? Он был абсолютно здоров — его проверяли перед спуском. Потом приборы сообщили бы о любых существенных изменениях в его организме. Я сижу, откинувшись в кресле, всматриваюсь в мерцающий туман, за которым начинается стена мрака, мурлычу что-то под нос, а на верху, на палубе «Искателя», знают, как бьется у меня пульс, слышат мое дыхание и исследуют меня все время так, словно я нахожусь в клинике у докторов.

Локаторы запищали: на всех экранах появились скалы: они окружили кабину, словно собирались ее раздавить. В тот же миг донный локатор сообщил, что мой «Скат» сейчас ляжет на грунт. Очевидно, я попал в яму, углубление среди скал. Не очутился ли в таком же колодце «Скат-1»? Нет, приборы доложили бы об этом.

Осторожно маневрируя, я выбрался из ловушки.

— Что там? — спросил Агапов. Он наблюдал за мной непрерывно. На его экране неразличимы те детали дна, которые вижу я.

— Порядок, — отвечаю я, ведя «Скат» между почти отвесными стенками.

— Не спешите, — советует Агапов. — Исследуйте каждый метр.

На миг мне приходит в голову почти фантастическая мысль. А что, если где-нибудь на дне лежит корабль, затонувший в стародавние времена? И «Скат-1» проскользнул в открытый люк, а потом застрял в полуразрушенном трюме. Металлическая обшивка корабля не пропускает радиоволн, отсюда перерыв связи. Но нет! Эта версия отпадает: Титов не полез бы в трюм, не поставив в известность «Искатель» и не получив согласия. А Калабушеву незачем было толкать Титова на столь рискованные действия. Разве только что змееведу померещился в зияющей дыре затонувшего корабля хвост морского змея.

Я выбрался на относительный простор. Передо мной лежал каньон, узкий и глубокий. Я решил идти над самым дном. Локатор рисовал на переднем экране картину ущелья до его поворота. Прожектор, который я включил, пронизывал толщу воды на несколько десятков метров. Я различал далекие и близкие тени.

Слева лежала густая тень. Я приблизился и, посветив, увидел, что стенка каньона здесь как бы подмыта: внизу образовалось что-то вроде желоба.

— Поищу в щели! — сказал я Агапову.

Тот не ответил. Я взглянул на экран: изображение исчезло. Приборы, контролирующие связь, показали: связь не действует.

Аппаратура не могла выйти из строя. Приборы, следящие за ее состоянием, докладывали: все в исправности. Будь иначе, они давно подняли бы панику.

Машинально поднял я глаза вверх. В затруднительных случаях мы иногда ищем почему-то решение на потолке. И увидел ответ. Скалы, нависшие над моим «Скатом», отсекали его от внешнего мира. Ни ультразвук, ни радиоволны прямого распространения не доходили до «Искателя». Для наблюдателей там, на борту, я исчез — с экрана и из всех каналов связи. «Искатель» должен был подвинуться

правее от моего курса вдоль каньона, и связь моментально восстановилась бы. Прежде чем лезть сюда, мне следовало договориться о маневре связи с «Искателем». Сейчас я должен немедленно выйти из желоба, и меня тотчас же увидят и услышат.

Не ту же ли ошибку совершил Титов? Я сделал непростительный мелкий промах, но он помог мне разгадать причину возможного неожиданного перерыва связи со «Скатом-1». Объяснение оказалось на редкость простое. К сожалению, подобные элементарные глупости случаются и с опытными глубоководниками.

Я протянул руку к рычагу управления «Скатом» и... замер. Впереди; в самой глубине каньона, шевелилось и изгибалось какое-то длинное тело. Во всяком деле я люблю точность, но сколько я ни старался как можно хладнокровнее прикинуть на глаз размеры чудовищного существа, почти заполнившего каньон, у меня никак не получалось меньше ста метров. Я бы не поверил никому, кто попытался бы рассказать мне о чем-то подобном, но не верить своим глазам я не мог.

Я тотчас снял руку с рычага. Прежде чем выводить «Скат» из желоба-укрытия, следовало кое-что обдумать. Я попробовал смерить расстояние до «змея» — буду называть его так — с помощью локатора, а заодно поточнее определить его размеры. Но луч локатора упирался в нависшие скалы: я ведь все еще находился в желобе.

Со своего бокового кресла, только сильно наклонившись вправо и прижав лицо к прозрачной стенке кабины, я мог с полной отчетливостью видеть лениво шевелившееся чудовище.

Я невольно подумал: хватит ли у моего «Ската» тока, чтобы оглушить такую могучую тварь? А если змей сам заряжен электричеством, как это бывает у обитателей морских глубин, тогда что? Какой силы разряд способен обрушить он на «Скат»? Ведь это должна быть настоящая электростанция, по сравнению с которой электрохозяйство «Ската» — сущие пустяки.

Взглянув еще раз на змея, я увидел нечто такое, от чего кровь застыла у меня в жилах. Змей изогнулся, и я заметил странное утолщение почти в самой середине его туловища. Случалось ли вам видеть, как змей заглатывает лягушку? Пресмыкающееся, захватив жертву в пасть, которая у него шире туловища, натягивается на заглощенную добычу, словно чулок. При взгляде на змею видно, где находится сейчас несчастная лягушка и как она в результате судорожных толчков туловища подвигается все ближе к желудку змеи.

Вот такая же картина была сейчас передо мной. Исполинский змей, видимо, заглотил что-то, с трудом поместившееся в его туловище. Самое страшное заключалось в том, что это «что-то» имело овальную форму и размеры «Ската».

Я раздумывал всего одну минуту. Надо немедленно атаковать и взрезать любым путем его брюхо, пусть меня потом проклянут все биологи за то, что я не позаботился сохранить никем не виданную диковину в живых. Подкрасться к чудовищу как можно ближе и напасть на него прежде, чем оно заметит меня! Ведь оно может и просто удратить...

Осторожно я стал подвигаться вперед. В каньоне действовало течение, как это бывает на глубинах, и оно несколько затрудняло мои маневры. Во время одного из таких маневров я потерял змея из поля зрения.

Каньон делал изгиб. Я осторожно подвигался к повороту. Только я просунул нос «Ската» в закоулок, как увидел прямо перед собой огромную открытую пасть.

Как ни коротко длилось мгновение, я успел различить три холодных глаза, глядевших на меня, не моргая, неров-

ные зубы, вспыхнувшие в свете прожектора... Затем пасть бросилась на меня.

Я успел нажать кнопку электрозащиты. Это не вызвало никакой ответной реакции. Локаторы жалобно пищали, крича об опасности со всех сторон, о замкнутости пространства, в котором я очутился. Я дал резкий и сильный задний ход. Пройдя не больше трех метров, «Скат» уперся гибким и упругим плавником в какое-то препятствие. Оно не поддавалось нажиму. Еще два толчка с разгону — и тот же результат.

Тогда я выключил двигатель. Что мне еще оставалось делать? «Скат» тотчас же понесло вперед, или, вернее сказать, внутрь хода, в котором я находился. Локаторы показывали близкие стены со всех сторон, а в свете фонаря я различал неясные пятна на темном фоне. Пятна двигались, а корпус «Ската» вздрогивал от непрерывных толчков. Толчки напоминали мне глотательные движения. Как только это «что-то», проглотившее мое судно, не подавится мною и моим «Скатом»! Во всяком случае, пока что «внутри» было не так уж тесно.

Не успел я это подумать, как ход, по которому судорожными толчками продвигался «Скат», вдруг сузился. Стенки теперь почти обжимали кабину. Но мелкими рывками судно пропихивалось дальше. Мне показалось, что мой путь не прямой, а с поворотами или изгибами. «Может быть, эта bestия выписывает своим туловищем сейчас восьмерки», — подумал я.

Я не испытывал страха. Если даже меня на самом деле проглотил змей, я всегда успею взрезать «его» изнутри с помощью ультразвукового ножа. И тогда он может глотать меня снова, пока ему не надоест или до его тупой башки не дойдет, в чем тут фокус. Хватательные движения у него, конечно, чисто рефлекторные, он набрасывается на любое движущееся тело, подобно пружине, сорвавшейся с замка. Непонятно только, почему на «Скате-1» не воспользовались ножом? Может быть, с Титовым что-то приключилось, а Калабушев не знает, как управлять инструментом? Или этот упрямец решил поселиться в морском змее, лишь бы тот не

погиб для науки? А возможно, ему пришла в голову мысль дождаться, пока змея не поймают и не оперируют по всем правилам хирургии, под наркозом, наложив аккуратнейшие швы!

Ну, нет, на такую жертву я не способен. Я брался отыскать Калабушева, а не пополнять рацион морского змея, каких бы размеров тот ни достигал и какую бы ценность для науки ни представлял. Но, может быть, эта первобытная bestия бронирована и не разрезается ни изнутри, ни снаружи слабым лучиком ультразвука? В конце концов «Скат» не конструировался для борьбы с таким противником.

Серия мелких толчков заставила «Скат» неприятно зашибрировать. Во время одного из толчков я нечаянно выключил свет. В следующее мгновение «Скат» проскочил узость, а я увидел впереди...

Мне захотелось ущипнуть себя. Впереди я увидел светящееся пятно. Оно было довольно правильной, круглой формы. Пятно быстро приближалось. Я узнал... «Скат-1».

4

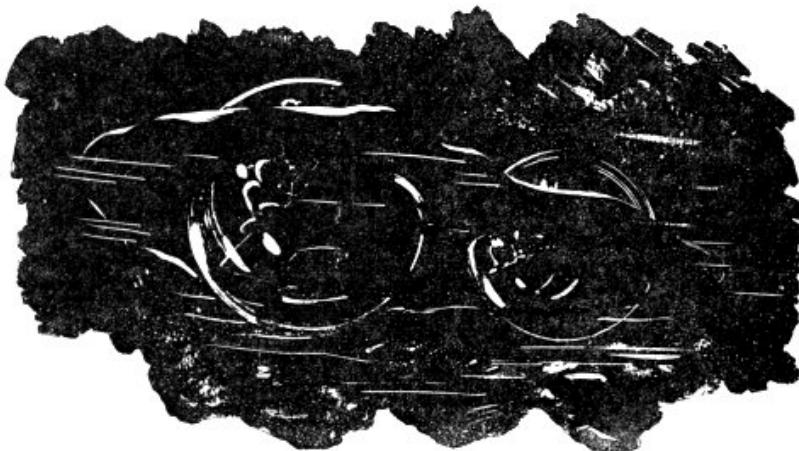
Да, «Скат-1», зажатый чем-то похожим не то на мускулы, не то на ткани, почти наполовину утопленный в чем-то, высывался краем диска мне навстречу. Кабина светилась. Внутри, словно в фантастическом аквариуме, виднелись две движущиеся тени.

Так состоялась наша встреча. Я немедленно включил свет, и меня тотчас же заметили.

Я не мог подвести свою кабину вплотную к кабине Калабушева — Титова, и очень жаль.

Вверху и внизу у каждой кабины имелись люки, закрытые крышками, небольшие, но достаточные, чтобы пролез человек. Если бы я мог расположить свою кабину прямо над кабиной «Ската-1» или под ней, они закрепились бы наглухо и образовали один корабль с двухэтажной рубкой. Мы свободно общались бы и могли даже плыть, не разъе-

диняясь: движители-плавники работали бы в такт, в общем ритме. Правда, в тесном помещении, где мы находились, такая «двойка» не обладала бы хорошей проходимостью, но в нашем положении, может быть, лучше как раз увеличение масштабов. А объединение усилий существенно сыграло бы в нашу пользу.

Вообще, когда ты не один, это уже в сто раз лучше. Я подогнал свой «Скат» вплотную к ребятам. Мы отрегулировали освещение, чтобы хорошо видеть друг друга. Титов, коренастый и низкорослый, сидел в кресле, чуть вобрав голову, с обычным своим спокойным видом. Калабушев приветствовал меня восторженно, подняв обе руки. Это был блондин с очень светлыми волосами и какой-то плоский в телосложении. Идеальная фигура для спелеолога. Проскользнет там, где мы с Титовым застрянем, словно пробка, запихнутая в бутылку.

— Как дела? — спросил я.

Связь между нами действовала отлично.

— Мы тебя ждали, — сказал Титов. — Я все гадал, кто придет к нам.

Достаточно было на него взглянуть, чтобы понять: он ни минуты не сомневался, что помочь прибудет, и просто

ждал ее. С ним все было ясно.

— А вам как нравится обстановка? — поинтересовался я у Калабушева.

— Изумительно! — воскликнул он. — Можно только мечтать.

По лицу его расплылась блаженная улыбка.

«Так, — подумал я. — Тут тоже ясно».

— Ну, а что вы скажете насчет змея? — задал я третий вопрос.

Титов молча пожал плечами.

Калабушев безнадежно махнул рукой.

Я помолчал немного. Мне не очень хотелось выглядеть дураком в их глазах. Но не померещилось же мне все то, что произошло!

— Как же будем выбираться? — спросил я.

Титов снова пожал плечами.

— Тем же способом, — заметил он спокойно, — ты вытащишь нас за хвост — и все.

— Даже жалко расставаться, — с огорчением произнес Калабушев. — Но мы еще сюда вернемся, — утешил он себя.

— Ну, что ж, за хвост, так за хвост, — сказал я. Мне нужны были какие-то решительные действия. — Не будем откладывать.

Я развернул свой «Скат» таким образом, что его «нос» лег слегка на «хвост» «Ската-1» (вообще-то понятия «нос» и «хвост» для «Скатов» довольно относительны). Мы включили присосы, и наши корабли образовали одно целое. Хвост моего «Ската» заработал вовсю. Но «Скат-1» засел крепко. Мой «Скат» вертелся и изгибался, как ерш на крючке, а «Скат-1» стоял, как на мертвом якоре.

— Действуй и ты, — бросил я Титову.

Он включил свою машину. Теперь поднялась такая волна в таинственных, темных недрах, что любое существо, если бы мы находились внутри него, почувствовало бы толчки.

Однако все вокруг оставалось непоколебимым, как гора. Я впервые совершенно отчетливо ощутил, что мы находимся в подземном ходе внутри подводной горы. «Скат-1» от совместных усилий двух машин начал выскользывать из

своих зажимов и наконец вышел на свободу.

Мы решили плыть, не расцепляясь. Опыт показал, что это надежнее, чем действовать поврозь. А конструкторы предусмотрели и такой вариант: два или даже три «Ската» могли идти цепочкой. Более продуманной и безопасной конструкции подводного судна я еще не видел.

— Пошли к выходу, — оживился Титов.

Но тут гидрофоны донесли какой-то странный шум. Потом нас качнуло. Затем все успокоилось. Но что-то вокруг изменилось.

— Нет течения, — сказал Калабушев.

Действительно, течение, все время тянувшее «Скаты» куда-то в глубь хода, приостановилось.

— Обрушились своды, — сказал Калабушев. Он показал в направлении входа.

— Надо разведать, — предложил Титов.

Больше ничего не оставалось делать. Мы двинулись осторожно, готовые отскочить назад в случае внезапной опасности.

— Как вас занесло сюда? — спросил я Титова.

— Именно занесло, — сказал он сокрушенно. — Понимаешь, мы шли вдоль каньона, а в стенке — с правой стороны — все попадались какие-то отверстия. Одно из них показалось нам похожим на голову змея, вернее, на пасть, как она была сфотографирована телекамерой. Мы остановились, чтобы разглядеть получше. Я даже выключил двигатель. В этом и была ошибка. Течением нас затянуло, словно проглотило. Так неожиданно, что я со всего размаху треснулся головой о стенку кабины. Когда пришел в себя, вижу: сидим в какой-то щели, как клин в дереве.

— Я попытался включить двигатель, — пояснил Калабушев, — и дал передний ход. Ну и вогнал «Скат» в ловушку.

Мы продвигались почти беспрепятственно. Только два раза совсем ненадолго застревали в узостях. Прошлый раз их вроде не было. Но вот нос моего «Ската» уперся во что-то.

— Мы у самого выхода, — сообщил Калабушев. Он помнил все повороты и ориентировался в почти полном мраке

вполне уверенно.

— Выключим свет, — предложил Калабушев, — осмотримся.

Мы погасили огни. Первые две или три минуты я ничего не видел. Полный мрак. Потом начали выступать неясные очертания каких-то выступов и впадин. Вспыхнули и налились светом несколько ярких точек и, словно глаза неведомых хищников, уставились на нас. Возникли слабо мерцающие пятна. Все вместе напоминало картину Млечного Пути где-нибудь в районе Угольного Мешка.

— Это мы зажгли иллюминацию, — пояснил Калабушев.
— Вон как зафосфоресцировало.

Во время движения «Ската» я из своей освещенной кабины различал только отдельные пятна и словно протягивающиеся ко мне толстые щупальца. Сейчас я мог ориентироваться лучше. Мы находились в пещере, наполненной водой. Минут через шесть-семь, когда глаза привыкли к темноте, она обрисовалась бледными контурами.

Мне все стало ясно. Я попался на ту же приманку, что и Калабушев с Титовым. «Скат-2» так быстро втянуло в подземный ход, что мое воображение, раздраженное только что виденной картиной гигантского змея, создало впечатление, что тот же или новый змей набросился на меня. Я не думал, что у бывалых глубоководников могут так расшататься нервы!

Сейчас, когда нас захлопнуло, словно в мышеловке, создалось по-настоящему опасное положение. Инструкция недаром решительно запрещала и Титову и мне без особого разрешения входить в лабиринт Тумберлинка. Для меня основанием для входа в лабиринт могло служить лишь очевидное доказательство того, что именно в данном месте «Скат-1» проник внутрь подводной горы. Но я должен был получить подтверждение, что мне позволено идти в подземную разведку. Мы оба нарушили инструкцию, и оба ненамеренно. Правда, благодаря этим совпадающим обстоятельствам я, собственно, и нашел так быстро «Скат-1». В общем, все обошлось бы хорошо, если бы мы вышли из владений Плутона во владения Нептуна. Но нас отделяла от океана камен-

ная стена. Наши ультразвуковые ножи против нее, разумеется, бессильны. Конструкторы «Скатов» готовили ведь подводные суда, а не горнопроходческие комбайны.

— У тебя нет взрывчатки? — спросил Титов.

— Увы, — развел я руками.

— Ваше счастье, — прокомментировал Калабушев. — Сводам может надоест держать тяжесть горы, и она осядет: легкая дрожь — и камеры нет. Вас тоже. Вы что, не знаете капризов пещер?

— Это похуже, чем если бы нас проглотил гигантский змей, — подумал я вслух.

— Какой же должен быть змей, чтобы нас проглотить! — пожал плечами Титов.

— Змей должен быть метров шестьдесят, если не больше, — задумчиво сказал Калабушев. — Тот, о котором вы говорили, — пояснил он. О змеях он, вероятно, мог разговаривать в любой обстановке.

Титов не из тех людей, что тратят много времени на сожаления о случившихся неприятностях. По выражению его лица я догадывался, о чем он думал. Все мы, глубоководники, воспитаны на аксиоме: нет безвыходных положений. Правда, сейчас практического подтверждения обнадеживающей аксиомы я пока не видел.

— Закрыт главный вход, — сформулировал я задачу в самом общем виде, — но, может быть, есть запасный?

— Течение, — сказал Титов.

— Куда-то течение вело, — согласился Калабушев. — Ветер в пещере — значит, есть второй выход. Течение — то же самое.

В той же связке, но только мой «Скат» стал задним, мы двинулись обратно. Сиденья, кресла и приборы в «Скатах» перемещались вместе с внутренней сферой и могли принять любое положение. Мы просто перевернулись внутри «Скатов».

Снова перед нами «узости». Снова расширения. Я не очень хорошо разбирался в этих выступах и провалах. Но спелеолог Калабушев все узнавал. Думаю, что если бы не он, мы с Титовым застряли бы еще не один раз. Там, где ход

расширялся, в пещерах оказывались какие-то узкие щели, углубления, которые можно было принять за ходы, попадались и тупики. Течения, которое помогло бы ориентироваться, сейчас не было.

Вот мы попали, наконец, в то место, где я нашел «Скат-1». Мы сделали остановку.

Титов включил светоискатель — тонкий луч обежал рваное отверстие по контуру, выхватывая зубцы и выступы. Несколько зубцов Титов спилил ультразвуковой пилой. Потом осторожно повел «двойку» в отверстие. Первую кабину даже не царапнуло. Титов включил передний плавник и вытянул через «горлышко» мой «Скат».

Мы очутились в довольно просторной полости в недрах земли. Широкая, а главное, высокая, она тянулась метров на сто пятьдесят. Не меньше часа мы потратили на тщательное ее обследование, пока не убедились, что выхода нет.

— Но ведь течение входило сюда! — сказал Титов.

— Для воды есть и выход, — возразил Калабушев. — Нет выхода для нас.

— Посмотрим все дыры, через которые вода выходила, — предложил я. — Может быть, какую-нибудь удастся расширить.

Конечно, течение помогло бы нам отыскать все дырочки в подземном сите. Но Калабушев не зря имел специальность спелеолога. В конце концов он нашел под самым потолком узкую горизонтальную щель. Мы промерили ее ультразвуковыми локаторами: она шла, все время сужаясь, метров тридцать. О том, чтобы расширить эту глубокую трещину в толще пород, не могло быть и речи. Проскользнуть в нее не сумел бы человек даже в легком водолазном костюме. Словом, мы оказались закупореннымиочно и основательно — с обоих концов подземного хода.

— Самое скверное, — сказал Титов, — то, что нас не найдут: ведь вход завален.

— Да, разумеется, — спокойно подтвердил Калабушев. — Нет главного признака — скалы в форме развернутой пасти.

Упоминание о пасти змея вызвало в моем воображении вихрь картин.

— А я видел змея, — сказал я. — Перед тем, как попал в эту дыру.

Мы сидели сейчас лицом друг к другу. Титов и Калабушев повернули свою кабину. Получилось как бы маленькое совещание.

Калабушев взглянул на меня чуть испытующе. Он хотел уяснить: решил ли я вдруг разыгрывать товарищей в такой неподходящей обстановке? Или в моих словах заключался упрек ему: ведь мы очутились здесь, в конечном счете из-за его убежденности в существовании змея.

Титов воспринял мои слова иначе. Он, видимо, решил, что я хочу приободрить их. Какая-то разрядка для нервов, отвлечение мыслей на короткое время были действительно необходимы. Он охотно включился в «игру».

— И здоровый он был? — произнес он, откидываясь в кресле и приготавливаясь слушать занятные байки.

— Да метров сто, — сказал я, понимая, что получается в общем-то ужасно глупо. Мне не верят. И кто не верит? Те, кто, собственно, и разыскивал змея!

— Ну, что это за змей! — усмехнулся Титов. — Вот однажды...

— Должен вас предупредить, — вмешался вдруг Калабушев. — Что бы вы сейчас ни придумывали, вряд ли вам удастся превзойти «очевидцев», чьи рассказы занимают особый, отдельный шкаф в моей коллекции. Собирая материалы о морском змее и сортируя их, я выделял самые несолидные «свидетельства», самые бесшабашные истории, рассказанные пьяными матросами, в особый раздел под наименованием: «Чистый бред».

Меня разобрала досада. «Ты всю жизнь мечтал о встрече с морским змеем, — подумал я, — ты единственный человек, который верил в его существование, ты отправился специально на его поиски — и безрезультатно. И ты же высмеиваешь меня, единственного человека, который его видел». Но что я мог сделать? Мне оставалось подождать с рассказом о змее до более благоприятного момента. Но будет ли такой момент?

Я посмотрел на узкое лицо Калабушева. Он сосредоточенно думал. Теперь я понял секрет его мужества. Он просто привык к опасным ситуациям. И все. Спелеологи тоже занимаются не детскими игрушками. Сейчас он находился в привычной для него обстановке и привычно обдумывал положение.

— Есть какой-нибудь способ связаться с поверхностью? — спросил Калабушев. — Или с глубоководными судами, которые, конечно же, рыщут сейчас по каньону?

— Ультразвук не пробьет скалу, — сказал Титов.

— Радиоволны не пройдут сквозь гору, — заявил я. — Там пластины металлических руд. Кроме того, у нас направленный луч. Мы поддерживаем связь, так сказать, в пределах прямой видимости. Нашупать корабль вслепую почти невозможно.

— Мы, спелеологи, пользуемся проволочной связью, — сказал Калабушев. — Под землей это надежнее.

— «Скат» не для спелеологических исследований, — заметил я.

— Но вы же отправились в глубь лабиринта, — возразил Калабушев. — Значит, должны были выбросить буй и сматывать с катушки кабель — элементарное правило.

Я не стал объяснять, что в тоннеле очутился нечаянно. Сейчас было не до того.

— Значит, нужен провод, — рассуждал между тем Калабушев. — Кабельная связь. По крайней мере до каньона.

Он помолчал.

— Выходит, нужно искать, — заключил он. — Ну, что ж, за работу. — И деловитым тоном добавил: — Я думаю, нам лучше расцепиться.

— Где вы думаете искать кабель? — оторопело спросил я.

— Да здесь же, где же ему еще быть!

Титов пристально посмотрел на Калабушева.

— Вы думаете, что кто-то оставил его здесь?

— Не кто, а что, — возразил Калабушев.

— Что же? — спросил я. Калабушев не переставал меня удивлять.

— Течение, конечно, — сказал Калабушев. — И, увидев наши недоумевающие физиономии, добавил чуть нетерпеливо: — Куда же, по-вашему, девалась телевизионная камера, которая сфотографировала «пасть змея»? Пасть поглотила ее, то есть течение втянуло ее в тот самый проход, где находимся мы. Камера в яйцевидном корпусе. Значит, течение может катить ее до тех пор, пока не встретится слишком высокий порог или слишком узкая щель. И то и другое — в этом зале. Следовательно, здесь и нужно искать.

Нет, что там ни говори, а спелеологи — толковые люди. Мы нашли камеру через полчаса. Я нашупал ее локатором. Металл отозвался пронзительным писком в наушниках, едва я коснулся его невидимым лучом.

От камеры тянулся тонкий трос. Но самое для нас важное: в каком месте он оборвался? По теории вероятностей — скорее на более длинном отрезке, чем коротком. Тогда конец его должен выходить из-под земли. Теперь оставалось проверить теорию.

Я присосал камеру плавником. Затем включил внутренние проводники, по которым в плавник передавались электрические заряды. Эти проводники я, в свою очередь, подсоединил к антенне «Ската». У меня дрожали руки, но я старался не спешить. Внимательно глядя на стрелки, отрегулировал емкость. И вот он, решающий момент!

Едва я произнес: «Говорят «Скат-1» и «Скат-2». Перехожу на прием», — как гул голосов, усиленных бортовой аппаратурой, ворвался в обе кабины: «Где вы? Слышим хорошо. Что с вами? Отвечайте! Сообщите обстановку! Слушаем вас!»

На правах старшего в группе я коротко обрисовал наше положение. Постарался как можно точнее описать место, где должен находиться вход в коридор. Уж тут я показал, на что способен бывалый глубоководник! Я перечислил столько примет, что Калабушев буквально раскрыл рот.

— Однако вы наблюдательны, — произнес он, взглянув на меня серьезно. Видимо, до сих пор он полагал, что я умею только управлять «Скатом». Возможно также, что мои «шут-

ки» насчет морского змея подорвали авторитет глубоководников в его глазах.

Вот тут-то я и решил поразить его окончательно. Описав во всех деталях подводную обстановку, я счел нужным предупредить спасателей о морском змее. Я доложил — сухо, кратко, деловито — о внешнем виде и примерных размерах морского змея. При этом я скосил глаз на Калабушева. Лицо его выражало крайнее удивление. Титов же смотрел на меня просто как на сумасшедшего. Он столько плавал в глубинах Индийского океана, что верил в морского змея не больше, чем в Змея-Горыныча из детских сказок. Титова я понимал отлично, но тем большее удовольствие доставило мне изумление Калабушева.

На борту «Искателя» после моего сообщения наступила пауза.

— Ладно, капитан, — сказал наконец Агапов. — Держитесь! Сейчас вас вызволим.

Он передал еще несколько деловых указаний, но о змее даже не упомянул.

«Так, — сказал я сам себе, — там тебе тоже не верят».

На миг я ощущил положение Калабушева, который один на протяжении двадцати лет верил в существование морского змея, а остальные, слушая его, только пожимали плечами. Вот что значит быть упрямцем! Упрямство Калабушева вызвало у меня уважение.

«Хорошо, — решил я. — Тем сильнее будет эффект, когда я покажу снимки, зафиксированные в магнитной записи. В моих руках документальное доказательство».

Я вдруг испугался, что, может быть, аппаратура записи не сработала, и я так и останусь в глазах Калабушева, Титова и всех людей величайшим лгуном на свете. Обуреваемый нетерпением, я тут же включил маленький контрольный экран для проверки качества записи и, приложив ладони к лицу, чтобы не мешал посторонний свет, прокрутил катушку. На экране возник в миниатюре каньон, а через несколько секунд в него вползло сверху длинное извивающееся тело. Еще несколько кадров — и огромный морской змей с утолщением посередине туловища заплясал на фоне

каньона. Я даже невольно отодвинулся: настолько сильное впечатление производила картина.

— Отлично! — воскликнул я громко, выключив катушку. Я повеселел. А глядя на меня, повеселел и Титов.

— А здорово ты их! — подмигнул он мне. — Вот это розыгрыш! Я бы так не посмел...

Ему снова все стало ясно. Он был хороший товарищ.

Мы услышали звуки работающего бура, которые хорошо передавались по воде, затем что-то вроде серии слабых взрывов. И веселый голос в динамике произнес:

— Ну, вылезайте из норы.

Сцепившись в «двойку», мы направились к выходу.

По дороге я не утерпел и спросил Калабушева, что он думает о змее, которого я видел. Он отвечал уклончиво и, между прочим, сообщил, что при длительном пребывании в пещерах у людей, впервые очутившихся в подземном мире, иногда возникают не то чтобы видения, а как бы картины в мозгу, которые в первый момент трудно отличить от действительности. Я возразил, что наблюдал змея до того, как очу-

тился в подземном мире. Он в тех же осторожных выражениях заметил, что даже у него, излазившего самые дикие щели планеты, иногда во время пребывания под землей спутывается хронология впечатлений.

«Ну, ладно, — подумал я. — Осталось немного ждать».

Когда мы со всеми мерами предосторожности подтянулись к выходу, то увидели широкое отверстие.

Признаться, я вздохнул свободнее, когда мой «Скат» очутился в глубоководных просторах океана. Нет, пещеры не для меня. От этого ощущения многих тонн земли над тобой можно заболеть и галлюцинациями.

С наслаждением расправляя я мышцы рук и ног, точно гора давила меня там, внутри, своим весом. Мы расцепились и собирались всплыть на поверхность рядышком друг с другом. Метрах в пятидесяти глубоководный «Краб», освободивший нас из плена, подсвечивал нас лучами своих прожекторов. Я в порядке, так сказать, праздничной иллюминации тоже включил полный свет. С удовольствием оглядывал я теснину каньона и окружающую местность.

Оглянувшись назад, я вдруг увидел... Я трижды ущипнул себя. Потом отвел глаза и посмотрел снова... Огромный длинный змей, извиваясь, плыл прямо на меня. Может быть, его привлек свет? Отливающий серебристыми боками, он отчетливо был виден на фоне темной горы.

— Змей! — закричал я. — Змей!

Меня услышали и на «Скате-1» и на «Крабе». Все прожекторы устремились в ту сторону, куда показывала моя рука. Света было брошено столько, что змей сразу утонул в сияющем тумане. Но вот он повернулся и стал виден еще лучше, чем минуту назад.

— Бросьте, капитан! — сказал недовольным тоном Агапов. — Это уже не остроумно...

Титов покачал головой. Калабушев посмотрел на меня, как доктор на пациента. «С такими нервами нечего лезть в подземелья», — говорил его вид.

Происходило что-то ужасное! Никто не видел змея, кроме меня. Я же различал его отлично. Во всех деталях. Он плавно скользил вдоль склона горы и сейчас как-то особен-

но живо шевельнул хвостом. Я включил камеру. Надо думать, современная съемочная аппаратура не страдает галлюцинациями!

Пока я возился со съемкой, «Скат-1» приблизился ко мне вплотную и взял меня на буксир.

После этого я получил приказание — да, приказание! — передать управление «Скату-1». А когда я это выполнил — дисциплина у глубоководников в крови, — «Скат-1» потащил меня наверх.

На борту «Искателя» мне предложили переодеться, налили горячим молоком и уложили в постель. Агапов минут через десять навестил меня и внимательно выслушал рассказ о змее. Сказал, что просмотрит магнитную запись.

— Отдохните, — сказал он. — Через час у нас будет совещание по первым итогам. Вы в состоянии принять участие?

— Конечно, — сказал я. — Никаким особым лишениям я не подвергался. Час покоя — чисто формальный. Я могу идти сейчас на любую глубину.

— Хорошо, хорошо...

Я лежал и старался не думать о недавних происшествиях. Полагается давать полный отдых всему организму в час покоя. Поэтому я думал о разных пустяках. Незаметно я заснул.

Когда спустя час я вошел в кают-компанию, все были уже в сборе. Человек пятнадцать столпились вокруг стола и рассматривали что-то, лежавшее на обыкновенной тарелке. Агапов держал в руке лупу.

— Ага! — сказал он, увидев меня.

— Что это? — полюбопытствовал я.

— Ваш змей, — сказал Агапов.

Меня пропустили к столу.

На тарелке лежала какая-то ниточка. Что-то похожее на волос. Волос был изогнут в форме вопросительного знака.

— Не узнаете? — Агапов протянул мне лупу.

Я поднес ее к волосу и узнал... змея — серебряющиеся бока и вздутие посредине туловища. Хвост шевельнулся от качки, и мне показалось, что змей ожил.

— Водоросль. Прилепилась к наружной сфере вашего «Ската», — сказал Агапов.

Кто-то привел латинское название.

— Свободный конец колыхался от течения, — обернулся ко мне Титов. — Мельтешил у тебя перед глазами. Ну и перед объективом камеры, конечно. Проектировалась же эта бестия на дальний фон горы. Смещение масштабов.

— Типичный случай, — разъяснил Калабушев. — В моей коллекции насчитываются сотни две клятвенных, данных под присягой заявлений людей, которые стали жертвой такого же оптического обмана.

Я стоял, словно оглушенный. Типичный случай! Обыкновенный оптический обман!

— Что ж, капитан, — сказал Агапов, открывая или продолжая совещание, — вы свое дело сделали. Задание — разыскать «Скат-1», — можно считать, выполнено.

— Конечно, — сказал я, — если не считать, что находка сделана против моей воли, что я способствовал, вероятно, обвалу у входа своими неосторожными действиями и что если бы не находчивость Калабушева...

— Хватит! — решительно перебил меня Агапов. — Только что мы слушали, как сокрушался ваш коллега Титов, который считает себя виновным в том, что «Скат-1» попал в ловушку. Разумеется, вы проанализируете ваши действия и, надо думать, в следующее погружение пойдете обогащенными опытом. Но не надо забывать, — добавил он, — что и мы не сказали еще последнего слова в поисках. Мы облазили все норы, прослушали бы всю гору и распилили бы ее хоть пополам, чтобы извлечь вас за те две недели, на которые рассчитаны аварийные запасы кислорода и продовольствия на борту «Скатов». То, что вы, капитан, исчезли в теле горы, мы определили по характеру обрыва связи с вами.

— История, — покрутил головой Титов. — А что, — обратился он к Калабушеву, — вы по-прежнему верите в морского змея?

— А почему я должен не верить? — спокойно возразил узколицый спелеолог. — Прибавилось еще одно ложное свидетельство к сотням старых. Нет научного доказательства, но нет и научного опровержения.

— Ну, вы действительно упрямец!

— Что собираетесь поделывать, капитан? — обратился ко мне Агапов. — Мы тут собираемся предпринять одно...

— Знаете, — сказал я, — мне бы давно пора в отпуск. Я все откладывал, но вот...

— Отлично, — перебил меня Агапов. — Блестящая идея! Куда вы хотите?

— Вы говорили, что на Луне очень интересно? — спросил я Агапова. — Вы, кажется, были на обратной стороне?

— Да, но там плохая связь с Землей. Порой по целым неделям...

— Отлично, — сказал я. — Меня вполне устраивает. Сейчас соберу свой походный чемоданчик и, если вы подкинете меня к ближайшему космодрому...

Я вовсе не хотел слушать, как вся планета будет смеяться надо мной.

Конечно, никто не станет злорадствовать или хотя бы подтрунивать над бывалым капитаном-глубоководником, которому в силу чисто оптического обмана померещился морской змей в нашем просвещенном веке. Но ведь чувство юмора у людей есть. Я уж лучше пережду немного на обратной стороне Луны, а через неделю человечество наверняка будут занимать другие темы.

* * *

Уже находясь на Луне, я узнал, что Калабушев нашел своего морского змея. Два дня спустя они с Титовым совершили новый спуск в каньон и в соседней подводной пещере обнаружили целый выводок гигантских глубинных рептилиеподобных существ. Им разрешили — с соблюдением всех предосторожностей — заход в пещеру и даже отлов парочки змеев с помощью специальных сетей. Остальных решили не трогать, только оградили решетками все выходы из пещеры и напихали туда телекамеры, чтобы наблюдать чудовищ в естественной для них обстановке. Змеи оказались не такими уж огромными, как тот, что померещился мне, но все же достигали метров тридцати в длину — достаточно, чтобы наводить ужас на матросов какого-нибудь утлого парусника. Плавали они, извиваясь, как пиявки. На спине выделялся зубчатый вырост, и подобия плавников

выдавались около головы — не то недоразвитая форма, не то, наоборот,rudиментарные остатки прежних органов. Самое удивительное, что у змея было действительно три глаза.

Я узнал об этом из «Лунной газеты», которую забросили на обратную сторону планеты-спутника ракетной почтой. Газета посвятила событию две полосы пухлого номера, снабдив репортажи большущими фото. В общем, это и оказалось то событие, что отодвинуло в тень приключения некоего капитана-глубоководника. Я мог возвращаться к выполнению своих обязанностей.

Нет, но все-таки каково?!

Глеб Голубев

Из повести

«ГОСТЬ ИЗ МОРЯ»

(1967)

Гость из моря

<...>

Отправились вместе с нами на ловлю гигантских личинок опять Елена Павловна и Макаров.

Погружение шло уже привычным порядком. Опять быстро затухали красные лучи спектра, и казалось, будто в кабине становится холоднее. Когда тьма сгустилась, зажгли прожекторы, и они голубыми мечами начали рассекать ее.

Вот замелькали смутными, словно клубящимися тенями на границе освещенной зоны личинки. Волошин погасил прожекторы и включил звуковизор. Личинки сразу осмелились и стали подплывать к самому мезоскафу. Их змеящиеся изображения заполнили весь экран.

Время от времени по экрану пробегали зыбкие разряды.

— Видите, — сказал Волошин. — Перекликаются.

По его команде с «Богатыря» начали спускать прочную глубинную сеть. Личинки первыми обнаружили ее приближение и забеспокоились. Сергей Сергеевич был прав: заманить в сети их не так-то просто.

Через несколько минут решетчатое переплетение тонких капроновых нитей возникло и на экране.

Волошин уселся за пульт, и началось длительное маневрирование. Надо было встать так, чтобы сеть оказалась между мезоскафом и личинками. Волошин рассчитывал своим аппаратом как бы сбить, заглушить импульсы, посылаемые во все стороны личинками, чтобы они потеряли ориентировку и не заметили сети.

Давая по гидротелефону короткие указания на мостик «Богатыря», Сергей Сергеевич включал то один мотор, то другой, то сразу оба. В кабине стало довольно неуютно. Ее тряслось и дергало в разные стороны, словно грузовик, вдруг заехавший на болото. Мы цеплялись за что попало и все-таки порой ощутительно стукались о холодные мокрые стенки.

Наконец толчки прекратились. Мезоскаф недвижно повис в воде.

Волошин включил сразу все прожекторы и устало сказал:

— Готово.

Я приник к иллюминатору и увидел, как всего метрах в шести от мезоскафа бились в сети пойманные личинки. Теперь они никуда не могли спрятаться от света наших прожекторов. Отчетливо были видны гибкие, извивающиеся тела угрей.

Подтянув к себе поближе микрофон, Волошин кашлянул и проговорил, повысив голос:

— На «Богатыре»... Вира помалу. Поднимайтے!

— Подождите! — остановил я его.

— Почему?

— Там что-то виднеется...

— Где?

— На границе света, левее сети, видите? Что-то большое, длинное.

— Где?

Или громадное, уходящее во тьму продолговатое тело лишь померещилось мне в синеве на границе света наших прожекторов и вечной тьмы?

Нет!

— Там в самом деле кто-то прячется, — тихо пробормотал Волошин. — Видите, Елена Павловна?

— Кажется, вижу, — откликнулась она от своего иллюминатора.

— Нельзя ли подойти поближе? — попросил Макаров.

— Оно уйдет. Оно явно избегает света, — ответил Волошин, шаря рукой по пульте в поисках нужного переключателя.

Это словечко «оно» звучало таинственно и немного зловеще. «Так говорят о привидениях в старинных романах», — промелькнуло у меня в голове.

Свет прожекторов погас. Мы все с нетерпением смотрели, как медленно разгорается серебристое сияние экрана...

Было совершенно непонятно, что мы увидели. Похоже, какая-то огромная толстая труба заняла почти весь экран. Но она двигалась...

Она живая!

— Вы будете смеяться, но мы таки встретились с легендарным «морским змеем», — медленно проговорил Волошин, не сводя глаз с этого странного изображения.

Что это за существо? Как же оно велико, если на экране умещается лишь небольшой кусочек его громадного тела?!

Волошина снова подстегнули.

— На «Богатыре»! — закричал он в микрофон. — Распустяте сеть! Немедленно распускайте сеть!

— Что случилось? — встревоженно спросил репродуктор голосом Логинова. — А личинки?

— Личинки подождут. Никуда они не денутся, наловим снова.

— Но что все-таки случилось? Отвечайте, Волошин.

— Вижу «морского змея»! Не пугайтесь, шеф. Не «зеленого змия», а обыкновенного, морского. Сейчас будем его ловить, как вы обещали. Он сам просится в гости!

После длинной паузы Логинов ответил:

— Хорошо, выпускаем личинок. Только будьте осторожны, Сергей Сергеевич. Слышите?

— Слышу, слышу, — торопливо ответил Волошин, опять занявшийся своими бесчисленными кнопками и переключателями.

Снова нас начало дергать и раскачивать. Заманить в сеть «морского змея» оказалось потруднее, чем личинок. Несколько раз Волошин уже считал, что загадочный обитатель океанских глубин пленен, но в последний момент он выскальзывал из сети, и трудную охоту приходилось начинать сначала.

Пот лился по лицу Волошина. Он уже дважды просил меня вытереть ему лоб платком:

— Глаза щиплет, ничего не вижу...

Щелкая переключателями, Сергей Сергеевич бормотал, словно заклинание:

— Ловись, рыбка, большая и маленькая... Ловись, рыбка, большая и маленькая. Ловись...

Договорить он не успел.

Из репродуктора вдруг раздался тревожный голос Логинова:

— Он рвет тросы! Один трос уже лопнул...

— Значит, попался! — ликующее воскликнул Волошин.

И в тот же миг мезоскаф загремел, наполнился гулом от сильного удара, и нас начало швырять, словно игрушку, подхваченную расхалившимся щенком!

Меня сбило с ног, и я катался в кромешной тьме по полу, тщетно стараясь за что-нибудь уцепиться и в то же время не переломать себе рук.

— Лена, держись крепче, — начало этой фразы Макаров выкрикнул из одного угла, а окончание ее донеслось уже совсем с другой стороны. Видно, он тоже катался по кабине.

— Волошин, что случилось? Что случилось? Отвечайте! — загремел в репродукторе голос начальника экспедиции.

Короткая пауза, потом в репродукторе послышались чьи-то встревоженные отдаленные голоса...

И снова голос Логинова:

— Порвался еще один трос. Что случилось? Отвечайте!

А нас все швыряло, мотало, раскачивало. Что это могло быть?!

— Он зацепил нас, — вдруг спокойно, почти не повышая голоса, проговорил в темноте Волошин. — Вы слышите меня, Андрей Васильевич?

— Слышу.

Кашлянув, Волошин добавил:

— Я вынужден убить его.

— Разумеется! Немедленно, — ответил Логинов.

Голос Волошина доносился от пульта управления. Совершенно непонятно, как он там удержался...

И вдруг мезоскаф еще раз как-то судорожно тряхнуло — и загадочная качка прекратилась.

Щелкнул выключатель.

— Все целы? — спросил Волошин.

Вцепившись в подлокотники кресла, он осматривался по сторонам, щурясь от света.

— Елена Павловна, Ваня, как вы?

— Кажется, цела, только... — Елена Павловна не успела договорить. Ее прервал голос Логинова из репродуктора:

— Почему молчите? Держите связь непрерывно. Не выключайте микрофон.

— Я не выключаю, — ответил Волошин. — Разбираемся в обстановке.

Внимательно осматривая приборы на пульте, он одновременно массировал себе то одну руку, то другую, сгибая и разгибая пальцы, словно пианист, уставший от долгих упражнений.

Елена Павловна, потирая плечо, заглядывала в иллюминатор.

— Сергей Сергеевич, а прожекторы включить нельзя? — спросила она.

— Что? — рассеянно откликнулся Волошин. — Ах, прожекторы! Можно. Теперь уже можно. Пожалуйста. Вы ушиблись?

— Пустяки, немножко. Но в мой иллюминатор почему-то ничего не видно.

Волошин подошел к Елене Павловне, заглянул в иллюминатор, потом перешел к соседнему...

— Все ясно, — сказал он. — Висит как раз на этом борту.

— Да. С той стороны свет в иллюминаторах виден, — подтвердил Макаров.

Значит... Я не успел еще сообразить всего до конца, как Волошин подтянул к себе микрофон и начал говорить:

— Андрей Васильевич, докладываю. Мезоскаф цел и невредим, но сеть с этим морским чудом висит у нас на правом борту.

— Всплыть вы можете? А то уцелел лишь один трос...

— Ясно. Сейчас я проверю винт вертикального подъема.

Чудесное спасение

Все мы молча следили, как Сергей Сергеевич включил мотор. Он загудел натужно, с надрывом, и Волошин поспешно выключил его.

— Винт не работает, видимо, обмотан сетью, — сказал Волошин в микрофон. — Я сейчас сброшу аварийный балласт. Как только начнем всплывать, выбирайте сеть. Только не дергайте, трос может порваться...

— Понял вас. Действуйте, — было слышно, как Логинов приказал кому-то вполголоса: — Внимательно следите за тро-сом.

Волошин положил руку на красную кнопку, чуть-чуть по-медлил и нажал ее.

Ничего... Лишь вроде мезоскаф слегка качнуло.

— Что у вас? — негромко спросил Сергей Сергеевич.

— Вы сбросили балласт? — ответил вопросом Логинов.

— Да.

— Трос дал лишь маленькую слабину. Мы не решаемся его выбирать.

— Пожалуй, правильно, — согласился Волошин и, повернувшись к Елене Павловне, вдруг спросил: — Как по-ва-шему, сколько может весить это морское страшилище?

— Трудно сказать. Ведь мы же его так и не видели.

— Ну примерно. Тонн десять потянет?

— Возможно, — ответил, кивнув, Макаров.

— Понятно. Вы слышали, Андрей Васильевич?

— Слышал.

— Вы там посовещайтесь, а мы тоже будем думать. — Обведя нас глазами, Волошин спросил: — Ситуация всем ясна?

Ему никто не ответил. Теперь уже каждому из нас стало ясно, что же произошло.

Попавший в сети «морской змей» начал так резко бро-саться из стороны в сторону, что задел мезоскаф. Сеть за-цепилась за винты, вероятно, за стойки прожекторов и дру-гие выступающие части. Всплыть мы не можем: пойман-ная «рыбка» держит нас всей своей многотонной тяжестью.

Вот тебе и ловись рыбка... Кто кого поймал?

И вытащить нас, выбирая сеть, не могут. Вряд ли выдер-жит единственный уцелевший трос, а ведь это последняя ни-точка, связывающая еще нас с миром.

Раз уж сброшенный балласт не помог, дело плохо.

Но как же Волошин ухитрился убить этого гиганта? Еще несколько секунд, и было бы поздно. Наверняка бы оборвался последний трос.

А что толку, хоть он и уцелел? Все равно ведь поднять нас не могут. Если бы можно было выбраться сейчас из мезоскафа и простым ножом разрезать сеть, отцепиться от пленившего нас груза! Всего несколько сантиметров стальной стенки. Но за нею такое давление воды, что не выдержит никакой водолазный костюм. Второго мезоскафа на «Богатыре» нет. Значит, некому нас спасать...

— Сергей Сергеевич, вы меня слышите? — раздается из репродуктора.

— Да.

— Мы приняли такое решение... — Логинов на мгновение замолкает, потом заканчивает: — К вам идет Казимир Павлович.

Пауза.

Очень длинная пауза.

— Вы меня поняли? — спрашивает Логинов.

Кашлянув, Волошин отвечает:

— Да. Но мне кажется...

— Я тоже решительно против! — Елена Павловна порывисто вскакивает, подходит к микрофону и повторяет громче: — Андрей Васильевич, это безумие! Вы должны запретить.

— Но это единственный выход, Елена Павловна, вы же понимаете, — тихо доносится из репродуктора.

— Андрей Васильевич, ведь еще ни разу не пробовали, — говорит сумрачно Макаров.

— Бек уверяет, что вся методика отработана. Он представил нам протоколы испытаний в барокамере. До двухсот атмосфер.

— Андрей Васильевич, позовите Казимира Павловича к микрофону, — перебивает Елена Павловна.

— Его нет в рубке. Он готовится к погружению. Что ему передать?

Елена Павловна качает головой, отмахивается от репродуктора и уходит в свой темный угол.

— Сергей Сергеевич, дайте полный свет и будьте внимательны, — помолчав, говорит Логинов.

— Понятно.

— Этот ваш «морской змей» мертв?

— Вполне. Десять тысяч вольт! Могу ударить еще раз, но он не подает никаких признаков жизни.

— Хорошо. Только все-таки посматривайте за ним. В воде нет никаких изменений?

— Сейчас возьмем пробу, — Волошин оглянулся на Елену Павловну.

— Я сейчас сделаю, — сказал Макаров.

Он начал брать пробу забортной воды, а мы смотрели и ждали.

Значит, вот как убил Волошин это неведомое морское чудище — электрическим разрядом высокого напряжения!

Похоже, что «морской змей» сражен наповал. Он ни разу не шевельнулся после удара током, мы бы сразу это почувствовали. Но зачем все-таки пробы воды, все эти приготовления?... К чему? И как именно Бек будет нас спасать?

Я хотел спросить об этом Волошина, но тут Макаров закончил возиться с пробирками и сказал:

— Все нормально. Передайте, пожалуйста, Казимиру Павловичу, анализ совершенно нормальный, никаких добавочных примесей.

— Хорошо, — немедленно откликнулся из репродуктора Логинов. — Он идет к вам. Ждите.

— Сколько займет погружение? — спросил Волошин.

— По его расчетам, около часа.

— Пусть покажется с левой стороны. Иллюминаторы правого борта у нас закрыты.

— Ясно, — в репродукторе что-то щелкнуло. Видимо, Логинов выключил его.

Этот час, наверное, был самым длинным в моей жизни. Мы все молчали, до боли в глазах всматриваясь в голубоватое сияние, клубившееся за иллюминаторами.

Боясь пропустить момент появления нашего спасителя, я спросил у Волошина:

— Сергей Сергеевич, а в каком скафандре он спускается? И почему именно Бек? Ведь есть водолазы и молодые.

Воюшин несколько мгновений непонимающе смотрел на меня, потом помотал головой и сердито ответил:

— Он спускается без скафандра. Ясно? В простом акваланге.

В обычном акваланге на такую глубину?!

Покосившись на Воюшина, я снова еще плотнее приник к иллюминатору. И вот я увидел...

Мы все увидели человека в акваланге, в гидрокомбинезоне с капюшоном непривычной формы, спускающегося к нам на выручку.

Он плыл так легко и свободно, словно нырял где-нибудь среди прибрежных рифов, а не впервые погружался без всяких громоздких скафандров и стальных батискафов на глубину полутора километров!

Из мундштука вырывались пузырьки воздуха и веселой цепочкой уносились наверх, к солнцу.

Бек приветственно и успокаивающе поднял правую руку... Как он может двигаться с такой легкостью? Ведь на него давит страшная тяжесть водяного слоя полуторакилометровой толщины!

Хотя Казимир Павлович, рассказывая мне о своих опытах, и напоминал всегда, что тяжесть окружающей воды уравновешивается, исчезает, если точно таким же будет противостоящее ей внутреннее давление жидкости и воздуха в живом организме, — поэтому и не погибают глубоководные рыбы.

Я сам не раз видел этих рыб, свободно плавающих на большой глубине. Но человек...

В это трудно поверить, даже видя собственными глазами. Значит, Казимир Павлович разгадал-таки секрет единственного «алито»! И как необычно ему выпало осуществить свою мечту — нырять впервые на такую глубину ради спасения товарищей.

Бек что-то делал, держась обеими руками за пояс...

Вот в правой руке его тускло сверкнуло лезвие кинжала... Еще раз ободряюще помахав нам, Казимир Павлович

скрылся из глаз.

Я старался представить: вот сейчас он перерезает одну нить, вторую...

— Вы видите его? — заставив меня вздрогнуть, встревоженно спросил репродуктор. — Он должен быть возле вас.

— Он уже начал обрезать сеть, — ответил Волошин. — Все в порядке...

— Почему же сразу не сообщили?

По тону Логинова мы все почувствовали, как же они волнуются там, на борту «Богатыря», и за нас и за Казимира Павловича. Ведь они-то его не видят, и никакой связи с ним нет.

Прошло двадцать пять минут. За это время я раза четыре подносил часы к уху: мне казалось, будто они остановились. Волошин тоже то и дело поглядывал то на свои часы, то на главные, прикрепленные над пультом.

И все-таки как ни ждали мы этого момента, он наступил совершенно неожиданно!

Мезоскаф вдруг качнулся и начал плавно подниматься...

В иллюминаторы правого борта, теперь тоже очистившиеся, мы еще успели увидеть какую-то темную удаляющуюся массу. Это была сеть с едва не погубившим нас мертвым морским чудовищем.

А немного в стороне — человек в акваланге, приветственно поднявший руку.

Он тоже быстро удалялся. Мы упливали, а он оставался один в этих мрачных глубинах, в непроглядной тьме...

— Сергей Сергеевич, Бек там остался! — воскликнул я.
— Подождите его!

— Не могу! — ответил Волошин, пожав плечами. — Ведь мы сбросили аварийный балласт...

Да, нас теперь ничто не удержит на глубине. Мезоскаф будет всплывать, как пробка, пока не окажется на поверхности.

— Но почему он не уцепился за мезоскаф? Всплывал бы вместе с нами.

— Нельзя, — покачал головой Волошин. — Ты что, забыл все законы физики? Это переживания на тебя так действовали? Ему нужно подниматься осторожно, с остановками, иначе — кессонная болезнь, смерть.

Тьма за стеклами иллюминаторов постепенно отступала. Вокруг быстро светлело, словно занимался рассвет. И через двадцать четыре минуты мы уже видели солнце, ярко сияющее над морем, и синее небо, и белый борт «Богатыря» совсем недалеко от нас!

Но тревога за товарища, освободившего нас из подводного плена и теперь медленно поднимавшегося где-то в полном одиночестве и во тьме, как-то приглушила радость спасения. И друзья, толпившиеся на палубе «Богатыря», смотрели не на всплывающий мезоскаф. Все не сводили глаз с того места, где вскипали на поверхности воды вырывавшиеся из глубины воздушные пузырьки...

Почему их мало?

Нет, это мне лишь кажется... Во всяком случае, пузырьки появляются непрерывно. Значит, все в порядке.

А вот и наш спаситель! Его голова показывается из воды. Он плывет к «Богатырю», не снимая маски.

Навстречу уже спешит шлюпка, дожидавшаяся у трапа. Все матросы в ней так спешат помочь Казимиру Павловичу выбраться из воды, что едва не переворачивают ее. Но даже наш строгий капитан на такую промашку лишь молча грозит с мостика кулаком, но никаких грозных слов в мегафон высказать не решается.

Казимиру Павловичу помогают подняться по трапу. Мы видим, как его обнимают, целуют. Жаль, что наш мезоскаф еще покачивается у борта «Богатыря» и мы пока не можем отблагодарить нашего спасителя...

А когда настает наша очередь и мы тоже поднимаемся на борт, переходя из одних дружеских объятий в другие, Казимира Павловича уже не видно. Конечно, его захватили врачи и теперь долго станут донимать всякими анализами и профилактическими процедурами.

Мы обнимаемся, жмем протянутые со всех сторон руки, отвечаем сразу на десяток вопросов, сыплющихся со всех сторон.

Над палубой вдруг раздался какой-то странный звук — басовитый, протяжный, гудящий...

Мы переглядывались, не понимая, в чем дело.

— А-а! — бросаясь к борту, вскрикнул Волошин. — Лопнул последний трос. А я-то надеялся все-таки выудить этого зверя!

Да, мезоскаф перестал поддерживать сеть, последний трос не выдержал тяжести «морского змея» и лопнул. Так мы и не увидим его...

— Жалко, — вздохнул Волошин. — Но нельзя же лишать океан сразу всех загадок. Ничего, доберемся еще и до «змея»!

Всеволод Иванов

ЗМИЙ

(1969)

Но в чем и как выразилась здесь моя воля? Ведь случайность, не более, что я увидал этого Змия? Воля в том, что я, стремясь много лет к фантастическим темам, сам увидал нечто фантастическое в жизни, что и дало мне основание доделать книгу фантастических рассказов.

В 1952 г. я жил весной на берегу моря, в местечке Коктебель, в Крыму, возле Феодосии.

Для тех, кто любит наблюдать перемену красок и игру света, Коктебель одно из прелестнейших мест Советского Союза. Хамелеон, горы, море.

В местечке отличный пляж с цветными камушками, из которых любители составляют дивные коллекции.

Если встать лицом к морю, ногами на обточенные морем кусочки яшмы, халцедона и кварца, налево и позади от вас будут пологие голые холмы, цветом напоминающие холмы в степях Казахстана. На одном из холмов находится могила поэта М. Волошина, страстного любителя Коктебеля. Он приглашал сюда поэтов и художников. В дни своей молодости я видел здесь А. Белого, В. Брюсова. Здесь в 1917 году жил полтора месяца М. Горький.

Самое изумительное в Коктебеле — это Карадаг, остаток потухшего вулкана; впрочем, не стоит жалеть, что вулкан в основной массе своей упал в море, это было бы совсем страшно, если б он остался. Центр Крыма сейчас — Ялта, Ливадия, Алупка, Алушта, тот пленительный край с мягким климатом, который мы все так любим. А представьте, что высилась бы громада в 3-4 километра вышиной, очертания и весь характер Крыма, да и не только Крыма, приобрели бы совсем другое значение. Уберите вы с Кавказа Казбек, Эльбрус и еще пять-шесть подобных же вершин, и Кавказ, кто знает, приобретет более мирный вид, и история его стала бы более мирной, во всяком случае Прометея не к чему было бы приковывать, а отсюда человечество не имело, может быть, огня, что не так плохо, если говорить об огне хотя бы артиллерийском.

На много дум наведет вас Карадаг, и это едва ли не лучшее из удовольствий, которые мы получим с вами.

М. Волошин любил называть это место Кимерией. Он утверждал, что именно у скал Карадага претерпел многие приключения Одиссей, что напротив, на холмах, против бывшей электрической станции, через ручей, рядом с горой, где ломают и поныне строительный темно-коричневый камень, откуда доносятся взрывы и где постоянно снуют грузовики, находился греческий акрополь. Недавние раскопки доказали, что храм. Греки, византийцы, скифы, генуэзцы, татары, русские, немцы, опять русские, а теперь украинцы, — народу здесь перебывало немало, хотя, если вдуматься, Крым не велик и не может похвастать минеральными богатствами. Говорят, он был житницей зерна во времена Византии. И стены Константинополя, говорят, построены на том же цементе, который добывался недавно на Зеленой горе. Сейчас эти разработки заброшены, сырье — цемент — возили в Новороссийск, нашли его ближе.

Весна 1952 г. в Коктебеле была холодная и дождливая. Еще апрель был туда-сюда, а май дождлив и холоден. Все же я часто ходил в горы, преимущественно к подножию скалы по имени Чертов палец, или к трем соседним ущельям, где долбил сердолики и халцедоны. Много раз, переходя от скалы к скале, ища бледные аметисты, я спускался незаметно вниз, а затем с обрыва, по крутым спуску, цепляясь за кустарники и камни, спускался к берегу бухты, которую с двух концов запирали крутые базальтовые скалы, ступенчатые, темные. Когда мне не хотелось карабкаться вверх, я обходил или оплывал базальтовые скалы, переплывая бухту, соседнюю с Сердоликовой.

14 мая, после длительных холодов, наступила безветренная теплая погода.

Предполагая, что во время бурь море выкинуло на берег немало цветных камушков, я прошел опять мимо Чертова пальца, по ущелью Гяур-Бах, а затем, чтобы не тратить много времени на трудный спуск к берегу моря в Сердоликовую бухту, на скале, возле дерева, откуда видна вся бухта, ширина которой метров 200-250, я привязал веревку и легко спустился с ее помощью вниз, оставив ее в траве.

Море, повторяю, было тихое. У берега, среди небольших камней, обросших водорослями, играла кефаль. Подальше, метрах в ста от берега, плавали дельфины. Очевидно, они и загнали сюда кефаль. Улов камушков, сверх ожидания, был небогатый. Я выкупался в море. Достал термос с горячим кофе. Запил его водой из струи, которая струилась из долины, по стене, поел хлеба, хотел закурить трубку, но решил покурить и отдохнуть в тени, когда поднимусь наверх к дереву, к которому была привязана моя веревка.

Жара усиливалась.

Обувь у меня была удобная, палка хорошая, камни не отягощали рюкзака, я без труда поднялся на скалу и сел возле своей веревки. Отвязав ее, подняв и смотав в круг, я положил его на землю, сел на него, достал кисет, набил трубку, закурил и решил посмотреть, как в бухте охотятся за кефалью дельфины.

Дельфины стайкой двигались по бухте влево. Должно быть, туда передвинулась кефаль. Я перевел глаза вправо и как раз посредине бухты, метрах в 50 от берега, заметил большой, метров 10-12 в окружности, камень, обросший бурыми водорослями. В своей жизни я много раз бывал в Коктебеле и в каждое посещение несколько раз бывал в Сердоликовой бухте. Бухта не мелка, глубина начинается шагах в десяти от берега, — а этого камня в середине бухты я не помнил. От меня до этого камня было метров 200. Бинокля со мной не было. Я не мог рассмотреть камень. И камень ли это? Я отклонился назад, поставил «глаз» против сучка дерева и заметил, что камень заметно уклоняется вправо. Значит, это был не камень, а большой клубок водорослей, вырванных бурями. Откуда принесло их сюда? Может быть, их прибыло течением к скалам и мне стоит посмотреть на них? Я забыл дельфинов.

Покуривая трубку, я начал наблюдать за клубком водорослей.

Течение, по-видимому, усиливалось. Водоросли начали терять округлую форму. Клубок удлинялся. В середине его показались разрывы.

А затем...

Затем я весь задрожал, поднялся на ноги и сел, словно боясь, что могу испугать «это», если буду стоять на ногах.

Я посмотрел на часы.

Было 12.15 дня. Стояла совершенная тишина. Позади меня, в долине Гяур-Бах, чирикали птички, и усиленно дымилась моя трубка.

«Клубок» развертывался.

Развернулся.

Вытянулся.

Я все еще считал и не считал «это» водорослями до тех пор, пока «это» не двинулось против течения.

Это существо волнообразными движениями плыло к тому месту, где находились дельфины, т. е. к левой стороне бухты.

По-прежнему все было тихо. Естественно, что мне пришло сразу же в голову: не галлюцинация ли? Я вынул часы. Было 12.18.

Реальности видимого мной мешало расстояние, блеск солнца на воде, но вода была прозрачна, и оттого я видел тела дельфинов, которые были вдвое дальше от меня, чем чудовище. Оно было велико, очень велико, метров 25-30, а толщиною со столешницу письменного стола, если ее повернуть боком. Оно находилось под водой на полметра-метр и, мне кажется, было плоское. Нижняя часть его была, по-видимому, белая, насколько позволяла понять это голубизна воды, а верхняя — темно-коричневая, что и позволило мне принять его за водоросль.

Я был одним из многих миллионов людей, которому суждено было увидеть это чудовище. Наше воспитание, не приучавшее нас к появлению чудес, тотчас же начало мешать мне. Я начал с мысли — не галлюцинация ли это? Нашупал горячую трубку, затянулся, посмотрел на скалы и еще раз вынул часы. Все это мешало мне наблюдать, но в конце концов я подумал: «Ну и черт с ней, если и галлюцинация! Буду смотреть».

Чудовище, извиваясь, так же как и плывущие змеи, не быстро поплыло в сторону дельфинов. Они немедленно скрылись.

Это произошло 14 мая 1952 года.

Первой моей мыслью, когда я несколько пришел в себя, было — надо немедленно спуститься ближе к берегу. Но сверху, со скалы, мне виднее, а если бы я пошел вниз, то, возможно, какая-нибудь скала закрыла бы от меня чудовище или оно могло скрыться. Я остался на прежнем месте. Я видел общие очертания, но не заметил частностей.

Я, например, не видел у чудовища глаз, да и как под водой я мог их видеть?

Угнав дельфинов и, может, быть, и не думая за ними гнаться, чудовище свернулось в клубок, и течение понесло его опять вправо. Оно снова стало походить на коричневый камень, поросший водорослями.

Отнесенное до середины бухты, как раз к тому месту или приблизительно к тому, где я его увидел впервые, чудовище снова развернулось и, повернувшись в сторону дельфинов, подняло вдруг над водой голову. Голова в размер размаха рук похожа была на змеиную! Глаз я по-прежнему не видал, из чего можно заключить, что они были маленькие. Подержав минуты две голову над водой, — с нее стекали большие капли воды, — чудовище резко повернулось, опустило голову в воду и быстро уплыло за скалы, замыкавшие Сердоликовую бухту...

Я посмотрел на часы. Было без трех минут час. Я наблюдал за чудовищем сорок минут с небольшим.

Справа поднимаются скалы очень крутые, и в соседнюю бухту попасть было невозможно.

Я поспешил домой.

Мария Степановна Волошина, являющаяся хранительницей всех коктебельских преданий и обычаев, рассказала, что в 1921 году в местной феодосийской газете была напечатана заметка, в которой говорилось, что в районе горы Карадаг появился «огромный гад» и на поимку того гада отправлена рота красноармейцев. О величине «гада» не сообщалось. Дальнейших сообщений о судьбе «гада» не печаталось. М. Волошин послал вырезку «о гаде» М. Булгакову, и она легла в основу повести «Роковые яйца». Кроме того, М. С. сказала, что в поселке тоже видели «гада», но недавно, а

знает подробности Н. Габричевская, жена искусствоведа Габричевского, которая живет в Коктебеле безвыездно.

Н. Габричевская рассказала следующее:

Ранней весной этого года, по-видимому, в первых числах марта, соседка Габричевской, колхозница, переехавшая сюда недавно из Украины, прибежала, проклиная эти места. Недавно была буря. Дров в Коктебеле мало, а после дождей и весной ходить за валежником в горы трудно. На берегу же после бурь находят плавник. Колхозница и пошла собирать дрова. Она шла берегом моря, мимо так называемой «могилы Юнга», все дальше и дальше вдоль берега обширной Коктебельской бухты в направлении мыса Хамелеон. Не доходя до окончности мыса, она увидела на камнях какое-то большое бревно, с корнями, оборванными бурей. Очень обрадовавшись находке, она бросилась бегом к камням, и когда почти вплотную подбежала к ним, бревно вдруг качнулось, то, что она считала камнем, приподнялось. Она увидела огромного гада с косматой гривой. Гад с шумом упал в воду и поплыл в направлении Карадага. Колхозница уж и не помнила, как дошла домой.

Возле Карадага, в Отузской долине, имеется биологическая станция. Сам я туда не ходил, так как считал мое видение малодоказуемым. Моя жена ходила туда, и на ее вопросы ей сказали, что сейчас наблюдается миграция некоторых редких рыб из Средиземного моря в район Черного. Так, в прошлом году рыбаки недалеко от Карадага поймали рыбу «черт» размером свыше двух метров. Возможно, что виденная мной рыба относится к породе «рыба-ремень», которая, правда, довольно редко встречается в Средиземном море. Рыба эта достигает длины 5-6 метров. Хотя чудовище показалось мне длиною 25-30 метров, — я ведь глядел на него с расстояния в 200 метров и, естественно, мог ошибиться в размере.

Год спустя в Коктебеле люди, плававшие на резиновой лодке по Сердоликовой бухте, слышали в соседней бухте, куда уплыло виденное мною чудовище, шипение и шум чего-то большого, падающего в воду. Когда они завернули за

скалы, они ничего в бухте не увидали. Возможно, что с отвесных скал упал в бухту камень.

И я подумал: если я мог увидеть чудовище в наши дни у подножия карадагских скал, — то столь ли удивительны те фантастические истории, которые я хочу рассказать вам?

Ларри Нивен

ЛЕВИАФАН!

(1970)

У толстой стеклянной стены стояли двое мужчин.

— Ты будешь находиться в воздухе, — говорил Светцу мясистый и краснолицый шеф. — Пока ты лежал в больнице, мы кое-что изменили в конструкции малой камеры расширения. Ты сможешь зависать неподвижно, лететь со скоростью пятидесяти миль в час или задать высоту и включить автопилот. Камера расширения теперь совершенно прозрачна — у тебя будет полный круговой обзор.

Существо по ту сторону стены очень хотело их убить. В нем было сорок футов длины от головы до кончика хвоста, а еще у него имелись недоразвитые кожистые крылья, как у летучей мыши. В остальном оно напоминало гибкую ящерицу. Существо утробно выло и царапало стекло смертоносными когтями.

К стеклу была прикреплена табличка:

ЯДОЗУБ

Изъят приблизительно в 1230 году доатомной эры

с территории Китая, Земля.

ВЫМЕРШИЙ ВИД

— Он до тебя не доберется, — сказал Ра Чен.

— Да, сэр.

Светц стоял, обхватив себя руками, как будто ему было холодно. Его отправляли за самым крупным животным всех времен, а животных Светц боялся.

— Во имя науки! О чём тут беспокоиться, Светц? Это всего-навсего большая рыба.

— Да, сэр. То же самое вы говорили о ядозубе. Всего лишь вымершая ящерица, так вы сказали.

— У нас была только картинка из детской книжки. Откуда мы могли знать, что он окажется таким громадным?

Ядозуб попытился, основательно вдохнул, прицелился — и желто-оранжевое пламя вырвалось из его ноздрей и ударило в стекло. Светц взвизгнул и отскочил в сторону.

— Он не может выбраться, — заверил Ра Чен.

Светц понемногу успокаивался. Он был человеком худощавым и тонкокостным, с бледной кожей, светло-голубыми

глазами и очень тонкими пепельными волосами.

— Откуда мы могли знать, что ящерица огнедышащая? — процитировал он. — Эта ящерица чуть не устроила мне крематорий. Я четыре месяца провалялся в больнице. И вот что меня гложет: чем больше я на нее смотрю, тем меньше она кажется мне похожей на рисунок. Иногда я думаю, что привез не то животное.

— Какая разница, Светц? Генеральный секретарь был в восторге. А это самое главное.

— Да, сэр. К слову, о Генеральном секретаре. Зачем ему кашалот? У него уже есть конь, ядозуб...

— Это немного сложно, — скривился Ра Чен. — Дворцовая политика! Она всегда сложна. Прямо сейчас, Светц, где-то во Дворце Объединенных Наций плетутся нити сотни заговоров различной степени готовности. И каждый из них расчитан на то, чтобы привлечь и *удержать* внимание Генерального секретаря. А удержать его внимание не так-то просто.

Светц кивнул. Все знали об этом свойстве Генерального секретаря.

Семейство, семьсот лет правившее Объединенными Нациями, несколько выродилось от родственных браков.

Генеральному секретарю было двадцать восемь лет. Он счастливо любил животных, цветы, картинки и людей. При виде изображений планет и галактик он радостно хлопал в ладоши и пускал слюни, так что Институт космических исследований пользовался большим влиянием в правительстве Объединенных Наций. Но Генеральный секретарь любил и вымерших животных.

— Кто-то сумел убедить Генерального секретаря, что ему позарез необходимо самое крупное животное на Земле. Хотели нам насолить, я думаю, — сказал Ра Чен. — Кому-то не понравилось, что у нас слишком большой бюджет.

К тому времени, как я вмешался, Генеральный секретарь требовал бронтозавра. Мы не сумели бы его достать. Никакая камера расширения не смогла бы проникнуть так далеко в прошлое.

— И кашалот — это была ваша идея, сэр?

— Да. Это было нелегко. Кашалоты вымерли так давно, что у нас не осталось даже изображений. Я показал Генеральному секретарю хрустальную фигурку — археологи выкопали ее в развалинах фабрики «Стейбен» — а также Библию и толковый словарь. В общем, я убедил его, что Левиафан и кашалот — одно и то же.

— Это не совсем верно. — Светц читал Библию в компьютерной выжимке. Выжимка, по его мнению, испортила весь сюжет. — Левиафаном могли называть любое значительное и разрушительное нечто, даже нашествие саранчи.

— Хвала науке, что тебя там не было, Светц! Мне и без того пришлось туго. Короче говоря, я пообещал Генеральному Секретарю самое крупное животное, когда-либо жившее на Земле. Вся имеющаяся литература подтверждает, что это кашалот. Еще в первом столетии доатомной эры в океанах встречались целые стаи кашалотов. Ты легко найдешь одного из них.

— За двадцать минут?

Ра Чен удивился.

— Что такое?

— Если я продержу большую камеру расширения в прошлом больше двадцати минут, я не сумею вернуть ее назад. Иначе...

— Я знаю.

— ...благодаря фактору неопределенности энергетических констант...

— Светц!

— ...от Института останутся рожки да ножки!

— Мы подумали об этом, Светц. Ты отправишься в прошлое в малой камере, а когда увидишь кита — вызовешь большую.

— Как именно?

— Мы изобрели способ отправлять сквозь время простые двоичные сигналы. Пойдем в Институт, я покажу.

Золотистые глаза злобно смотрели из-за стекла им вслед.

Камера расширения являлась подвижной частью машины времени. Светц сидел в прозрачной оболочке, будто на летающем кресле со складным столиком, как в самолетах, но на этом столике были кнопки, лампочки, рукоятки и экраны с извилистыми зелеными линиями. Находился Светц где-то над восточным побережьем Северной Америки, приблизительно в 100 году доатомной или в 1845 году христианской эры. Инерционный календарь не отличался особой точностью.

Светц низко мчался над свинцовой водой, под грифельным небом. Не будь волн, могло показаться, что он был неподвижно подвешен в огромной сфере, наполовину светлой, наполовину темной. Он летел на автопилоте, задав высоту в двадцать метров над уровнем воды, и глядел на стрелку ИНД — индикатора нервной деятельности.

Он охотился на Левиафана.

В животе у него что-то ходило ходуном. Поначалу Светц решил, что не успел адаптироваться к побочным гравитационным эффектам путешествия во времени. Но дело, как видно, было в другом.

Во всяком случае, долго он здесь не пробудет.

На этот раз он искал не жалкого сорокаФутового ядозуба. Он охотился на самое большое животное всех времен. Самое заметное. И у него был прибор, распознающий признаки жизни — ИНД.

Стрелка резко дернулась вправо и задрожала.

Неужели кит? Но стрелка дрожала, словно не могла определиться. Значит, скопление источников сигналов. Светц посмотрел в указанном направлении.

Клипер с белыми крыльями парусов, длинный, стройный и дьявольски грациозный. Все верно, большая группа людей в одном месте так и должна влиять на ИНД. Кашалот — единый центр сложной нервной деятельности — вызовет похожий резко выраженный импульс, но стрелка не будет так дрожать.

Корабль может помешать приему сигналов. Светц не без сожаления развернулся и полетел на восток. Парусник был таким красивым...

Светца тошило все сильнее. Лучше не становилось.

Бесконечная зелено-серая вода вздымалась и опадала под летающим креслом.

В голове у него будто что-то щелкнуло. Он понял. Морская болезнь. Автопилот послушно держал камеру на заданной высоте, следя изгибам поверхности внизу, а эта поверхность горбилась огромными темными валами.

Неудивительно, что живот так крутит! Светц усмехнулся и потянулся к рукоятке ручного управления.

Стрелка ИНД внезапно дернулась. Что-то попалось, подумал Светц и глянул вправо. Никаких кораблей. Подводные лодки еще не изобрели. Или уже изобрели? Нет, конечно же нет.

Стрелка застыла неподвижно.

Светц нажал кнопку вызова.

Источник невероятно сильных нервных импульсов находился справа — и перемещался. Светц развернулся и полетел за ним. Продел несколько минут, прежде чем Институт темпоральных исследований примет сигнал и пришлет большую камеру со снаряжением для охоты на Левиафана.

Ра Чен долго мечтал спасти Александрийскую библиотеку от устроенного Цезарем пожара. Много лет назад он построил с этой целью большую расширительную камеру. Ее дверь представляла собой огромную диафрагму. Камеру он собирался загрузить, пока библиотека горела. Места, по расчетам, хватило бы для всех свитков и двух таких древних библиотек.

Камера обошлась в целое состояние — финансировало ее, конечно, правительство. Но она не прошла дальше 400 года доатомной или 1550 года христианской эры. Книги, сгоревшие в Александрии, все еще оставались погибшими или, по крайней мере, недоступными для историков.

Подобный провал сломил бы любого другого. Но Ра Чен каким-то образом пережил этот удар по своей репутации.

По возвращении из Зоопарка он показал Светцу прочие нововведения.

— Мы оснастили большую камеру тяжелыми бластерами и антигравитационными излучателями. Управлять ими

можно дистанционно. Будь осторожен, не попади под луч бластера. Кашалота он убьет за несколько секунд, а человека — мгновенно. Других проблем у тебя возникнуть не должно.

В этот момент у Светца и засосало подл ложечкой.

— Главное новшество — кнопка вызова. Она пошлет нам сигнал сквозь время, и мы отправим большую расширительную камеру. Посадим ее совсем рядом, в нескольких минутах от тебя. Это потребовало серьезных исследований, Светц. Казначейство увеличило наш текущий бюджет, чтобы мы могли добыть этого кашалота.

Светц кивнул.

— Сперва убедись, что нашел кашалота, а потом уже вызывай большую камеру.

Теперь, двенадцатью столетиями ранее, Светц следовал за подводным источником нервных импульсов. Сигнал был невероятно мощный. Его не могло испускать никакое существо меньше взрослого самца-кашалота.

В воздухе справа соткалась тень. Светц видел, как формы ее постепенно проявлялись, и наконец рядом появилась огромная серо-голубая сфера. Вокруг двери виднелись антигравитационные излучатели и тяжелые бластеры. Противоположной стороны сферы не было видно: она просто растворялась и уходила в ничто.

Это больше всего пугало Светца в машине времени. Будто поворачиваешь за угол, которого нет.

Светц почти догнал источник импульсов. Используя дистанционное управление, он направил антигравитационные излучатели вниз.

Источник был в прицеле. Он включил излучатели. Датчики чуть ли не взвыли.

Левиафан оказался тяжелым. Гораздо более массивным, чем ожидал Светц. Он прибавил мощности. Стрелка ИНД отклонялась все дальше — невидимый под водой Левиафан поднимался к поверхности.

Вода вспучилась под воздействием антигравитационных излучателей, появилась тень.

Левиафан всплыval.

Очертания что-то не те?

Трепещущий сферический водяной пузырь поднялся, содрогаясь, из океана. В нем был Левиафан.

Был, но не полностью. Он был слишком большой и не помещался в пузыре. Такого быть не должно.

Он был вчетверо массивней кашалота и в десять раз длиннее. Он ничуть не походил на хрустальную фигурку. Он напоминал змея с бронзово-красными чешуйками размером со щит викинга и был вооружен зубами, подобными копьям из слоновой кости. Треугольные челюсти щелкали и широко распахивались. Поднимаясь к Светцу, он корчился, и его выпущенные желтые глаза искали неведомого врага, который подверг его такому унижению.

Светц оцепенел от страха и нерешительности. Ни тогда, ни после он не сомневался, что перед ним был библейский Левиафан. Самое большое животное из когда-либо плававших в водах морских, животное такое громадное и грозное, что его имя стало синонимом всего гигантского и разрушительного. Но если хрустальная фигурка действительно имела хотя бы отдаленное сходство с кашалотом, это был не кашалот.

Так или иначе, он был слишком огромен для камеры расширения.

Рука Светца застыла в нерешительности — а затем на него уставились гигантские суженные зрачки, и он перестал о чем-либо думать.

Зверь поднимался. Его туловище опоясывала сфера невесомой воды; капли дождем падали в океан, и шар непрерывно уменьшался в размерах. Ноздри зверя раздувались — он явно дышал легкими, хотя и не принадлежал к китообразным.

Он широко раскрыл пасть и потянулся к Светцу.

Ряды зубов, подобных слоновьим бивням. Блестящие и острые, как иглы. Скованный страхом, Светц видел, как они надвигались сверху и снизу.

В последнюю минуту он крепко зажмурился.

Смерть не пришла, и он открыл глаза.

Челюсти не сомкнулись. Сидя в своем кресле, Светц слышал, как зуба зверя тщетно скрежетали о невидимую оболоч-

ку камеры расширения, о существовании которой он совершенно забыл.

Светц снова смог дышать. Пусть он вернется домой с пустой расширительной камерой, пусть на него обрушится гнев Ра Чена... все лучше смерти. Светц протянул руку и отключил антигравитационные излучатели большой камеры расширения.

Металл загромыхал о металл. Светц почувствовал запах горелого масла. По пульту управления забегали красные огоньки. Он поспешил включил излучатели.

Красные огоньки стали неохотно гаснуть один за другим.

Сквозь прозрачную обшивку Светц слышал скрежет зубов. Левиафан пытался прогрызть себе путь в камеру.

Под его весом камера едва не отсоединилась от основной части машины времени. Произойди это, и Светц остался бы в прошлом, в сотне миль от берега. Сломанная камера расширения вряд ли удержалась бы на воде, а внизу его ждали бы зубы разъяренного морского чудовища. Нет, антигравитационные излучатели нельзя отключать.

Но излучатели находятся на большой камере расширения, а удерживать ее здесь можно еще минут пятнадцать, не больше. Когда большая камера исчезнет, что помешает Левиафану покончить с ним?

«Я отпугну его из бластера», — решил Светц.

Над ним было темно-красное нёбо зверя, внизу красные десны и раздвоенный язык, вокруг — длинные загнутые клыки. Между двумя рядами зубов Светц видел большую расширительную камеру и батарею бластеров у двери. Он на глаз навел бластеры прямо на Левиафана.

«Да что это я, с ума сошел?», — подумал Светц и отвел бластеры в сторону. Выпалив по Левиафану, он и себя подставит под удар.

А Левиафан и не думал отпускать камеру.

Светц был в ловушке.

Нет, подумал он со вспышкой надежды. Он еще может спасти свою жизнь. Рычаг обратного хода вырвет малую камеру расширения из зубов Левиафана, направит ее в поток времени и обратно в Институт. Задание будет провалено, но

смогут ли его в этом винить? Почему Ра Чен нигде не нашел упоминания о морском змее, превосходящем по размерам кашалота?

«Во всем виноват Ра Чен», — вслух произнес Светц и потянулся к рычагу. Его рука застыла в воздухе.

«Я не могу ему это сказать», — подумал Светц. Ра Чен наводил на него ужас.

Скрежет зубов по обшивке камеры отдавался во всем теле.

«Не хочется так быстро сдаваться, — подумал Светц. — Но кажется, есть выход».

Между зубов виднелись антигравитационные излучатели. Светц чувствовал их воздействие: лучи практически касались камеры расширения. Если направить их на себя...

Светц почувствовал перемену; он ощущал себя сильным и одновременно легким, как пьяный балетный танцор. А если точнее навести фокус...

Зубы чудовища заскрежетали громче. Светц вытянул голову и глянул в просвет между ними.

Левиафан уже не плыл по воздуху. Он свисал вниз, держась зубами за камеру. Антигравитационные лучи все еще не давали ему упасть, но за счет того, что тащили расширительную камеру вверх.

Чудовищу, несомненно, было не по себе. Естественно. Водный зверь впервые в жизни почувствовал тяжесть своего тела. Зубами! Его желтые глаза бешено вращались, кончик хвоста чуть подергивался, но он держался...

— Отпусти! — крикнул Светц. — Отпусти, слышишь... чудище!

Зубы Левиафана со скрежетом соскользнули с прозрачной обшивки, и он полетел вниз.

Светц опоздал на долю секунды. Когда он отключил антигравитацию, по камере снова поплыл запах горелого масла. На пульте управления загорелись и стали поочередно гаснуть красные огоньки.

Левиафан рухнул в воду с громоподобным грохотом. Его длинное гибкое тело перевернулось на спину, всплыло на поверхность и замерло, как мертвое. Затем хвост зашевелился,

и Светц понял, что Левиафан жив.

— Я мог бы тебя прикончить, — сказал ему Светц. — Навести на тебя бластеры и ждать, пока ты не сдохнешь. Времени достаточно.

На поиски кашалота осталось десять минут. Этого не хватит. Даже близко не хватит, но если употребить эти десять минут с пользой...

Морской змей взмахнул хвостом и поплыл прочь. Оглянулся на Светца, в ярости широко раскрыл пасть и пустился в бегство.

— Минутку, — хрипло произнес Светц. — Одну минутку, раздери твою науку!

И он навел бластеры на цель.

Тяготение в камере расширения вело себя странно. Когда камера двигалась во времени, «низ» означал любое направление от центра камеры. Светц распластался на изогнутой стене. Он с трудом дождался окончания путешествия.

Морская болезнь — ничто по сравнению с тошнотой, которую вызывает перемещение во времени.

Невесомость, после обычное тяготение. Светц, пошатываясь, двинулся к двери.

Ра Чен и помог ему выйти.

— Поймал?

— Левиафана? Нет, сэр. — Светц смотрел мимо шефа. — Где большая камера расширения?

— Мы возвращаем ее назад постепенно, чтобы минимизировать побочные гравитационные эффекты. Но если ты не сумел поймать кита...

— Я сказал, что не сумел поймать Левиафана.

— Так кого же ты поймал? — рявкнул Ра Чен.

Он помолчал и спросил:

— Ты его не нашел?

Помолчал еще и спросил:

— Ты убил его? Зачем, Светц? Просто со зла?

— Нет, сэр. Это был самый разумный поступок, какой я совершил за все время путешествия.

— Но почему? Ладно, не важно, Светц. Вот и большая камера.

В приемной полости машины времени начала сгущаться серо-голубая тень.

— Кажется, там что-то есть. Эй вы, идиоты, направьте в камеру антигравитационный луч! Хотите, чтобы зверя раздавило?

Из тени проступила камера. Ра Чен взмахнул рукой, подавая сигнал. Дверь открылась.

В камере висело что-то исполинское. Оно было похоже на разъяренную белую гору и глядело на своих похитителей единственным маленьkim и злым глазом. Оно пыталось добраться до Ра Чена, но не умело плавать по воздуху.

На месте второго глаза зияла разодранная пустая глазница. Один из плавников был рассечен. Громадная млечнобелая спина была усеяна рубцами и вздутыми шрамами и целым лесом сломанного дерева и железа. За обломанными гарпунами волочились линии. Высоко на боку, притянутый к киту оборванными и спутанными линиями, висел труп одногоного бородатого моряка.

— Не скажешь, что зверь в идеальном состоянии, — заметил Ра Чен.

— Осторожно, сэр! Это убийца. Я не успел даже навести на него бластеры, как он проторанил и потопил корабль.

— Удивительно, что ты вообще успел его найти. Тебе поразительно везет, Светц! Может, я чего-то не понимаю?

— Дело не в везении, сэр. Я принял самое разумное решение за все путешествие.

— Ты уже говорил это раньше. Ты убил Левиафана.

— Морской змей уплывал, — заторопился Светц. — Я хотел его убить, но понимал, что времени не осталось. Я уже собирался возвращаться, но тут змей оглянулся и оскалил зубы. Такие зубы бывают только у хищников. Они предназначены исключительно для убийства, сэр. Я должен был заметить это раньше. Ясно, что хищник такого размера мог питаться только одним видом животных.

— Понятно... Блестяще, Светц!

— Были и дополнительные свидетельства. В ходе исследований мы не встретили никаких упоминаний о гигантских морских змеях. И во время масштабных геологических экспедиций первого века постатомной эры также ничего не было обнаружено. Почему?

— Потому что морские змеи тихо вымерли двумя столетиями ранее, когда китобои истребили кашалотов. Им было нечего есть!

Светц покраснел.

— Точно. Левиафан уплывал, я навел на него бластеры и держал его в прицеле, пока ИНД не показал, что он мертв. Я рассудил, что если там охотился Левиафан, где-то поблизости должны были находиться и кашалоты.

— И первые импульсы Левиафана маскировали их сигналы.

— Вот именно! Как только он испустил дух, ИНД засек другой сигнал. Я последовал за ним к источнику...

Светц кивнул на кашалота. Кита извлекали из расширительной камеры.

— То есть к нему.

Несколько дней спустя двое мужчин снова стояли у толстой стеклянной стены.

— Мы взяли у кашалота образцы для клонирования и отдали его в виварий Генерального секретаря, — сказал Ра Чен. — Жаль, что тебе пришлось довольствоваться альбиносом.

Он отмахнулся от протестов Светца.

— Знаю, знаю, времени было мало.

Одноглазый кит смотрел на них из-за стекла сквозь мутную морскую воду. Хирурги извлекли из его тела гарпуны, но шрамы на спине и боках остались. Светц глядел на него с изумлением и трепетом. Сколько лет этот зверь воевал с человеком? Века? Как долго живут кашалоты?

Ра Чен понизил голос:

— Нам всем достанется, если Генеральный секретарь узнает, что когда-то существовало животное побольше размерами, чем кашалот. Ты это понимаешь, не правда ли, Светц?

— Да, сэр.

— Очень хорошо.

Ра Чен перевел взгляд на другую стеклянную стену. За ней бесновался огнедышащий ядозуб. А дальше — конь. Он встретил взгляд Ра Чена, подняв витой и страшный рог во лбу.

— Всякий раз мы находим что-то неожиданное, — сказал Ра Чен. — По временам мне кажется...

«Неожиданное? Если бы ты внимательней относился к исследовательской работе...» — подумал Светц.

— Ты знаешь, что до первого века постатомной эры мы не имели никакого представления о путешествиях во времени? Их придумал один писатель. Но до четвертого века постатомной эры машина времени оставалась чистейшей фантазией. Эта концепция противоречила всему, что ученые считали тогда законами природы, нарушала логику, принципы сохранения материи и энергии, действия и противодействия. Она отрицала любой закон движения, где время являлось частью уравнения, включая теорию относительности.

Ра Чен помолчал.

— Всякий раз, когда мы запускаем камеру расширения в прошлое, за границы четвертого века, мне кажется, что она отправляется в какой-то фантастический мир. Вот почему ты встречаешь гигантских морских змеев и огнедышащих...

— Ерунда, — сказал Светц.

Он боялся шефа, что тут спорить, но всему есть предел.

— Правильно, — быстро и чуть ли не с облегчением отозвался Ра Чен. — Возьми месячный отпуск, Светц, а потом — за работу. Генеральный секретарь хочет получить птицу.

— Птицу? — улыбнулся Светц. Это звучало достаточно безобидно. — Ему опять попалась детская книжка с картинками?

— Верно. Слыхал о птице Рух?

КОММЕНТАРИИ

Во втором издании настоящий том антологии *Из глубины глубин* дополнен отрывками из повестей Д. Р. Р. Толкина и Г. Голубева и рассказами Д. Кольера, В. Сапарина и Л. Нивена. Также добавлены иллюстрации и несколько расширены комментарии.

Аноним. Морской змей спасает команду

Впервые: *The Washington Post*, 1910, 24 июля (без имени автора). Пер. В. Барсукова.

С. 9. ...лошадиных широтах — «Лошадиными широтами» прозвали субтропические районы со слабыми ветрами и небольшими осадками примерно на 30° к северу и югу от экватора; название возникло потому, что в этих широтах часто гибли перевозимые за океан лошади.

С. 9. ...к нактоузу — Нактоуз — устройство для установки корабельного компаса и вспомогательных устройств в виде вертикальной стойки.

С. 9. ...высвистывай ветер — В старые времена моряки многих стран верили, что свистом можно вызвать ветер в штилевую погоду; в другой время свист на борту обычно считался нежелательным и даже опасным.

С. 9. ...фортик — Крайний носовой отсек судна между форштевнем и первой переборкой; в описанную в рассказе жару заточение в форпике было страшным наказанием.

М. Первухин. Зеленая смерть

Впервые: *На сушу и на море*, 1911, кн. 5, под псевд. М. Де-Мар.

М. К. Первухин (1870-1928) — русский журналист, писатель, переводчик. В 1906 г. был выслан из Крыма за оппозиционные

настроения, уехал в Германию, через год поселился в Италии, где жил до самой смерти. Автор многочисленных рассказов и романов; оставил заметное научно-фантастическое и приключенческое литературное наследие.

В связи с новеллой М. Первухина нельзя не отметить, что русский читатель никак не был избалован как рассказами о морских змеях, так и книгами о них. На русский язык никогда не переводились основополагающие труды — неоценимый *The Great Sea Serpent: An Historical and Critical Treatise* (1892) А. Удеманса и *Sea Monsters Unmasked* Г. Ли (1883) — и была лишь фрагментарно переведена книга Б. Эйвельманса *Le Grand Serpent-de-Mer: Le probleme zoologique et sa solution* (1965).

Редкие упоминания о морском змее в научно-популярных статьях 1900–1920-х гг. вскоре сошли на нет: легендарное чудовище едва ли могло принести пользу народному хозяйству. Ренессанс наступил лишь в послевоенный период на фоне оттепельной «романтики поиска»; тон задавали компиляции наподобие книги И. Акимушкина *Следы невиданных зверей* (1961) и статьи в научно-популярных журналах, особенно предназначенных для молодежной аудитории. Уделил внимание морскому змею А. Кондратов в книгах *Динозавра щите в глубинах* (1984) и *Шанс для динозавра* (1992). В 2001 г. появилась изобилующая неточностями, мистификациями и сведениями из третьих рук компиляция Н. Непомнящего *Гигантский морской змей*; чрезвычайно плодовитый автор не стал почивать на лаврах и опубликовал продолжение книги — *По следам морского змея* (2001).

Не баловали читателя и беллетристы: на русском языке не существовало ничего подобного таким повестям и романам, как *Les Histoires de Jean-Marie Cabidoulin* (1901) Ж. Верна, *Die Seeschlangen: Ein See-Roman* (1901) П. Шеербарта, *Le serpent de mer* (1925) Г. де Лотрека либо *Pierrette la téméraire* Ж.-Г. Тудуза (1927). Первое известное нам русское произведение о морском змее, приведенная здесь новелла М. Первухина, появилось в 1911 г. За ней последовала опубликованная в 1929 г. новелла Э. Батенина *Морской змей мистера Уолша*. В обоих случаях была заметна очевидная зависимость от западных образцов, хотя оба автора в то же время проявляли известную степень мастеровитости и оригинальности. В 1930 г. в ленинградском журнале *Вокруг света* был напечатан довольно невнятный рассказ С. Колбасьева *Интервью о морском змее*.

В период массового «выброса» советской фантастики в 1950-е – 1970-е гг. морскому змею вновь не повезло: фантастов преимущественно интересовали иные криптиды (не исключая живых динозавров и «озерных чудовищ»). Тем не менее, в 1964 г. писатель-фантаст и редактор журнала *Вокруг света* В. Сапарин опубликовал рассказ *Чудовище подводного каньона*, занимательную вешицу в духе традиционной советской фантастической «акванавтики», восходящей к А. Беляеву и Г. Адамову. Рассказ был бы и вовсе неплох, не будь его основная идея (оптическая иллюзия, вызывающая катастрофические последствия) заимствована из рассказа С. Лема *Патруль* (1959, русский пер. 1961).

В 1967 г. Г. Голубев включил в свою повесть *Гость из моря* эпизод с поимкой морского змея. К большому сожалению героя и читателей, пойманный змей был утрачен.

В 1983 г. увидела свет повесть Г. Прашкевича *Великий Краб-бен* – странный гибрид сатиры, бытописательства, «географической» прозы и фантастики, сочинение весьма живое, но лишь относительно «посвященное» морскому змею. После выхода повести тираж одноименного сборника был частично конфискован и уничтожен.

Уже в постсоветские времена, в 1995 г., морской змей зачем-то всплыл в рассказе Дж. Локхарда (Г. Эгриселашвили) *Симфония Тьмы* («За стенами человеческого дома тихо пел свою вечную песню ветер, не первый миллиард лет пытаясь подобрать достойные слова к симфонии Тьмы. Он плыл в черных глубинах океана, рассекая холодные воды могучей грудью <...>. Змей поднялся ближе к поверхности, вознесшись над скальным лабиринтом, словно лунная радуга над океаном. Под ним простирался затонувший материк, известный людям как Гондвана. Вокруг огромной пирамиды, вздымавшей ровные грани к зеркалу поверхности, струились потоки жизни и ощущались тысячи запахов» и т. п.).

Десять лет спустя, в 2015 г., читателей осчастливили разухабистый роман некоего Ф. Мартынова *Древняя кровь* (главный герой которого, «криптозоолог и заядлый путешественник» Ф. Мартынов, отправляется на ловлю морского змея в водах Таиланда) – малограмотный образчик «пальп»-литературы, адресованный, видимо, наиболее нетребовательной аудитории.

М. Роллан. Призрачный змей

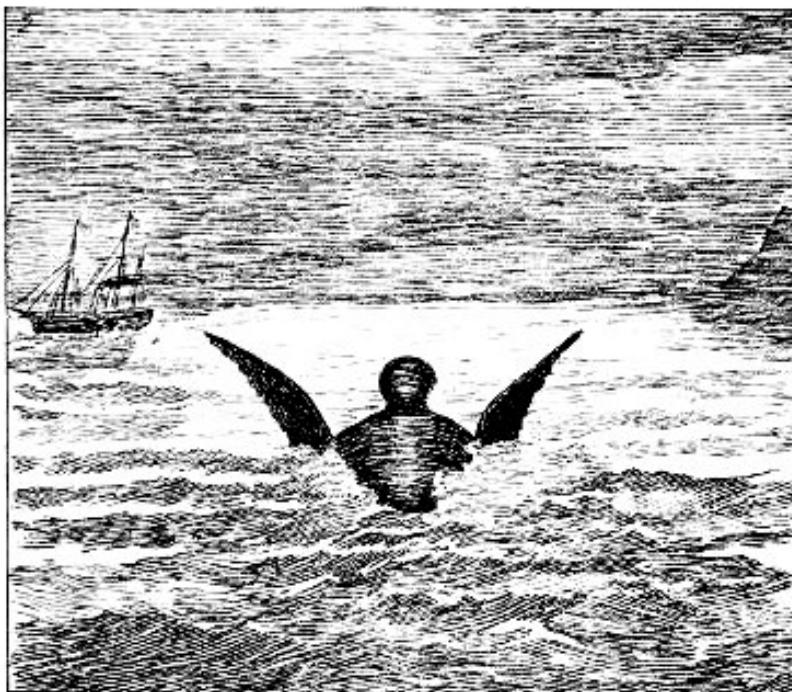
Впервые: *Journal des voyages*, 1914, № 894, 18 января, под назв. «Le Serpent fantôme: Les hallucinations de l'Océan». Пер. Л. Панаевой.

М. Роллан (1879-1955) — французский писатель, автор ряда опубликованных в 1900-1920-х гг. научно-фантастических романов и рассказов, а также научно-популярных книг.

С. 67. ...офицеры с «Осборна» — В июне 1877 г. капитан и офицеры британской королевской яхты «Осборн» сообщили о встрече с морским змеем у берегов Сицилии. Приведем отчет из газеты *Times* (1877, 14 июня):

С «Осборна», колесной королевской яхты под командованием капитана Хью Л. Пирсона, прибывшей в понедельник в Портсмут из Средиземного моря и немедленно проследовавшей к своему месту стоянки в гавани, направлен официальный рапорт в Адмиралтейство (через главнокомандующего адмирала сэра Джорджа Эллиота, К. С. В.) относительно морского чудовища, встреченного во время обратного плавания. Примерно в пять часов пополудни 2 числа сего месяца, когда море было исключительно спокойным, а яхта огибала северный берег Сицилии в направлении мыса Вито, вахтенный офицер заметил длинную череду медленно двигавшихся плавников, каждый длиной около 6 футов. Офицер затребовал подзорную трубу, и к нему сейчас же присоединились другие офицеры. «Осборн» направлялся на запад на скорости в десять с половиной узлов в час и, ввиду предстоящего долгого пути, не мог задерживаться для детальных наблюдений. Плавники двигались в восточном направлении и, когда корабль приблизился, показалась передняя часть тела гигантского морского чудовища. Его кожа, насколько можно было видеть, была совершенно лишена чешуи и напоминала по гладкости шкуру тюленя. Удлиненная голова походила по форме на пулью и также несколько напоминала голову тюленя; диаметр ее составлял около шести футов. Детали строения головы рассмотрел лишь один из офицеров, по мнению которого она напоминала голову аллигатора. Шея была сравнительно тонкой, видимая часть тела была близка по очертаниям к гигант-

ской черепахе; по обеим сторонам туловища располагались по два плавника примерно пятнадцати футов в длину, с помощью которых чудовище передвигалось, подобно черепахе. Появление чудовища, возможно, объясняется подводным вулканом к северу от островов Галит в Тунисском заливе, извержение которого началось приблизительно в середине мая, о чем сообщили в то время с парохода, столкнувшегося с выброшенным вверх обломком скалы. Подводные пертурбации, не исключено, заставили чудовище покинуть свою привычную «среду обитания», так как место извержения находится всего в ста милях от точки, где чудовище было замечено.

Зарисовка морского змея, замеченного с «Особорна»

С. 67. ...капитан Туитс... у Лонг-Айленда в 1890 году — В июле 1890 г. немецкие и голландские газеты писали о встрече британской шхуны «Энни Харпер» с морским змеем у берегов

Лонг-Айленда; животное описывалось как стофутовый монстр с коричневым в черных пятнах хвостом, а капитан шхуны Дэвид Туитс — как «всесело заслуживающий доверия джентльмен, который раньше никогда не верил в морских змеев, но теперь увидел одного из них в ясный день».

Г. де Вер Стэклил. Из глубины глубин

Впервые: *The Popular Magazine*, 1917, 7 июня, под назыв. «De Profundis». Анонимный русский пер. впервые: *Всемирный следопыт*, 1926, № 12, за подписью Де-Вер-Стэклил, с подзаг. «Фантастический морской рассказ».

Г. де Вер Стэклил (De Vere Stacpoole, 1863-1951) — плодовитый ирландский автор приключенческих романов, триллеров, детективов, фантастических и научно-фантастических произведений. Наибольший успех выпал на долю его неоднократно экранизированной кн. *Голубая лагуна* (1908). Более 40 лет Стэклил прослужил судовым врачом и отлично знал природу и нравы туземцев на островах южной части Тихого океана, которые часто описывал в своих книгах.

Д. Р. Р. Толкин. Из повести «Роверандом»

Сказочная повесть *Роверандом* (*Roverandom*), рассказывающая о приключениях песика Ровера-Рорандома, была написана Д. Р. Р. Толкином (1892-1973) в 1925 г. для сына Майкла и впервые опубликована лишь в 1992 г. Пер. Н. Шантырь. Пер. взят из сетевых источников.

Бассет Морган. Лаокоон

Впервые: *Weird Tales*, 1926, июнь. Пер. А. Шермана.

Бассет Морган — литературный псевдоним Грейс Э. Джонс (1884-1977), уроженки Канады, жившей с 1918 г. в США, автора трех романов и многочисленных рассказов. Наибольшую известность получила благодаря фантастическим рассказам, опубликованным в 1926-1936 г. в журн. *Weird Tales*.

Мотивы пересадки человеческого мозга в тело животного часто встречаются в произведениях «Бассета Моргана». Но были и предшественники: в приложении к доисторическому чудовищу первым использовал этот мотив, видимо, У. Куртис в рассказе *Чудовище озера Ламетри* (1899), первый русский пер. которого был опубликован в нашей антологии *Бухта страха* (2013). Близкое фабульное сходство и даже прямые цитаты не оставляют сомнений в источнике *Лаокоона*. Полного размаха тема достигла в замечательном романе М. Ренара *Доктор Лерн, полу бог* (1908). Не стоит и говорить, что «смелые» фантазии советских авторов М. Грешнова (*Дорогостоящий опыт*, 1971), С. Павлова (*Акванавты*, 1968) и А. Якубовского (*Мефисто*, 1972) о пересадке сознания или мозга смертельно больного человека в тело гигантского головоногого и т. п. представляются глубоко вторичными и запоздавшими на десятилетия.

Э. Батенин. Морской змей мистера Уолша

Впервые в авторском сб. *Авантурные рассказы* (М.: Изд. автора, 1929) под псевдонимом «Эр. Батени».

Э. С. Батенин (1883-1937) — офицер-кавалергард, позднее советский научный работник, военный специалист, литератор. Наиболее известен как автор приключенческого романа *Бриллиант Кони-Гута* (1926, 1928). После второго ареста в 1935 г. был приговорен к пятилетнему заключению на Соловках, в 1937 г. последовал смертный приговор и расстрел.

С. 130. Древний норвежский писатель Олай Магнус — Шведский писатель, церковный деятель, картограф Олаф Магнус (1490-1557) лишь путешествовал по Норвегии. Описал морского змея в своем знаменитом труде *Historia de gentibus septentrionalibus* («История северных народов», 1955).

С. 132. *О чём кричат и знают петухи...* — Цитируется стих. М. Кузмина *О чём кричат и знают петухи...* (1924).

С. 143. *Американская экспедиция 1924 года в Монголии, нашедшая двадцатисантиметровые яйца* — Речь идет о первой находке яиц динозавров (овираптора) экспедицией под руководством Р. Ч. Эндрюса (1884-1960); эта находка была сделана, однако, летом 1923 г.

С. 146. *Вашему соотечественнику, господину Бергу, так яростно напавшему на Дарвина...* — Имеется в виду русский и советский биолог и географ Л. С. Берг (1876-1950), автор антидарвинистической концепции «номогенеза».

С. 152. *A chacun sa part* — Каждому свое (фр.).

С. 160. *Femina, altum sapere noli* — Женщина, не возгордись (лат.). В изречении обыгрывается им геройни, которое, соответственно, можно понять как «Гордячка».

С. Колбасьев. Интервью о морском змее

Впервые: *Вокруг света* (Л.), 1930, № 24-25, 7 сентября. Рис. Н. Кочергина.

С. А. Колбасьев (1899-1937/8 или 1942) — военный моряк, поэт, писатель-маринист, дипломат. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Отличался разносторонними интересами и дарованиями (моделист, радиолюбитель-изобретатель, энтузиаст джаза). После ареста в 1937 г., был расстрелян или погиб в лагере.

С. 163. ...очерком о морском змее — Речь идет об очерке С. Ефимова *Морские змеи* в № 21-22 журнала *Вокруг света* (Л.) за 1930 г. См. приложение к нашей антологии *Интервью о морском змее* (Salamandra P.V.V., 2017).

С. 164 ...командовал канонеркой в Сайгоне — Канонеркой во время Гражданской войны командовал сам автор; с нынешним Вьетнамом связаны эпизоды службы таких чрезвычайно популяр-

ных в России в 1910-20-х гг. авторов, как французские писатели-моряки П. Лоти и К. Фаррер.

С. 166. ...Как раз у Киплинга морские змеи сделаны плезиозаврами и слепыми, выбрасываются на поверхность каким-то подводным вулканом и сразу же дохнут — Речь идет о рассказе Р. Киплинга *Истинная правда* (см. т. I настоящего изд.).

С. 167. ...таким же изображен змей и у де-Вэр Стэклила — См. выше рассказ Г. де Вер Стэклила *Из глубины глубин*.

Р. Бандини. Я видел морское чудовище

Впервые: *Esquire Magazine for Men*, 1934, июнь, под назв. «I Saw a Sea Monster». Пер. В. Барсукова.

Р. Бандини (1884-1961) — американский адвокат, один из ранних энтузиастов ловли «большой рыбы» у берегов Калифорнии, автор трех известных книг о рыбной ловле.

С. 170. ...Луизы Олкотт... пролива Хуан-де-Фука — Л. М. Олкотт (1832-1888) — американская писательница; упомянутый пролив отделяет юг острова Ванкувер от северо-западной части штата Вашингтон.

С. 173. ...«Клуба тунца» — Имеется в виду частный рыболовный клуб в Авалоне, основанный в 1898 г.; членами его состояли в свое время многие американские знаменитости.

С. 174. ...Гвадалупе — остров в Тихом океане, принадлежащий Мексике.

Р. Брэдбери. Ревун

Впервые: *Saturday Evening Post*, 1951, 23 июня, под назв. «The Fog Horn». Русский пер. впервые: *Знание-сила*, 1961, № 12, декабрь. Пер. Л. Жданова. Илл. В. Замкова.

По замечанию критика и исследователя фантастики М. Эшли, в *Ревуне* выдающийся американский фантаст Р. Брэдбери (1920-2012) «перевернул с ног на голову» идею рассказа У. Джейкобса *Соперники по красоте* (см. т. I настоящей антологии). По мотивам рассказа был снят фильм Э. Лурье *The Beast from 20,000 Fathoms* (*Чудовище с глубины 20,000 морских саженей*, 1953) о нападении пробужденного атомным взрывом монстра на Нью-Йорк — в свою очередь, вдохновивший серию японских фильмов о Годзилле.

Д. Кольер. Человек за бортом

Впервые: *Argosy*, 1960, январь. Пер. А. Шермана.

Д. Кольер (1901-1908) — известный британский писатель, романист, новеллист, сценарист, автор ряда фантастических и граничащих с фантастикой произведений, заслуживший похвалы многих писателей от Р. Брэдбери до Н. Геймана и награжденный Международной премией фэнтэзи.

С. 199. ...рийстафель — сложный обед, традиция которого сложилась в среде голландских колонизаторов в Индонезии; обычно сочетает один или несколько видов вареного риса и многочисленные добавки, в которых широко используются элементы этнических кухонь региона.

С. 204. ...с борта «Осборна» — см. выше комментарий к с. 67.

С. 208. ...Свенгали — персонаж романа Д. Дюморье *Трильби* (1895), который соблазняет и подчиняет себе молодую ирландку Трильби, превращая ее путем гипноза в знаменитую певицу; в нарицательном смысле — человек, эксплуатирующий творческую личность.

С. 212. ...Фицджеральд ...ответе Хемингуэя — Согласно литературной легенде, Ф. С. Фицджеральд однажды сказал Э. Хемингуэю: «Богатые не похожи на нас с вами», на что Хемингуэй ответил: «Правильно, у них денег больше». Такого разговора не было, а легенда восходит к новелле Хемингуэя *Снега Килиман-*

джаро (1936), в которой писатель, в свою очередь, цитировал рассказ Фицджеральда *Богатый мальчик* (1926).

В. Сапарин. Чудовище подводного каньона

Впервые: *Пионер*, 1964, №№ 2-3, февраль-март. Илл. П. Павлинова.

В. С. Сапарин (1905-1970) — советский журналист, писатель-фантаст, многолетний (1949-1970) редактор журн. *Вокруг света*. В своих произведениях перешел от т. наз. «фантастики ближнего прицела» к изображению счастливого коммунистического будущего.

Г. Голубев. Из повести «Гость из моря»

Впервые: *Искатель*, 1967, №№ 1-3, в том же году и под тем же назв. в книжной версии. Илл. П. Павлинова.

Г. Н. Голубев (1926-1989) — советский писатель, журналист, очеркист, автор более 20 приключенческо-фантастических повестей, рассказов, а также биографических и историко-документальных книг.

В. Иванов. Змий

Впервые в кн. *Вс. Иванов. Переписка с А. М. Горьким. Из дневников и записных книжек* (М., 1969). Позднее в авторском сб. *Пасмурный лист* (М., 1987) с подзаг.: «(Одно из предисловий к фантастическим рассказам)».

Рассказ советского писателя и драматурга, «Серапионова брата» В. В. Иванова (1895-1963) тесно связан с ходившими в Крыму быличками о встречах с морским чудовищем, особенно распространившимися в 1950-х, а затем (наряду со всевозможными газетными мистификациями) в 1990-х гг.

Л. Нивен. Левиафан!

Впервые: *Playboy*, 1970, август. Пер. В. Барсукова.

Л. Нивен (Л. ван Котт Нивен, р. 1938) — американский фантаст, лауреат множества премий и автор множества рассказов и романов, чья литературная карьера началась в 1964 г., по образованию математик. В произведениях Нивена «твердая» НФ часто сочетается с приключенческими и детективными элементами.

С. 286. ...фабрики «Стейбен» — Речь идет о знаменитой американской фирме художественного стекла, просуществовавшей с 1903 по 2011 г.

С. 294. ...что-то исполинское — Далее, разумеется, описаны (по Г. Мелвиллу) Моби Дик и капитан Ахав.

С. 296. ...Рух — в арабских сказаниях колоссальная птица, пожирательница слонов.

A. Шерман

Оглавление

Морской змей спасает команду. <i>Пер. В. Барсукова</i>	8
М. Первухин. Зеленая смерть	15
М. Ролан. Призрачный змей. <i>Пер. Л. Панаевой</i>	63
Г. де Вер Стэкли. Из глубины глубин	71
Д. Толкин. Из повести «Роверандом». <i>Пер. Н. Шантырь</i>	96
Б. Морган. Лаокоон. <i>Пер. А. Шермана</i>	103
Э. Батенин. Морской змей мистера Уолша	118
С. Колбасьев. Интервью о морском змее	162
Р. Бандини. Я видел морское чудовище. <i>Пер. В. Барсукова</i>	169
Р. Брэдбери. Ревун. <i>Пер. Л. Жданова</i>	179
Д. Кольер. Человек за бортом. <i>Пер. А. Шермана</i>	191
В. Сапарин. Чудовище подводного каньона	220
Г. Голубев. Из повести «Гость из моря»	261
В. Иванов. Змий	275
Л. Нивен. Левиафан! <i>Пер. В. Барсукова</i>	283
К о м м е н т а р и и	297

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.